

М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова,
В.Г. Костюк

Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт философии и права

М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова, В.Г. Костюк

**Социокультурные типы молодежи:
этнический и региональный
аспекты**

Монография

**Новосибирск
2014**

УДК 316.4 (316.7)

ББК 60.524.125

А 161

Рекомендовано к печати
Ученым советом Института философии и права
Сибирского отделения
Российской академии наук

Р е ц е н з е н т ы:

Доктор социологических наук Г.С. Солодова

Доктор философских наук Н.В. Головко

Доктор исторических наук Н.Н. Аблажей

А 161 Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Монография. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.

ISBN

В монографии на основе использования социокультурного подхода обосновываются и верифицируются модели социокультурной типологизации молодежи, базирующиеся на количественных и качественных методах анализа. Эмпирическая верификация проводится на базе данных комплексных социологических и социально-психологических исследований молодежи Республики Саха (Якутия) и Хакасия. Выделение социокультурных типов, их этнической и региональной специфики продуктивно для анализа социальных (в том числе этносоциальных) процессов, так как позволяет выявить общие черты и специфику в ориентациях и поведении различных социальных акторов (личностей, групп), детерминирующие их факторы, учесть эту специфику при регулировании социальных процессов, в том числе в сферах образования, профессиональной занятости, миграции.

Книга рассчитана на социологов, философов, культурологов, педагогов.

ISBN

© Институт философии и права СО РАН, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Теоретико-методологическое обоснование социокультурной типологизации	7
§ I.1. Содержание понятий «типология» и «тип»	7
в социологических исследованиях	7
§ I.2. Виды типологии в социологической литературе	14
§ I.3. Специфика социокультурного подхода	
в типологизации социальных явлений	26
§ I.4. Социокультурная типологизация: подходы, результаты	38
§ I.5. Методика исследования этнической и региональной специфики социокультурных типов молодежи современной России	45
Глава II. Эмпирическая верификация социокультурной типологии	54
§ II.1. Распределение социокультурных типов среди молодежи Якутии и Хакасии	54
§ II.2. Социокультурная адаптация различных типов молодежи	67
§ II.3. Молодежные лидеры: власть, деньги или созидание?	78
§ II.4. Межэтнические установки, аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи: этническое и региональное	97
Глава III. Факторы и условия формирования социокультурных типов	122
§ III.1. Роль семьи в формировании социокультурных типов	122
III.1.1. Распределение социокультурных типов среди молодежи и тип брака родителей	122
III.1.2. Социокультурные типы и ценностные ориентации молодежи при выборе брачного партнера	135
§ III.2. Образование и социокультурные типы молодежи	140
III.2.1. Характеристика региональной специфики системы образования	141
III.2.2. Образовательные стратегии социокультурных типов	151
Заключение	164
Список использованных источников	170

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представляемая монография является обобщением теоретических и эмпирических исследований, проведенных под руководством М.А. Абрамовой в Республиках Саха (Якутия) и Хакасия в 2008–2013 гг. по исследовательским проектам: «Модели этнокультурной адаптации молодежи в условиях интенсификации промышленного освоения Севера (на примере Республики Саха (Якутия))» (РГНФ № 08-06-00613а); «Социокультурная адаптация учащейся молодежи в Республике Саха (Якутия) в условиях современных трансформаций (на примере г. Якутска)»; «Социокультурные типы молодежи: региональный и этнический аспекты» (РГНФ № 12-03-00546 а).

Использование междисциплинарного подхода в исследовании проблем адаптации личности и ее участия в процессе социокультурного взаимодействия позволило устранить одностороннее рассмотрение личности как объекта внешних воздействий социальной среды, культуры и, выделяя субъект-субъектный характер взаимодействия общества и человека, культуры и человека, исследовать закономерности их развития в диалектическом единстве. Логика анализа общего, особенного и единичного в этих взаимодействиях вывела нас на исследование роли социокультурных типов именно молодежи в социальных процессах, этнической и региональной специфики в ее ценностных ориентациях и поведении.

В данной монографии для обеспечения целостности рассмотрения социокультурных типов используется подход, основы которого предложены П. Сорокиным, ныне развивающийся Н.И. Лапиным, Ю.М. Резником и рядом других исследователей. Путем построения теоретических моделей типологизации, статистических и математических методов многомерного анализа материалов массовых эмпирических междисциплинарных социологических, социально-психологических и психологических исследований ценностей и процессов адаптации русской и тюркской молодежи Восточной и Южной Сибири к условиям трансформации современного российского общества выделяются социокультурные типы в трехмерном социокультурном пространстве индивид–культура–социальное. Типологизация базируется на интеграль-

ных переменных, учитывающих психологические, социальные и культурные характеристики субъектов (индивидуов, групп, общностей) социального взаимодействия.

Актуальность проведенного исследования обусловлена тем, что понимание общества как антропосоциетальной системы, субъект-субъектного характера социального взаимодействия, позволило более адекватно отразить реальную социокультурную целостность социальных процессов и, соответственно, предоставить более надежную основу для социального прогнозирования и управления благодаря учету специфики интересов и иерархии системы ценностей различных социокультурных типов.

Конкретная задача исследования заключалась в теоретическом и конкретно-социологическом выделении социокультурных типов молодежи на материалах массовых исследований в республиках Саха (Якутия), Хакасия и изучении специфики их поведения в процессах адаптации, межэтнических отношений, этнической и общероссийской идентификации.

В результате реализации проекта разработано несколько моделей типологизации и выявлены важные в этническом и региональном аспектах социокультурные типы русской и тюркской молодежи Сибири. Это дополняет социокультурные портреты регионов России, разрабатываемые в проектах под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой.

Локализация объектов исследования – Якутия и Хакасия – определяется экономической, geopolитической, социальной и культурной спецификой данных регионов как представляющих, с одной стороны, модель евразийской цивилизации, синтезирующую славянские, тюркские и арктические социокультурные составляющие, а с другой – регионы с разной долей русского населения (свыше 80 % в Хакасии, менее 40 % в Якутии).

Исследование носило теоретико-эмпирический характер, что потребовало разработки междисциплинарной – этносоциологической, социально-психологической и психологической – эмпирической экспликации философско-социологических понятий в виде показателей и индикаторов для массовых конкретных обследований. Инструментариями обследования были выбраны социологическая анкета, социально-психологическая методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца и психологическая методика изучения индивидуально-типологических особенностей личности Л.Н. Собчик. Каждый из рес-

пондентов опрашивался, как правило, по всем трем методикам. В Республике Саха (Якутия) опрошено 3830 человек, в Республике Хакасия – 1843 человека в возрасте от 14 до 30 лет. Опросы проведены в 32 средних общеобразовательных учреждениях, 22 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также в колледжах и 16 высших учебных заведениях и их филиалах в республиках Саха (Якутия) и Хакасия.

При компьютерной обработке материалов массового опроса интегрированы показатели всех методик. Разработчик модели интеграции базы данных по социологическим и психологическим методикам – Г.С. Гончарова.

Наряду с новизной теоретического подхода, методических разработок и полученной на их основе социальной информации, проведенное исследование имеет определенную практическую значимость для оптимизации молодежной политики.

Исследование не могло бы состояться без активного участия коллег из Института проблем малочисленных народов Севера Якутского научного центра СО РАН, Министерства науки и профессионального образования РС (Я), Министерства образования РС (Я) и Хакасии, администраций учебных заведений республик. Особую признательность авторы выражают Т.С. Чиверской, Т.А. Вальдт, Т.И. Зеленецкой за помощь в организации проведения опросов в Республике Хакасия. Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Президиума СО РАН. Всем мы выражаем искреннюю благодарность за сотрудничество и помощь в проведении опросов.

Авторы признательны докт. соц. наук Г.С. Солодовой, докт. филос. наук Н.В. Головко, докт. ист. наук Н.Н. Аблажей за внимательное прочтение рукописи монографии и за ценные замечания, позволившие уточнить определенные выводы и сохранить логическую стройность изложения материалов исследования.

Авторы надеются, что данная публикация встретит заинтересованный и критический отклик у читателей – специалистов в данной области, в смежных областях науки или просто у тех, кто интересуется вопросами типологизации и прогнозированием социокультурных процессов в современной России.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

§ I.1. Содержание понятий «типовология» и «типы» в социологических исследованиях

В теории познавательной деятельности понятие типологии совместно с близкими ему и пересекающимися по содержанию понятиями «классификация», «таксономия», «группировка», «систематизация», «многомерный анализ» занимает важнейшее место. По этому вопросу существует множество трудов разных научных направлений, как отечественных, так и зарубежных. Зачастую многие из указанных понятий используются как синонимы или как составные части друг друга. Отчасти проблема понятийного аппарата теории типологии затронута в ряде работ теоретико-методологического плана, на которые мы будем опираться, определяя содержание понятия «типовология» и вычленяя его из круга родственных ему. Отметим также, что типология нами рассматривается в контексте только философско-социальных и социологических исследований. В других науках – как естественных, так и гуманитарных – она имеет свою специфику, и рассмотрение ее не является задачей нашей работы.

Судя по теоретико-методологическим исследованиям, наиболее тесно связаны между собой понятия «типовология» и «классификация». В ряде работ утверждается, что до 50–60-х годов XX столетия применялся преимущественно термин «классификация»¹, а позднее, термины стали восприниматься как синонимы. Причины сложившейся ситуации, возможно, кроются в трансформации парадигмы социологии, о которой писал А.А. Давыдов², отмечая, что «социология создавалась как монопарадигмальная наука на основе естественной парадигмы. Ее развитие показало, что общество представляет собой исключительно сложную открытую систему, для полного описания которой явно не-

¹ Шафаренко Т.А. География населения мира, понятийно-терминологический словарь, 2009 г. // <http://www.psyoffice.ru/6-1112-tipologija-i-klasifikacija.htm>

² Давыдов А.А. Социология как метапарадигмальная наука // СОЦИС, 1992. № 9. С. 85–87.

достаточно одной парадигмы. Поэтому со временем приоритеты сместились к гуманитарной парадигме, а с 1950-х годов – к математической»³. Одним из подтверждений данной гипотезы является и исторический факт повышения интереса к качеству и надежности первичных данных в России, который ознаменовался выходом в 1970-х годах работ В.Э. Шляпентоха⁴, Г.В. Осипова и А.П. Андреева⁵, Б.З. Докторова⁶, Г.И. Саганенко⁷. Таким образом, обращение социологов к методам математического анализа социальных явлений стало одной из попыток преодоления грядущего кризиса в социологии, поскольку исторически в ее основу был положен аналитический тип познания, характерный для естественно-научной парадигмы в социологии и для всей науки XIX века, который плохо приспособлен для изучения системных объектов⁸.

Важность качества всего методологического построения социологического исследования была подчеркнута в работах В.Б. Голофаста⁹, Г.И. Саганенко¹⁰, В.И. Паниотто¹¹, Г.С. Батыгина¹². Специально вопросам типологии в социологических исследованиях посвящены работы А.Г. Здравомыслова¹³, В.И. Герчикова¹⁴, В.А. Ядова¹⁵ и ряда других авторов.

³ Давыдов А.А. Социология как метапарадигмальная наука // СОЦИС, 1992. № 9. С. 86.

⁴ Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М., 1973.

⁵ Осипов Г.В., Андреев А.П. Методы измерения в социологии. М., 1977.

⁶ Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.

⁷ Саганенко Г.И. Социологическая информация / Под. ред. В.А. Ядова. Л., 1979.

⁸ Ritzer C. Sociology. A Multiple Paradigm Science. Boston, 1976.

⁹ Голофаст В.Б. Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981.

¹⁰ Саганенко Г.И. Надежность результатов социологического исследования. Л., 1983.

¹¹ Паниотто В.И. Качество социологической информации. Киев, 1986.

¹² Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986.

¹³ Здравомыслов А.Г. К вопросу о типологии образа жизни в социалистическом обществе // СОЦИС. 1974. № 2. С. 74–89.

¹⁴ Герчиков В.И. Об одной процедуре построения типологии в социологических исследованиях // СОЦИС. 1977. № 2. С. 123–133.

¹⁵ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972.

Обстоятельный философско-гносеологический анализ проблемы классификации в современной науке проведен С.С. Розовой, ею затронуты также некоторые аспекты типологии¹⁶. «Классификация, – отмечает она, – казалось бы такое простое и понятное действие – разбиение множества на подмножества, представляет собой очень сложный социальный организм, теснейшим образом связанный со многими сторонами общественной жизни и целиком определяемый характером и уровнем развития общественного производства, науки, педагогики, философских и даже религиозных воззрений общества»¹⁷. Развивающий С.С. Розовой и другими исследователями гносеологический подход к изучению классификации рассматривает последнюю как своеобразное социокультурное явление¹⁸, что важно для целей нашей работы.

В анализируемых С.С. Розовой основах традиционного учения о классификации она рассматривается как процесс и как результат (продукт) деятельности. При всех различиях мнений по данным вопросам все же можно заключить, что классификация – это разбиение предметов какого-либо рода на классы согласно наиболее существенным признакам, присущим им и отличающим их от предметов других родов¹⁹. Методологический подход к исследованию классификации, в отличие от гносеологического, имеет практическую нацеленность, связан с разработкой новых классификаций, новых методов классификации. Фрагменты будущей теории классификации с позиции методологического подхода С.С. Розова усматривает в том, что ими можно считать: «1) типологию как единство мерономии и таксономии (С.В. Мейен и Ю.А. Шрейдер); 2) классификацию и типологию как средство анализа популятивных целостностей (Г.П. Щедровицкий); 3) математизированную теорию классификации (Ю.А. Воронин)»²⁰. Как видим, типология и классификация – необходимые, важнейшие блоки теории классификации. При этом классификация в этих работах понимается как более широкое по содержанию понятие. Типология

¹⁶ Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.

¹⁷ Там же. С. 4.

¹⁸ Там же. С. 163–168.

¹⁹ Там же. С. 6.

²⁰ Там же. С. 143. См. также: Мейен С.В., Шрейдер Ю.А. Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–79; Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования. Ежегодник. 1975. М., 1976. С. 172–214.

в данной работе С.С. Розовой специально не рассматривается, только в рамках гносеологического подхода к классификации предлагается типология рефлексии ученых-классификаторов: 1) научная рефлексия разделяется на парадигмальную и внепарадигмальную; 2) оба вида рефлексии разбиваются на мировоззренческую, методологическую и предметную рефлексии²¹.

В теоретико-методологическом плане здесь следует отметить работу Ю.Г. Ершова по анализу методических проблем типологизации исторического процесса²². Различая понятия типологии, классификации и систематизации, он полагает, что «если сущность классификации заключается в таком распределении по классам (группам, разрядам), при котором важна определенность и единичность признака, то типологизация – это такая классификация, при которой выделяются типы, составляющие основу классифицируемого множества ответов»... Содержательная типология, отражающая внутренние взаимосвязи классифицируемых объектов, открывает возможности к познанию закономерностей развития системы²³.

Взаимосвязь типологии и классификации предметно рассмотрена в аспекте применения математических методов в социологических исследованиях в коллективной монографии под редакцией В.Г. Андреенкова и Ю.Н. Толстовой²⁴. Для построения содержательной типологии применены формальные методы классификации, т. е. такие, с помощью которых можно определить, принадлежит ли объект к тому или иному классу, начиная с простого отнесения его к данному классу в соответствии с наблюдаемым значением какого-либо признака и кончая использованием сложных методов многомерного шкалирования (распознавания образов).

«Каждая задача, решаемая с помощью методов классификации, – считают авторы, – является в большей или меньшей мере задачей типологии, т. е. задачей, в процессе решения которой требуется сведение в один класс однотипных в содержательном смысле, в каком-то отношении похожих друг на друга объектов... Выбор алгоритма класси-

²¹ Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986. С. 147–148.

²² Типология социальных явлений. Свердловск, 1982.

²³ Ершов Ю.Г. Методологические проблемы типологизации исторического процесса // Типология социальных явлений. Свердловск, 1982. С. 21.

²⁴ Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982.

ификации должен опираться на априорный анализ содержательных представлений о характере типа объектов» (курсив наш)²⁵.

В нашей монографии рассматривается решение задач эмпирической типологизации, т.е. такой, в которой «устойчивость свойств типа находится путем многократного перебора свойств социальных объектов (или явлений), в отличие от теоретической, где критерии свойств выявляются путем логического анализа»²⁶. Однотипными считаются объекты, обладающие устойчивым сочетанием свойств и «различие между которыми в интересующем исследователя отношении объясняется факторами, случайными по отношению к изучаемому явлению и определяющим его характер “механизмами”. В дальнейшем типологией будем называть разбиение изучаемой совокупности на группы однотипных в указанном смысле объектов. Полученные в результате типологии группы будем называть типами»²⁷.

Применяя формальные методы классификации с целью построения содержательной типологии, авторы отмечают, что при этом далеко не всегда полученные классы соответствуют типам в интересующем социолога содержательном смысле²⁸. Намечаются пути установления такого соответствия: выбор «удачного» признакового пространства, алгоритмов классификации, понимание однотипности как наличия некоторой закономерности и т. п.

Процесс типологизации как разбиения некоторого рода на виды состоит из следующих этапов: 1) расчленение исходной совокупности объектов на части, к которым могут быть применены алгоритмы классификации; 2) априорная (до осуществления классификации) характеристика этих частей, каждой из которых может соответствовать один из искомых типов; 3) разработка процедур типологии и их реализации, т. е. анализ каждого объекта с целью определения его типа²⁹.

При этом оговаривается, что в термин «классификация» не вкладывается гносеологический (связанный с познанием) смысл, в то время как термин «типовология» тесно связан с содержательным характером соответствующего разбиения совокупности на группы, с определен-

²⁵ Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 4.

²⁶ Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М., 1972. С. 191.

²⁷ Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 9.

²⁸ Там же. С. 10.

²⁹ Там же. С. 12–14.

ным уровнем познания»³⁰. То есть, типология – это скорее задача социолога, а классификация – задача математика.

Дальнейшее развитие тема соотношения типологии и классификации с акцентом на типологию получила в работах одного из соавторов отмеченной выше коллективной монографии – Г.Г. Татаровой, которая вводит понятие «типологический анализ», определяя его как основную методологическую процедуру эмпирической социологии³¹. «Типологический анализ, – определяет она, – метаметодика анализа данных, совокупность методов изучения социального феномена, позволяющих выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы эмпирических объектов, характеризующиеся типообразующими признаками, природа которых различна, и интерпретируемые как носители различных типов существования феномена»³².

Тип – как вид, форма существования социальных феноменов, совокупность наиболее существенных качественных черт – есть сущность, знание о которой всегда относительно. Тип имеет три условных значения: типовой, типический (типичный) типологический. Типовой – распространенный, часто встречающийся; типический – специфический, характерный, редко встречающийся; типологический – особенный, общий, объединяющий. Различаются понятия типологии и типологизации: второе есть процедура выделения типов, первое – результат или способ конструирования типов³³.

Методы классификации применяются «в качестве инструмента типологического анализа с целью обнаружения типологических синдромов или проверки гипотезы о существовании типов в заданном исследователем смысле» (курсив авт.)³⁴. Под типологическим синдромом понимается «эмпирическая закономерность (не обязательно качественная), обнаруженная в структуре данных, и основа для выделения гипотез существования типов социальных феноменов»³⁵.

³⁰ Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 11.

³¹ Татарова Г.Г. Типологический анализ в социологии. М., 1993; Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учеб. пос. М., 2009.

³² Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учеб. пос. М., 2009. С. 217.

³³ Там же. С. 216–217.

³⁴ Там же. С. 211.

³⁵ Там же. С. 217.

Г.Г. Татарова предлагает понятийный аппарат типологического анализа как наиболее эффективный способ достижения единства теоретического и эмпирического в эмпирической социологии, выделяя пять уровней логической декомпозиции понятия «типологический анализ» – от общих социологических категорий «тип», «типология» и др. к частным и заканчивая понятиями классификации (алгоритм, мера близости, классификационный признак и др.). На этом пятом уровне происходит переход от логической формализации к математической³⁶. Анализируя различные подходы к типологии в отечественной и зарубежной социологии, Г.Г. Татарова отмечает, что «типология» – идеальное понятие. Типы могут конструироваться на теоретическом уровне, а на эмпирическом речь может идти только о гипотезе существования типов³⁷. Типологический анализ – не типология, а «знание о типах, совокупность которого при определенных условиях может интерпретироваться как типология»³⁸.

В.И. Плотников рассматривает типологию как важную составную часть типологического подхода, основными категориями которого он определяет: «тип», «типологизация», «типология», «типологический метод» и «типовизация».

Тип в его рассмотрении есть особая таксономическая категория, опосредующая отношения между понятиями «род» (фиксирует генетическое единство знания) и «вид» (основная единица классификации в множестве элементов знания). Понятие «тип» выделяет внутри «рода» структурные блоки, сводя до минимума «видовое» многообразие. Это и открывает перед познанием перспективы как логико-гносеологического, так и онтологического, конкретно-исторического порядка, которые и реализуются в процессе типологизации. Типология есть результат типологизации, вместе с процессом, ведущим к нему. При типологизации акцент ставится на результативности использования типологического подхода. Как отмечает В.И. Плотников, «цель типологии не в копировании наличного бытия как такового, а в понимании такой упорядоченности человеческого бытия, которая была бы соразмерной и гармонизированной как во внешнем плане, так и внутреннем, как в пространстве, так и во времени»³⁹.

³⁶ Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. Учеб. пос. М., 2009. С. 12–17.

³⁷ Там же. С. 28.

³⁸ Там же. С. 26.

³⁹ Плотников В.И. Типологический подход // Социальная философия: Словарь. М., 2008. С. 532–533.

Конструктивный характер типологии реализовался Г. Беккером, П. Бергером, Т. Лукманом в «социальном конструировании реальности». Важную роль здесь играет понятие «идеального типа» (М. Вебер) как образца для сопоставления с «фоном», из которого он (тип) начинает выделяться. Именно таким образом на примере Англии как образце К. Маркс обосновал выделение капиталистического типа общества в мировом масштабе как «фоне».

Хотя В.И. Плотников акцентирует внимание на философско-методологическом аспекте типологии и использует понятие «подход», а не «анализ», как у Г.Г. Татаровой, содержание их работ коррелирует и взаимодополняет друг друга.

Следует отметить, что типология, трактуемая и как способ, и как результат конструирования типов, – сложная, многоаспектная и далекая от своего разрешения научная проблема. Здесь важны и теоретические разработки, и эмпирические социальные исследования в их взаимосвязи, ибо «голое» теоретизирование, как и «ползучий» эмпиризм не приближают к постижению истины. И в этом плане интенции Г.Г. Татаровой, С.С. Розовой, А.Г. Здравомыслова и других социологов, направленные на методолого-методическую разработку этой взаимосвязи, разделяются и в определенной мере используются в проводимых нами исследованиях.

Мы разделяем подходы исследователей, осуществляющих типологию социальных явлений на основе теоретической типологизации с последующей ее эмпирической верификацией. К сожалению, как нам представляется, такой способ типологии является в современных условиях скорее исключением, а не правилом. Причин здесь много: и трудности с организацией эмпирических массовых исследований, и мода на полипарадигмальность российской социологии, многозначность употребляемых понятий и т. д.

Рассмотрим теперь, какие виды типологии наиболее распространены в современной социологической литературе.

§ I.2. Виды типологии в социологической литературе

В зависимости от типообразующих признаков – характеристик, свойств социальных феноменов, служащих основаниями типологизации, – могут быть рассмотрены различные виды типологии. Основаниями для выделения видов чаще всего являются: социальные субъекты (личности, группы, общества); способы деятельности субъектов (труд,

досуг, политика), сферы жизнедеятельности (социальная, экономическая, культурная, политическая, религиозная) и другие признаки. Используется и комбинация признаков. Например, говорят о социально-культурных типах, социально-политической типологии, о типологии религиозно-культурных конфликтов, типологии образа жизни и т. п.

Во многих исследованиях понятие «тип» фактически используется как синоним понятия «класс». В связи с этим остается неясным, все ли естественные и социальные феномены могут быть подвергнуты типологизации.

Мы полагаем, что если исходить из различия классов и типов, то не все. Все типы условно можно считать классами, но не все классы являются типами. При одномерной классификации (например, распределении населения по возрастным группам) – это очевидно, но даже при многомерной (например, распределении по возрастным группам мужчин определенного этноса в Сибири) присвоение выделенным группам (классам) понятия «тип» не является корректным. Более сложной ситуацией для определения является многомерная классификация, в которой используются и статистические, и субъективные (ценности, мнения, установки) признаки. Мы полагаем, что решающими в этом случае являются цель проведения классификации и соотнесение ее с результатами, которые должны в случае построения типологии⁴⁰ иметь содержательный контекст с учетом поставленной цели, понимания неполноты и относительности любой типологии.

Примеры типологии социальных феноменов в истории науки встречаются еще в Античности, Древнем Китае и т. д. Например, у Платона и Аристотеля государства типологизированы на основе дифференциации государственного устройства: монархии, тирании, аристократии, олигархии, демократии. В середине XIX в. К. Маркс предложил типологию общества, основанную на определении ведущего способа производства материальных благ, дифференциации производственных отношений и, прежде всего, отношений собственности.

Наиболее известной типологией, применяемой как социологами, так экономистами и специалистами других наук об обществе на макроуровне, является типология обществ, разработанная О. Контом, Г. Спенсером, Э. Дюркгеймом, А. Тойнби во второй половине XIX–на-

⁴⁰ Типология и классификация в социологических исследованиях. М., 1982. С. 12–28; Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2009. С. 10–30.

чате XX в.в. в западной социологии, подразделившая все общества на традиционные и индустриальные. Термин «индустриальное общество» впервые появился в работах Сен-Симона⁴¹, попытавшегося дифференцировать типы обществ на основе ведущего типа производства, обуславливающего изменения социальных структур, потребностей и интересов людей, повышающего социальную мобильность населения и способствующего развитию системы коммуникаций.

Во второй половине XX века бинарная типология обществ была дополнена третьим типом – постиндустриальным, концепция которого разрабатывалась Д. Беллом, Р. Ароном, Дж. Гэлбрейтом, З. Бжезинским, А. Тоффлером, А. Туреном, Ж. Фурастье и др. Социокультурная трансформация, обусловленная ростом интереса индивида к знаниям и получению информации, усилением значимости университета как места их производства и сосредоточения, спровоцировала появление многовариантности и мозаичности в восприятии окружающего мира, что, с одной стороны создало условия для реализации свободы, а с другой потребовало от общества создания мер по ее контролю.

В той или иной мере идея, заложенная в макросоциологии по типологии обществ, повторялась многими исследователями. Так, Ф. Тённис⁴² главное внимание сосредоточил на разграничении двух основных типов общества – допромышленного, традиционного (гемайншафт – сельская, крестьянская община) и современного, промышленно-городского (гезельшафт). К. Поппер⁴³ положил в основу типологизации обществ соотношение социального контроля и свободы индивида, подразделив таким образом их на закрытые и открытые общества.

В макросоциальном плане особый интерес для социально-философских наук ныне приобретают проблемы типологии цивилизаций и культур, а для российских исследователей – определение места России в мировом цивилизационном пространстве. Необходимо отметить, что полемика в определении доминантности Востока или Запада в истоках формирования российской культуры не является новой темой. Она звучала в работах П.Я. Чаадаева, Н.Я. Данилевского, славя-

⁴¹ Ansart P. Sociologie de Saint-Simon. P. 1970.

⁴² См.: Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX–начала XX века / Под ред. И.С. Коня. М., 1979. С. 164–179.

⁴³ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М., 1992.

нофилов, западников и византологов. В настоящее время обсуждение этого вопроса вновь стало актуальным в связи с усилением дискуссии о выборе стратегии развития России.

Выступая на «круглом столе» дискуссионного клуба Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов по теме «Куда идет российская культура?», академик В.С. Степин, определяя цивилизацию как особый социальный организм, генетическим кодом воспроизводства и развития которого выступает культура, отметил следующее: «В качественно-специфических цивилизациях можно обнаружить не только особенные, но и общие типологические признаки, которые позволяют ввести понятия типа цивилизационного развития. В истории человечества можно выделить два таких типа. Первый и исторический более ранний – традиционалистский тип развития, представленный многообразием традиционных обществ. Второй, возникший намного позднее, обозначается разными терминами. Часто его называют западной цивилизацией. Сегодня этот тип развития представлен не только странами Европы и Северной Америки, но и Японией, современным Китаем, Индией, Россией и др. Я называю этот тип развития техногенной цивилизацией, учитывая, что определяющим фактором ее эволюции является ускоренный научно-технический прогресс»⁴⁴. В какой-то мере В.С. Степин вернулся в своем выступлении к типологиям обществ, разработанных макросоциологией еще в XIX–XX вв., но, с другой стороны, он применил еще редко использующийся в российской социологии интерпретативный подход, который стал разрабатываться в западной антропологии с 80-х гг. XX в.

В рамках интерпретативного подхода основаниями для типологии цивилизаций (и их культур) являются мировоззренческие универсалии культуры, системы базисных ценностей, в первую очередь – ядра этих систем. Это такие ценности, как: 1) понимание человека и его места в мире (природе и социуме); 2) понимание природы как неживого мира или живого организма; 3) приоритет традиций или инноваций; 4) понимание времени – как циклического или необратимого явления; 5) разное понимание места науки в системе культуры – как доминанты и права на создание и развитие картины мира или как неизменной картины мира, где наука согласовывает свои знания с религией, мифологией; 6) понимания личности – как определенного элемента коллекти-

⁴⁴ Куда идет российская культура? Круглый стол, 27–28 июня 2009 г. Спб., 2010. С.18.

ва (семьи, касты, сословия и т. п.) или как свободной индивидуальности, суверенной личности; 7) разное понимание власти и силы в техногенной и традиционалистских цивилизациях.

Выступающие в роли оснований типологии цивилизаций мировоззренческие универсалии – понимание человека, природы, человеческой деятельности, личности, власти – отражают, по его мнению, «три основных структуры человеческого бытия: а) отношение к природе; б) к другим людям и обществу; в) к человеческому духу в различных его формах и проявлениях (от сознания до подсознательного; от традиций, организующих сознание в процессе обучения и воспитания, до новаций, изменяющих традицию»⁴⁵.

В.С. Степин рассматривает имевшие место в истории модернизации традиционалистских обществ как результат давления техногенной цивилизации, прошедшей доиндустриальный, индустриальный и постиндустриальный (с конца XX в.) этапы своей эволюции. На последнем этапе начался новый цикл экспансии техногенной цивилизации в разные страны и регионы планеты: «модернизации переросли в глобализацию»⁴⁶.

Глобализация рассматривается на основе разных подходов к возможным сценариям цивилизационного развития: как продолжение техногенного типа развития без кардинального изменения его базисных ценностей или как радикальная трансформация этих ценностей. «Здесь речь идет уже о переходе к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному», – заключает В.С. Степин⁴⁷. Поиск новых ценностей в рамках диалога культур – таково содержание этого перехода. Из состоявшейся дискуссии возникает много вопросов о возможных подтипах выделенных цивилизационных типов, о смешанных типах и подтипах и т. д., которые могут быть и являются темами самостоятельных исследований. Например, о евразийской цивилизации, российской цивилизации и ее месте в этой типологии и др.

Через полгода (в июне 2010 г.) тот же дискуссионный клуб СПбГУП провел круглый стол «Какой тип культуры складывается в современной России?» На этот раз, в отличие от проведенного в 2009 г. заседания, доминировали культурологи, что сказалось на глубине фи-

⁴⁵ Куда идет российская культура? Круглый стол, 27–28 июня 2009 г. Спб., 2010. С. 19–22, 63.

⁴⁶ Там же. С. 23.

⁴⁷ Там же. С. 25.

лософско-методологического обсуждения темы. В выступлениях анализировались многие процессы, происходящие в современной российской культуре, давались разные оценки этим процессам, но сами основания типологии и ответы на вопрос «круглого стола» практически так и не прозвучали. Н.А. Хренов считает, что в России происходит реализация описанного еще П. Сорокиным перехода к культуре идеационального типа, когда реабилитируется сверхчувственное начало, романтизм⁴⁸. С.Н. Иконникова высказала мнение что на всем протяжении истории продолжает существовать один тип культуры: «это российская культура, российская цивилизация», которые «едины, целостны (хотя на протяжении тысячелетий и можно выделять ряд периодов). И этот тип называется российской цивилизацией, не надо придумывать других наименований»⁴⁹.

Л.И. Харченкова напомнила концепцию М. Мид о зависимости межпоколенных отношений и темпов научно-технической и социальной динамики, имеющих, по ее мнению, отношение к современной России. М. Мид выделяла три типа культур: постфигуративные (в которых дети учатся главным образом у своих предшественников), кофигуративные (в которых дети и взрослые учатся прежде всего у своих сверстников) и префигуративные (взрослые учатся также у своих детей)⁵⁰. На основе исследования, проведенного среди студентов, Л.И. Харченкова полагает, что «для современного этапа культурного развития характерна именно кофигурация, которая складывается как результат существенных, коренных перемен в жизни российского общества»⁵¹.

Концепция М. Мид представляет собой одну из немногих, которая была построена с учетом *emic*- и *etic*-подходов. Теоретический анализ позволил автору построить некую модель, которая впоследствии была эмпирически верифицирована, что углубило и развило теоретическую модель. Направление, которое представляют работы М. Мид и ученицы Боаса – Рут Бенедикт, стали одними из первых, концептуализировавших направление «Личность и культура», зародившееся

⁴⁸ Какой тип культуры складывается в современной России? Круглый стол, 12 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 22–23.

⁴⁹ Там же. С. 30–31.

⁵⁰ Mead M. Cultural determinants of behavior // Culture and Behavior. Roe A. and Simpson G. (eds.). New Haven, 1958.

⁵¹ Какой тип культуры складывается в современной России? Круглый стол, 12 марта 2010 г. СПб., 2010. С. 62.

в 20–30-х гг. XX в. в Европе. Это направление до 1980-х годов опиралось в большей степени на фрейдизм и было слабо связано с другими направлениями в психологии, и уж тем более с социологией. Но развитие когнитивной и кросс-культурной психологии, а также интерпретативного подхода в антропологии позволило обратиться к наработкам в области типологии и социологии.

Как отмечает Э.А. Орлова, кризис интерпретации социокультурных событий и их научной репрезентации нередко рассматривается как период перехода от предыдущей познавательной парадигмы, выделяющей макроуровень социокультурной реальности (культуры и цивилизации в целом), к новой, где предметной областью становится микродинамика повседневной жизни людей (механизмы межличностных взаимодействий и коммуникаций, опосредованных вещественными, символическими и когнитивными артефактами)⁵².

Но если в европейской и американской типологии основные задачи сводились к изучению национального характера (А. Инкелес и Д. Левинсон⁵³ – «модальная структура личности», К. Дюбуа⁵⁴ – «модальная личность»), то в отечественной социологии весьма заметное место принадлежит исследованиям в области типологии личности как отражению социокультурной динамики, определяющей изменения условий жизнедеятельности людей. Выделяются социальные типы (В.А. Ядов), социокультурные типы (Ю.М. Резник, Л.Г. Костюченко).

«Социальный тип личности, – определяет В.А. Ядов, – продукт сложного переплетения историко-культурных и социально-экономических условий жизнедеятельности людей»⁵⁵. Анализируя данные социологических исследований 1960–1970-х гг. в СССР, он отмечает, как изменялись социальные типы личности в зависимости от ценностных ориентаций общества в те или иные периоды. Так, в эпоху индустриализации (20–30-е годы), когда высокие темпы и экстенсивный способ развития производства требовали ударных методов работы, готовности к рывку и самопожертвованию, «складывался такой личностный тип работника, который искренне принимал ценности инициати-

⁵² Орлова Э.А. История антропологических учений. М., 2010. С. 530.

⁵³ Inkeles A., Levinson D.J. National Character: The study of modal personality and sociocultural systems // The Handbook of Social Psychology. Lindzey G. and Aronson E. (eds.) Massachusetts, Calif., L., Ontario, 1969. Vol. IV.

⁵⁴ Dubois C. The People of Alor. Minneapolis, 1944.

⁵⁵ Ядов В.А. Социальный тип личности // Коммунист. 1988. № 10. С. 96.

вы, творчества и новаторства, энергично осваивал коллективное ударничество... Требования же личной ответственности и пунктуальности, которые традиционно отнюдь не отличали наш социальный характер, в этих условиях не находили практического подтверждения»⁵⁶. Опросы рабочих и инженеров в 1970-е гг. подтвердили, что ценности творчества и инициативы продолжали доминировать в советском обществе, в то время как ориентации на самодисциплину, аккуратность и пунктуальность воспринимались чуть ли не как свидетельство инертности, отсутствия дерновения.

Важная роль в формировании того или иного типа работника, как показали опросы 1970-х годов, принадлежит отношению людей к ценностям колlettivизма и индивидуализма. Так, бригады, в которых доминировал дух соперничества, уступали в колlettivизме, но имели более высокие производственные показатели⁵⁷. Главную задачу в формировании социального типа личности эпохи перестройки В.А. Ядов видит в согласовании в личностных диспозициях общенародных и специфических интересов социальных, профессиональных, этно-культурных групп.

В 80-е гг. XX века в СССР также делались попытки по созданию типологии личности в рамках междисциплинарных исследований. Так, с позиции целей нашего исследования интерес представляет социально-этическая типология личности, рассмотренная Н.П. Соколовой. Опираясь на работы Л.М. Архангельского по социально-этическим проблемам теории личности и его вывод о том, что «этическая типология личности исходит из установления основного доминирующего качества в системе моральных качеств личности» и что можно выделить два типа личности – колlettivистский и индивидуалистский⁵⁸, Н.П. Соколова развивает этот подход, уточняя, что это доминирующее качество является не просто обобщенным выражением ценностных ориентаций личности, а проявлением ее нравственной культуры, обусловленной сущностью господствующих в обществе нравственных отношений⁵⁹.

⁵⁶ Ядов В.А. Социальный тип личности // Коммунист. 1988. № 10. С. 97.

⁵⁷ Там же. С. 98–99.

⁵⁸ Архангельский Л.М. Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974. С. 41–42.

⁵⁹ Соколова Н.П. Личность как объект этического исследования / Типология социальных явлений. Свердловск, 1982. С. 123.

Критерием типологии личности в этическом исследовании может быть соотношение общественных и личных интересов как ценностная ориентация личности, реализуемая в ее практической деятельности. Отмечая, что для социалистического общества характерен социалистический тип личности, определяемый как коллективистский, на основе шести критериев (способ утверждения личностью единства общественных и личных интересов, особенности творческого овладения моральными ценностями, уровень нравственной зрелости личности, степень социально-нравственной активности и др.) она выделяет в коллективистском типе три подтипа:

«1) личность с активной жизненной позицией, для которой характерна коммунистическая идейность, единство слова и дела, гражданственность, потребность и умение добиваться единства общественных и личных интересов, в случае необходимости подчиняющая личные интересы общественным;

2) личность, ориентированная на удовлетворение общественных интересов, но отдающая предпочтение своим личным интересам в тех случаях, когда приходится выбирать между общественным и личным;

3) личность, ориентированная на удовлетворение общественных интересов как способ удовлетворение личных; причем удовлетворение личных интересов происходит на основе соблюдения основных норм и принципов социалистического общежития и коммунистической морали»⁶⁰.

Отмечается, что при социализме существует и индивидуалистический тип личности, представленный двумя подтипами:

«1) личность, ориентированная на удовлетворение личных интересов за счет коллективных и общественных, но без нарушения норм социалистического правопорядка и нравственности;

2) личность, удовлетворяющая свои интересы всевозможными способами, в том числе и с нарушениями норм и правил социалистического общежития, правопорядка»⁶¹.

Предложенная Н.П. Соколовой социально-этическая типология личности не только дополняет социологическую типологию, где «личность представляет собой конкретное выражение сущности человека, т.е. определенным образом реализуемую интеграцию в данном инди-

⁶⁰ Соколова Н.П. Личность как объект этического исследования / Типология социальных явлений. Свердловск, 1982. С. 126–127.

⁶¹ Там же. С. 126–127.

виде социально-значимых черт, относящихся к сущности данного общества»⁶², но и позволяет проследить динамику изменения соотношения данных типов в постсоветской России.

Особый интерес вызывают материалы проекта 2001 г. «Томская инициатива», которые всецело посвящены изучению базовых ценностей россиян. Мы полагаем, что появление самой концепции проекта есть следствие продолжения линии по изучения национального характера, менталитета, которая к этому времени уже более 30 лет разрабатывалась учеными на Западе. Но в контексте развития междисциплинарных исследований в России проект стал одним из немногих, где фактически была осуществлена попытка выхода за плоскость социологического исследования. И хотя большая часть материалов проекта являлась обобщением результатов исследований, проведенных еще в 90-е гг. XX века, интуитивные попытки применения в них социокультурного подхода (который мы будем более подробно рассматривать ниже) вызывают несомненный интерес.

Например, типология личности в проведенном Г. Сатаровым в 1991–1992 гг. исследовании политического (ценностного сознания) позволила выделить типы: «консервативная оппозиция», «псевдорыночная оппозиция», «социальные консерваторы», «умеренные либералы», «романтические или радикальные либералы»⁶³. Подобное исследование также было проведено В. Рукавишниковым, но для обозначения выделенных им типов была использована терминология не только идеологическая, но и ценностная. Для проведения кластерного анализа автором был введен второй фактор – «психологический», который позволял оценить индивидуальную реакцию респондента на происходящее с учетом его представлений о справедливости. В результате появилась дополнительная шкала «неоконсерваторы – анархисты»⁶⁴. Как отмечает Г. Сатаров, примененный им метод является попыткой формализации естественной человеческой коммуникации, в результате чего были выделены модели «демократа», «консерватора», «центриста». По его мнению, социолог не должен экспериментальным путем искать переменные, он их должен заранее описывать⁶⁵. То есть фактически, как и М. Мид, автор пишет о важности использования

⁶² Кон И.С. Социология личности. М., 1980. С. 28.

⁶³ Идеологические предпочтения населения России: новые тенденции (по данным исследования ИНДЕМ и РОМИР). М., 2000.

⁶⁴ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

⁶⁵ Идеологические предпочтения населения России: новые тенденции (по данным исследования ИНДЕМ и РОМИР). М., 2000. С. 9.

emic- и etic-подходов. В качестве одной из задач разрабатываемой типологии Г. Сатаров видит построение прогнозов в отношении будущей стратификации российского общества, а также в изучении различных свойств личности, в том числе адаптационных, в условиях происходящих в России перемен.

Как видим, предложенный авторами подход действительно содержит серьезный когнитивный потенциал, но имеет (с нашей точки зрения) один существенный недостаток: пытаясь сопоставить социальное и индивидуальное, недостаточно внимания уделяется культурным предпосылкам формирования выделенных ими типов. Это значительно снижает прогностический потенциал построенной типологии, поскольку исследование ценностного сознания предполагает анализ базовых ценностей россиян, заложенных в культуре, в некоторой динамике их развития.

В исследовании, проведенном в 1997 году Г. Кутковец и А. Зубовым⁶⁶, указанный выше недостаток устранен полностью, ибо сама концепция по выявлению доминирования протестантских ценностей над традиционно православными уже предполагает обращение к истории и культуре. В результате своего исследования и построенной на его основе типологии, которая позволила соединить ценности, мировоззрение, поведенческие модели, авторы пытаются описать социальное. По крайней мере, Л.Г. Бызов, проводя параллели между результатами исследования в Томске с данными по другим регионам, очень быстро переходит к теме особого русского пути⁶⁷.

Рефлексия, осуществляемая социологами в отношении советского периода, получила новое прочтение в работах, связанных с изучением «советской» как особой типологической характеристики личности. Подробный социологический анализ «советского человека» как идеально-типической конструкции был предложен Ю. Левадой и его коллегами⁶⁸. В.А. Сомов, анализируя результаты исследований, посвященных выявлению доминантных характеристик «советского человека», делает вывод, что они «свидетельствуют о конструктивной динамике в философском и историко-социальном осмыслиении феномена

⁶⁶ Зубов А. Единство и разделения современного русского общества // *Знамя*. 1998. № 11. С. 161–194.

⁶⁷ Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Куранбаева Е.Ш. М., 2003. С. 73.

⁶⁸ Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.

советскости как главной ментальной составляющей соответствующего периода нашей истории»⁶⁹.

Одну из интересных попыток разработки типологии личности для описания результатов проведенного в 2007 г. Институтом социологии РАН совместно с фондом имени Фридриха Эберта комплексного исследования молодежи и ее ценностных ориентаций в Российской Федерации предприняла группа социологов, возглавляемая М.К. Горшковым, Ю.П. Лежнина, проводя описание данного исследования, выделяет следующие типы: «предприимчивые», «максималисты», «труженики», «семейные», «гедонисты», «карьеристы», «отчаявшиеся», «тищеславные»⁷⁰.

Мы полагаем, что хотя в данном случае типы выделены по разным основаниям, но как один из примеров попытки предложить в социологии синтетическую модель для описания не только разницы в моделях поведения, но и в истоках его формирования (что предполагает соединения социального и личного), она представляет безусловный интерес.

В то же время для раскрытия специфики выделенных автором типов, учитывая тематику исследования, важно было бы не только привести параллель с социальным и личным, но и обратиться к культурным предпосылкам, обусловившим формирование той или иной модели поведения личности. Использование именно двухфакторного основания для описания различных типов обусловливают в последующем проблемы с их верификацией.

Проведенный нами анализ литературы по вопросам типологии социальных явлений далеко не полон. Мы выделили только работы, в которых хотя бы в минимальной степени присутствуют теоретико-методологические основы типологии, поскольку в основной массе публикаций типология скорее является термином, не определяемым и не различаемым с классификацией, или фоном для рассмотрения социальных явлений. Полагаем, что этот краткий обзор дает представление о содержании типологических исследований, по крайней мере, в рос-

⁶⁹ Сомов В.А. Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе // Актуальные проблемы новейшей истории и историографии. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 117–122.

⁷⁰ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад. М., 2007. С. 14.

сийской социально-философской науке, и о существующих здесь методологических и методических проблемах.

Добавим, что важное место в типологических исследованиях в последнее время занимает социокультурная типология. К рассмотрению ее содержания как вида типологии мы переходим в следующих параграфах.

§ I.3. Специфика социокультурного подхода в типологизации социальных явлений

Социокультурный подход – методологический подход на базе системного подхода, сущность которого состоит в попытке рассмотрения общества как единства культуры и социальности, образуемых и преобразуемых деятельностью человека⁷¹. Это единство, согласно принципам системного подхода, образует целое, свойства которого не выводимы из характеристик частей. Сама личность при социокультурном подходе рассматривается в связи с обществом как системой отношений и культурой – как совокупностью ценностей и норм.

Отправную точку в генезисе формирования социокультурного подхода определять достаточно сложно. Если мы будем рассматривать вопрос о том, когда же философы обратились к системному подходу в выявлении значения общества и культуры в формировании личности, то следует отметить еще работы Геродота, Гиппократа, Тацита, Плиния, Страбона, в которых отмечалось влияние окружающей среды на формирование психологических особенностей людей. Так, в работе Геродота «История» представлены первые попытки использования etic-подхода, когда ученый пытается найти объяснение особенностям жизни и характера разных народов в окружающей их природе.

Географический детерминизм постепенно трансформировался в социально-исторический, когда социокультурное осознавалось лишь как следствие исторического развития общества, как его продукт. Человек выступает как творец культурного мира, но не как его продукт, результат самой культуры⁷². Так, Иоганн Готфрид Гердер

⁷¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. М., 2008.

⁷² Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 29. Декабрь 2011 г. С. 1.

(1744–1803 гг.) практически не разделял понятия «народный дух», «душа народа» и «народный характер». Душа народа не была для него и чем-то всеобъемлющим, заключающим в себе все его своеобразие. Он подчеркивал зависимость психических компонентов от климата и ландшафта, но допускал и влияние образа жизни и воспитания, общественного строя и истории. Свой вклад в развитие знаний о характере народов внесли и английский философ Д. Юм, и великие немецкие мыслители И. Кант и Г. Гегель. Все они не только высказывались по поводу факторов, влияющих на «дух народов», но и предлагали «психологические портреты» некоторых из них.

Социально-исторический подход позволил сформироваться так называемому феноменологическому подходу А. Шюца, также пытавшегося подвести философскую основу под методологическую перспективу и основные категории понимающей социологии М. Вебера. А. Шюц, анализируя процессы становления человеческих представлений о социальном мире, стремился выполнить поставленную еще Э. Гуссерлем задачу восстановления связи абстрактных научных категорий с «жизненным миром», понимаемым как мир непосредственной человеческой жизнедеятельности, мир культуры. Его мышление нашло новые возможности в умственном диалоге с предшествующими авторами прагматической ориентации, такими как Дж. Мид и Дж. Дьюи.

В этой связи необходимо отметить, что и интеракционизм как методологический подход, объединяющий несколько различных направлений в общественных науках, – символический интеракционизм, социальный конструктивизм, этнometодологию – также является одним из вариантов системного подхода и внес свой вклад в использование социокультурного подхода в рамках современных антропологических исследований.

Работа же А. Шюца, хоть и малоизвестная, повлияла на современную социологическую теорию через этнometодологический подход Г. Гарфинкеля. Опираясь на свою теорию, А. Шюц исследовал структуры мотивов социального действия, формы и методы обыденного сознания, структуру человеческого общения, социального восприятия, рациональности и др., а также проблемы методологии и процедуры социального познания. В рамках методологии А. Шюца, представляющей из себя один из многих способов описания феноменологической реальности, социокультурный подход опирается на актуальные прин-

ципы, которыми руководствуется исследователь и которые являются следствием его собственного опыта и мировоззрения. Под принципом понимается исходное утверждение теоретического знания, основа категориального строя той или иной системы знания⁷³. Другими словами, введением принципов обозначается наличие ключевых утверждений относительно природы, свойств и особенностей исследуемой реальности.

Возможно, более разработанной и соответствующей доктрине утверждавшегося в начале XX в. естественнонаучного подхода в области социологии стала концепция американского социолога Т. Парсонса. Обращаясь к предпосылкам социокультурного подхода, представленным в «понимающей» теории социального действия М. Вебера, Т. Парсонс акцентировал внимание на целостности общества как социетальной системы, включающей культуру⁷⁴. В процессе взаимодействия с обществом и выполнения своей человекотворческой миссии культура, в его понимании, предстает в трех своих взаимосвязанных аспектах. «Во-первых, культура передается, она составляет наследство или социальную традицию; во-вторых, это то, чему обучаются, культура не является проявлением генетической природы человека, и, в-третьих, она является общепринятой. Таким образом, она, с одной стороны, является продуктом, а с другой стороны – детерминантой системы человеческого социального взаимодействия»⁷⁵.

Акцентируя внимание на второй стороне культуры – как детерминанты социального взаимодействия, Т. Парсонс рассматривает ее в качестве приоритетного объекта социологического исследования процесса культурного развития. Как отмечает Ю.Л. Белякова, Т. Парсонс выстраивает сложно структурированную иерархию социальных систем, восходящий ряд ступеней которой имеет следующий вид⁷⁶. Исходной ступенью социальной иерархии систем выступает человеческий организм, основной функцией которого является обеспечение

⁷³ См.: Бермус А. Введение в гуманитарную методологию. М., 2007. С. 92.

⁷⁴ Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук. М., 2000. С. 415.

⁷⁵ Парсонс Т. Понятие культуры и социальной системы // О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М., 2002. С. 693–776.

⁷⁶ Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 29. Декабрь 2011 г. С. 2.

адаптации к окружающей природной и социальной среде. Над ним надстраивается система личности, представляющая собой усвоенную в процессе обучения организацию социальных качеств, статусов и ролей индивида и ориентированная на достижение определенных целей в соответствии с разделяемыми ею культурными ценностями. Взаимодействующие друг с другом и с окружающей социальной средой личности, являющиеся субъектами социального действия – акторами, в своей совокупности составляют третью ступень социальной иерархии – общество, которое осуществляет социальную интеграцию. Но чтобы интеграция осуществилась, необходимо наличие еще одной социальной системы – системы «общепринятых символов, являющихся элементами культуры», которая во всем многообразии своего содержания и выполняемых функций представляет собой четвертую, высшую ступень иерархии социальных систем.

Разработанная Т. Парсонсом концепция, получившая название структурный функционализм, характеризуется как высокоабстрактное, жестко кодифицированное теоретическое построение, претендующее на универсальное объяснение социальной реальности. Социология в данном контексте занимается изучением функций, выполняемых социальными институтами, и социальным действием индивидов, которые занимают определенное место в социальной структуре общества (статусы) и исполняют предписанные общественными нормами и ценностями социальные роли. Концепция строится на тесной связи между статикой и динамикой, социальной системой и социальной структурой. Общество в структурном функционализме – любое социальное явление, учреждение или институт, рассматриваемые с точки зрения их вклада в развитие общества; функционально взаимосвязанные переменные.

Необходимо отметить, что, несмотря на некоторую новизну структурно-функционального анализа и первичное позитивное принятие его со стороны научного сообщества, данная концепция впоследствии подверглась критике за доминирование подхода к обществу как объективной системе и недооценку роли субъектов – личностей, индивидов, социальных групп, массовых движений.

Указанные выше подходы, хотя и рассматривали общество, культуру и личность во взаимосвязи, но, тем не менее, акцентировали внимание на значимости какого-то одного либо двух из данных факторов.

Поэтому П. Сорокин⁷⁷, который впервые предпринял попытку раскрыть равноправное значение всех трех составляющих триады и обосновал свою точку зрения в фундаментальном четырехтомном труде «Социальная и культурная динамика», опубликованной в США в 1937 г., а позже и в ряде других работ, заслуженно считается основоположником социокультурного подхода.

Резюме П.А. Сорокина по анализу структуры социокультурного взаимодействия заключено в формуле «личность, общество и культура как неразрывная триада». Его вывод: «...неадекватна любая теория, которая концентрируется лишь на одном из них, исследуя социокультурный мир. Из дидактических соображений их можно изучать по отдельности; но когда анализ каждого члена триады завершен, этот элемент должен быть соотнесен с тройственным разнообразием, или матрицей, в которой он существует»⁷⁸. Социология, по П.А. Сорокину, есть «генерализующая (выделено П.С.) наука, рассматривающая социокультурную систему как целое». Общество и культура не могут рассматриваться вне связи друг с другом. «Единственно возможные различия, – отмечает он, – связаны с тем, что термин “социальный” означает сосредоточение на совокупности взаимодействующих людей и их отношениях, тогда как “культурный” означает сосредоточение на значениях, ценностях и нормах, а также на их материальных носителях (или материальной культуре)»⁷⁹.

В четырехтомной «Социальной и культурной динамике» П.А. Сорокин вновь обращается к различию «культурного» и «социального», подчеркивая: «Различие между категориями “культурное” и “социальное” весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. Тем

⁷⁷ См.: *Coclanis P.A. Pitirim A. Sorokin's early contributions to the development of anthropometric history // Economics and Human Biology.* 11. 2013. P. 259–268; *Cowell F.R. Values in Human Society: The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology.* Boston: F. Porter Sargent, 1970; *Ford J.B., Richard M.P., Talbut P.C. (Eds.). Sorokin and Civilization: A Centennial Assessment.* Transaction Publishers, NJ: New Brunswick, 1996; *Smith T.L. Sorokin's rural-urban principles // Allen, P.A. (Ed.), Sorokin in Review.* 1963. P. 188–205; *Tiryakian E.A. (Ed.). Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change: Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin.* New York: The Free Press, 1963.

⁷⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 218–220.

⁷⁹ Там же. С. 220.

не менее, чисто технически эти категории можно изучать раздельно и в интересах научного анализа изолировать друг от друга как разные *аспекты* (выделено нами) единого и неразделимого “социокультурного мира”. Под “социальным миром”, “социальными явлениями” понимаются межличностные и межгрупповые отношения, из которых состоит та или иная социальная система, организация или институт и которые образуют их “ткань” и “структуру”⁸⁰. Отмечается двойственная природа «социального мира» как категории социокультурных явлений: «объективно» существующая система социальных отношений – с одной стороны и зависимость характера этих отношений и их оценки от сознания участвующих в них или оценивающих (наблюдатели, исследователи), – с другой. Поэтому «все социальные отношения имеют два аспекта – психологический и логико-смыс洛вой (включая “причинно-функциональные” элементы). Любое социальное отношение нужно изучать с обеих точек зрения»⁸¹.

Содержание социальных отношений (в узком смысле, как аспекта социокультурных явлений) П.А. Сорокин явно не определяет, однако из структуры раздела, в котором рассматривается социальная динамика (вслед за динамикой культурной), следует, что, выделяя основные типы социальных отношений – семейственный, договорной и принудительный, – он включает сюда отношения в семье, социально-политические в том числе межнациональные и межгосударственные, демографические, экономические, отношения между группами внутри государства (социально-групповые). Последний тип (социально-групповой) он детализирует, выделяя такие «особые социальные группы, как семья, территориальная (соседская) община, государство; нация, политическая партия, религиозная группа, профессиональная, экономическая, расовая, половая, возрастные группы, научное сообщество, группировки по предпочтительному типу отдыха и развлечений, класс, каста»⁸².

Еще один важный методологический принцип в концепции социокультурной динамики П.А. Сорокина – принцип имманентного изменения и цикличности (трехфазности) ритма интегрированных суперсистем культуры – идеалистической и чувственной. Соб-

⁸⁰ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 503.

⁸¹ Там же. С. 503–504.

⁸² Там же. С. 762.

ственno говоря, он и составляет сущность его макросоциологии как интегральной науки, особенно ее раздела о социокультурных флюктуациях (трансформациях). Ее детальный анализ выходит далеко за рамки целей нашего исследования, но сказанное выше имеет непосредственное отношение к пониманию социокультурности. В частности, замечание П.А. Сорокина об ограниченности типов социокультурных процессов, к числу которых он относит адаптацию. «Какую бы ни принять классификацию, – отмечает он, – число их основных типов невелико: изоляция – контакт; ассимиляция – конфликт – адаптация; подражание – противодействие – адаптация; кооперирование – антагонизм ...»⁸³.

Исходный принцип теории социокультурного подхода гласит, что коренные социокультурные изменения, связанные с заменой одной фундаментальной формы культуры другой, – события в истории человеческой цивилизации более важные и кардинальные, чем переход от монархии к республике, от капитализма к коммунизму, ибо самые коренные качественные трансформации в обществе происходят тогда, когда оно переживает «основательную и эпохальную революцию в человеческой культуре»⁸⁴.

Такие эпохальные изменения революционного характера достаточно редки: по мысли П. Сорокина, «в течение трех тысячелетий греко-римской и западной истории это случалось только четыре раза», когда происходили переходы от чувственного к идеациональному, а затем – к идеалистическому типу культуры. П. Сорокин исследовал и интерпретировал различные варианты соотношений между типами культуры и типами личности, показал социокультурную обусловленность социальных качеств личности, ее жизненных стратегий. Он детально проанализировал динамику социокультурных ритмов, а также факторы и причины социокультурных изменений. В одной из своих последних работ, П. Сорокин применил обоснованный им социокультурный подход для сопоставления США и СССР⁸⁵.

Развитие социокультурного подхода было связано с трудами американского антрополога и культуролога Л. Уайта, работы которого

⁸³ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 763.

⁸⁴ Там же. С. 503.

⁸⁵ Sorokin P.A. Mutual convergence of the united states and the U.S.S.R. To the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 1, Issue 2. 1960. P. 143–176.

резко критиковали в 40–50-е гг. XX в. за нееволюционизм в понимании культуры. К сожалению, конструктивность его идей признали только в 1990-е гг. Л. Уайт считал, что культура представляет собой класс предметов и явлений, зависящий от способности человека к символизации, который рассматривается в экстрасоматическом контексте, вследствие чего «человеческое поведение – это функция культуры: $B = f(c)$. Если изменяется культура, изменяется и поведение»⁸⁶. Л. Уайт рассматривал культуру как социо-политико-экономическую систему, внутри которой живет, дышит и размножается род человеческий, и поэтому она во много раз важнее для будущего человечества, чем научное познание мира⁸⁷.

Дальнейшее развитие социокультурного подхода связано с кризисом буржуазного общества в конце 60-х–начале 80-х годов XX в. вследствие, как отмечает Ю.Л. Белякова, недостаточно гибкой социальной системы, переставшей удовлетворять потребности развития личности⁸⁸. В результате вновь актуализируются подходы, разработанные в рамках понимающей социологии и возникают альтернативные социологические концепции активистской, конструктивистской ориентации: почти одновременно, в 1984 году, появились работы А. Турена⁸⁹, Э. Гидденса⁹⁰, Н. Лумана⁹¹. Они стремились найти новые подходы к решению фундаментальной проблемы соотношения общества и индивида (личности, человека).

Актуализация социокультурного подхода в 1970-х гг. в исследованиях в первую очередь социальных антропологов и психологов, вызвала интерес у американских исследователей к работам Л.С. Выготского, которые в 1980-х гг. были переведены на английский язык и легли в основу современной образовательной психологии США⁹². С именем советского психолога связано возникновение социального конструктивизма. Современные американские ученые даже делают попытки назвать Л.С. Выготского основателем социокультурного под-

⁸⁶ Уайт Л. Избранное. Наука о культуре. М.: РОССПЭН, 2004.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Белякова Ю.Л. Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 29. Декабрь 2011 г. С. 2.

⁸⁹ Турен А. Возвращение человека действующего. М., 1998.

⁹⁰ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2003.

⁹¹ Luhmann N. Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.

⁹² Gauvain M. Vygotsky's Sociocultural Theory // Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development. 2008. Р. 404–413.

хода в психологии⁹³, хотя сам Л.С. Выготский термина «социокультурный» не использовал. Он и его последователи обычно пишут о «социоисторическом» подходе, поскольку в книге «История развития высших психических функций» (1931, опубл. 1960), хотя и раскрывается названная позже культурно-историческая теория развития психики, но описываются два плана поведения – натуральный, природный (результат биологической эволюции животного мира) и культурный, общественно-исторический (результат исторического развития общества), слитые в развитии психики⁹⁴.

Несмотря на все попытки применения социокультурного подхода как системного в работах П. Сорокина, А.С. Ахиезера⁹⁵, Т.И. Заславской⁹⁶, Н.И. Лапина⁹⁷, Г.В. Осипова⁹⁸, в полной мере он реализован не был. Нам кажется, что некоторая детерминация в анализе эмпирических материалов, присущая профессиональным интересам социологов, культурологов и историков, является той причиной, которая обуславливает специфичность рассмотрения поставленных проблем.

Мы полагаем, что дальнейшее раскрытие потенциала данного подхода возможно лишь в рамках междисциплинарного (в российской интерпретации) или антропологического исследования. Наиболее четко значение термина «социокультурный» расшифровывает Джеймс Верч⁹⁹, известный культурный психолог: «Я использовал термин социокультурный потому, что хочу понять связь умственного действия

⁹³ Montuori A. Social Psychology. California Institute of Integral Studies, San Francisco, CA, USA. 1975; Simonton D.K. Sociocultural context of individual creativity: A transhistorical time-series analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 32(6); Ma J. The Synergy of Peirce and Vygotsky as an Analytical Approach to the Multimodality of Semiotic Mediation // Mind, Culture and Activity 2014. P. 1119–1133.

⁹⁴ Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.

⁹⁵ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997.

⁹⁶ Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.

⁹⁷ Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

⁹⁸ Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 615.

⁹⁹ Верч Дж. (Wertsch J.) – директор Международной Академии Исследователей МакДоннела (McDonnell International Scholars Academy), профессор отделения антропологии факультета искусств и наук Вашингтонского университета Сент-Луис, автор многочисленных публикаций, посвященных культурно-исторической теории Л.С. Выготского, теории деятельности А.Н. Леонтьева. Круг его научных интересов: коллективная память, национальная идентичность и национальные нарративы.

с культурной, исторической и общественной обстановкой. Я выбрал этот термин, а не другие (например, культурный или социоисторический), чтобы подчеркнуть, что в изучении опосредованного действия важную роль играют несколько научных дисциплин и теоретических направлений... В определенном смысле более точным был бы термин социо-историко-культурный, но он, видимо, слишком громоздкий»¹⁰⁰.

В российских исследованиях на современном этапе развития социальной теории также наблюдаются явные тенденции к междисциплинарной интеграции и теоретическому синтезу различных областей знания. Одной из таких попыток является «культурный анализ» (или «социокультурный анализ»), название которого предложено Л.Г. Иониным. По его словам, это не столько особая научная дисциплина, «сколько направление теоретического исследования, применяющее методологию и аналитический аппарат культурной антропологии, социологии и философии культуры и ставящее своей целью обнаружение и анализ закономерностей социокультурных изменений»¹⁰¹.

Теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа получили развитие в работах А.С. Ахиезера¹⁰², Л.Г. Ионина¹⁰³, Н.И. Лапина¹⁰⁴, С.Г. Кирдиной¹⁰⁵, Ю.М. Резника¹⁰⁶, Л.Л. Шпак¹⁰⁷

¹⁰⁰ Верч Дж. Голос разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. М., 1996. С. 26.

¹⁰¹ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996. С. 16.

¹⁰² Ахиезер А.С. Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992; Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.

¹⁰³ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000; Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // СОЦИС. 1995. № 4. С. 3–14.

¹⁰⁴ Лапин Н.И. Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 29–41; Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Там же. 1996. № 5. С. 21–31; Лапин Н.И. Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47; Лапин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17; Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. № 7. С. 3–12; Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.

¹⁰⁵ Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // СОЦИС. 2002. № 12. С. 23–33; Кирдина С.Г.

и др. Адаптация как тип социокультурных процессов теоретически и эмпирически подробно исследованы нами¹⁰⁸.

Философско-социологические аспекты предложенного П. Сорокиным социокультурного подхода к анализу российского общества наиболее подробно, на наш взгляд, развиваются в исследованиях Н.И. Лапина и его учеников.

Конкретизируя социокультурный подход в виде пяти принципов – человека активного; взаимопроникновения культуры и социальности; антропосоциентального соответствия; социокультурного баланса; симметрии и взаимо обратимости социетальных процессов, – Н.И. Лапин отмечает, что эти принципы позволяют представить общество как целостную, самодостаточную, развивающуюся социокультурную систему. «Тип общества характеризуется типом антропосоциетального соответствия, а структура и динамика – параметрами социокультурного баланса, преобладанием воспроизводящих (традиционных) или изменяющих (инновационных процессов)»¹⁰⁹. Определяя принцип антропосоциетального соответствия как «совместимость личностно-поведенческих характеристик человека как члена данного общества и социальных характеристик этого общества (как единства культуры и социальности», он на основе этого принципа выделяет «два типа обществ»: «традиционистское» и «либеральное», отмечая, что в первом, к числу которых он относит Россию, «характеристики человека должны со-

Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000; Кирдина С.Г. Об институциональных матрицах: макросоциологическая объяснительная гипотеза // СОЦИС. 2001. № 2. С. 13–23, и др.

¹⁰⁶ Резник Ю.М. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под ред. Ю.М. Резника. М., 2012; Социокультурные практики: теория и методы исследования. Научный альманах. 2011. Т. I. Идентичность и социальное конструирование / Центр социальной теории РУДН; Под ред. П.К. Гречко и Ю.М. Резника. М., 2012; Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М., 1995; Резник Ю.М. Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез? // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1996. № 4. С. 51–57.

¹⁰⁷ Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации: Дис. ...докт. филос. наук. Кемерово, 1992; Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, проблемы, направления: Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Кемерово, 1991; Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. Красноярск, 1991.

¹⁰⁸ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

¹⁰⁹ Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 6.

ответствовавшие сложившимся социальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости)¹¹⁰.

В XXI в. социокультурный подход стал столь популярным общим методом, инструментом познания в социологии, что при этом, как справедливо замечает Ж. Тощенко, злоупотребление понятием «социокультурный» зачастую приводит к стиранию граней «между научным знанием и любым нарративом (социокультурным разговором об обществе)»¹¹¹. Это ставит вопрос, замечает он, о потере критериев научности, когда понятием «социокультурный» подменяется все многообразие происходящих в обществе процессов.

Конкретизируя эту мысль, ряд социологов отмечает, что поскольку в российских исследованиях социокультурный подход в основном использовался в оценке трансформационных процессов России 1990-х гг., то в методологическом плане его применение привело к кризису¹¹².

Суть высказанных претензий сформулированы в виде следующих тезисов:

1. При анализе с помощью этого подхода реалий российского общества значительное количество исследователей демонстрирует критическое видение современного российского социума, «алармизм», что, в свою очередь, создает неопределенность прогнозов на будущее¹¹³.

2. Социокультурный подход может быть направлен на поиски неких стабильных «точек стяжения», связывающих общество и культуру. Эти точки обеспечивают стабилизацию культурных механизмов, сохранение целостности общества. Здесь методологическая ограниченность подхода проистекает из целей и задач его использования: мы нацеливаемся на фиксацию проявлений прежних культурных программ и не можем использовать эту методику для выявления движущих сил эволюции¹¹⁴.

¹¹⁰ Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. № 7. С. 3–12.

¹¹¹ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // СОЦИС. 2002. № 9. С. 3.

¹¹² Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 101–102.

¹¹³ Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 4. № 1. 2001. С. 82.

¹¹⁴ Социокультурный подход. [Online]. Дата обращения 21.07.2014. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

3. Применение социокультурного подхода сталкивается с определенными проблемами, которые возникают при попытке типологизации и классификации российского социума и его элементов. Это приводит к рассмотрению России в рамках дилеммы «традиционное – либеральное», где единственный вектор развития лежит по направлению к ценностям либерального общества.

4. В работах С.Н. Гаврова и А.С. Ахиезера принцип эволюции является не социологическим, не культурологическим, а философским критерием, поскольку за основу берется метафизическая идея («раскола» или «модернизации»), далеко не всегда совпадающая с оценкой современников¹¹⁵. Собственно, и категория «империи» начинает рассматриваться задолго до введения этого термина в обиход, а категория «раскола» рассматривается по принципу «как бы ни расценивали события современники...».

Мы полагаем, что те сомнения, которые высказывают социологи, обусловлены ограниченностью реализации социокультурного подхода в рамках социологических исследований. Преимущество данного подхода как раз и состоит в том, что он может применяться в рамках конкретных исследований в различных исследовательских сферах и решать совершенно разные задачи. Поэтому мы считаем, что социокультурный подход не может иметь одной общей трактовки. Но любое его развитие не должно игнорировать формулу П. Сорокина «личность, общество и культура как неразрывная триада» и его императив о том, что неадекватна любая теория, концентрирующаяся лишь на одной из составляющих триады.

Наиболее полно он реализует свой исследовательский потенциал именно в сфере междисциплинарных или антропологических исследований.

§ I.4. Социокультурная типологизация: подходы, результаты

В соответствии с темой работы ниже проведен анализ только тех аспектов социокультурного подхода к исследованиям социальных процессов, которые относятся к социокультурной типологизации. От-

¹¹⁵ Гавров С.Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. 2004. С. 76.

части это отмечено в предыдущих параграфах, так как исследование типов – важная проблематика данного подхода.

Базовым для данного проекта является социокультурный подход в понимании социокультурности по Питириму Сорокину – «личность, культура и общество как неразрывная триада». Современной интерпретацией этого подхода можно считать антропосоциetalный подход (по Н.И. Лапину) как синтез субъектно-деятельностного и объектно-исторического понимания общества. Социокультурный подход по своей сути является междисциплинарным, поскольку требует интеграции различных наук (дисциплин) современного обществознания: философии, социологии, культурологии, психологии. Последняя дисциплина (психология) наименее полно представлена в комплексе современных социокультурных исследований, и устранению этого недостатка отчасти посвящен данный проект.

Принцип интегральной целостности личности, общества и культуры П.А. Сорокин в «Социальной и культурной динамике» доводит до анализа соотношения между типами культуры и типами личности и поведения. Здесь важны его выводы о том, «что господствующий тип культуры формирует тип сознания людей, которые родились и живут в рамках этой культуры», – за малым исключением тех индивидов и групп, «которые, живя физически в рамках данной культуры, не являются ее частью или же не имеют с ней психосоциального контакта»; что «сознание любого человека является микрокосмом, отражающим микрокосм окружающей его социальной среды»¹¹⁶. Важна также необходимость различать соотношения между доминантной культурой общества и ментальностью – с одной стороны и доминантной культурой и поведением индивидов. Ментальность (идеи, убеждения, верования, мнения, вкусы, нравственные и эстетические установки и т. д.) более тесно связана с культурой, чем поведение индивида, но хотя последняя связь «носит, по-видимому, более расплывчатый характер и часто даже неуловима», она существует¹¹⁷. Интерес представляют эмпирический и историко-социологический анализы типа личностей исторических фигур Греции, Рима и Западной Европы за 2800 лет

¹¹⁶ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 701.

¹¹⁷ Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 702.

(950 г. до н.э.–1850 г.), включенных в энциклопедию «Британика», на основе индикаторов типа личности по типу культуры (чувственной, идеациональной, смешанной), и теоретическое обобщение этого анализа с выводом: «...в интегрированных культурах и поведение, и ментальность становятся частями единой интегрированной системы. Может быть, интеграция не абсолютна, но она вполне ощутима»¹¹⁸.

Хотя, как и отмечено выше, П. Сорокин утверждал, что любое социальное отношение нужно изучать и с психологической, и с логико-смысловой точек зрения, личность в его концепции – «продукт социокультурных сил», а биологические и психологические характеристики человека – это предмет, по его мнению, специальных наук¹¹⁹. Отношение П. Сорокина к психологии в рамках его подхода скорее обусловлено уровнем развития, на котором находилась в то время психология с ее психофизиологической детерминантой. Более поздние концепции, включая и культурно-историческую теорию развития выших психических функций Л.С. Выготского¹²⁰, вполне дополняют идеи П. Сорокина. Впрочем, социологический редукционизм присущ не только ему, но и современным теориям личности. В принципе можно согласиться с тем, что психическое есть в целом, как правило, производное от социального и культурного, однако игнорирование первого в современных социологических (в том числе социокультурных) концепциях снижает их ценность. О попытках преодоления «антисоциокультурности» речь пойдет ниже.

Исследование динамики социокультурных систем (суперсистем) П. Сорокиным строится на типологии культур – выделении идеационального, идеалистического и чувственного типов по основаниям: понимание реальности; природа потребностей (ценностей), степень и способ удовлетворения потребностей. Для каждой суперсистемы характерна главная ценность: для чувственного типа преобладают материальные и материалистические ценности; идеационального – ориентация на трансцендентные ценности; идеалистического типа – синтез

¹¹⁸ Там же. С. 707–718.

¹¹⁹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 159–160.

¹²⁰ Gauvain M. Vygotsky's Sociocultural Theory // Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development. 2008. P. 404–413; Simonton D.K. Sociocultural context of individual creativity: A transhistorical time-series analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. Vol. 32(6); Ma J. The Synergy of Peirce and Vygotsky as an Analytical Approach to the Multimodality of Semiotic Mediation // Mind, Culture, and Activity 2014. P. 1119–1133.

ценностей культур чувственного и идеационального типов. Эти ценности существуют во всех сферах культуры – в науке, искусстве, праве, в быту, социальной, экономической, политической организации. Типология личностей строится по индикаторам сознания и поведения индивидов соответствующего типа культуры. Существует также тип культуры, где ценности отмеченных трех типов сосуществуют, не образуя органической связи. Он характерен для эпохи упадка. Возможно, этот тип характерен для понимания России. Социокультурная динамика заключается в циклической смене социокультурных типов, каждый из которых имеет свои законы развития и «пределы роста».

Социокультурный подход типологизации социальных явлений в России получил свое наиболее полное развитие в работах Н.И. Лапина¹²¹, Б.З. Докторова¹²², Л.Г. Костюченко, Ю.М. Резника¹²³.

Одним из первых к этой проблематике обратился в начале 1990-х гг. Б.З. Докторов. На основе теоретических построений и эмпирического материала, полученного путем репрезентативных социологических опросов, проведенных ВЦИОМ в европейской части России, и являющейся частью международного проекта «Ожидая изменения в Европе», разрабатываемого Международным исследовательским институтом социальных изменений (RISC), им было выделено двухмерное социокультурное пространство (плоскость, карта), на котором расположены социокультурные типы населения России и проведен сравнительный межкультурный анализ с населением стран Западной, Восточной Европы (включая бывшие республики СССР – Украину, Латвию, Литву, Эстонию). Семантическое пространство карты задавалось двумя ортогональными осями: одна с полюсами «открытость переменам», «сопротивление переменам»; другая с полюсами «коллективисты» и «гедонисты».

Аспект усиления личностного звена в социокультурной триаде и в социокультурной типологии характерен для его работ. Исследуется степень близости ценностных структур сознания различных общинностей (населения России и европейских стран, возрастных групп

¹²¹ Латин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. № 7. С. 3–12; Латин Н.И. Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17; Латин Н.И. Антropосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17–29.

¹²² Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // СОЦИС. 1994. № 3.

¹²³ Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход. М., 2003.

населения и др.) на основе кластеризации данных эмпирических социологических опросов с объемом выборок 1500–2000 респондентов в каждой стране. В результате путем математической процедуры было выделено 10 типологических групп, каждая из которых обладает отличительными чертами: 1) «уравновешенные и самоорганизованные»; 2) «энергичные, следующие долгую»; 3) «решительные гедонисты»; 4) «коллективисты, сторонники сложившихся норм»; 5) «промежуточный тип»; 6) «молодые обыватели»; 7) «самоориентированные и импульсивные искатели»; 8) «рациональные традиционалисты»; 9) «закнутые на собственные проблемы»; 10) «одинокие и бедствующие».

В итоге делается вывод: по своим ценностным структурам население России отличается от населения других европейских стран, хотя в молодых российских поколениях наблюдается тенденция к сближению с западными социокультурными стандартами, нормами поведения. «От поколения к поколению снижается доля «коллективистов» и растет доля типа «сфокусированного на себе». Тем не менее, нет никаких оснований опасаться растворения российской ментальности, утери ее уникальности»¹²⁴.

В исследовательской программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», инициированной Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии и реализуемой с поддержкой РГНФ в настоящее время творческим коллективом под руководством чл.-корр. РАН Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой, акцент делается на социокультурную типологизацию регионов. Портрет региона создается на основе четырех кластеров – композитных факторов – человек, культура, социально-экономические условия, власть. В факторе «человек» интегрируются показатели его социального самочувствия, идентификации, ценности, проблемы-опасности, уровень жизни, индекс развития человеческого потенциала, права и свобода человека.

Создание социокультурных портретов регионов – это, на наш взгляд, наиболее полная реализация принципов социокультурного подхода в исследовании современных российских трансформаций, однако в ней недостаточно представлен человек – не только в его социальной и культурной, но и психической ипостасях. На это обратил внимание профессор В.Г. Немировский, предложивший на форуме социологов в Тюмени (октябрь 2009 г.) дополнить методики Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой по созданию социокультурных портретов регионов

¹²⁴ Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // СОЦИС. 1994. № 3.

«методами анализа ценностных ориентаций и социальных потребностей в массовом сознании и в бессознательном».

Если полагать, что личность есть ставший в процессе присвоения социальной реальности индивид, то даже в этой формуле не избежать «психологизации» индивида (личности), так как и процесс, и результат присвоения во многом зависят от психических черт индивида. Как бы то ни было, но биологические и психологические аспекты социокультурных явлений менее всего изучены, что, по нашему мнению, обедняет понимание этих явлений и методику их изучения.

Человеческий индивид есть биопсихосоциальная система, в которой можно выделить и попарные, и интегральное (тройственное) взаимодействия. Поэтому взаимосвязь психического и социального – имманентная характеристика индивидуального сознания и поведения.

Эффективность использования результатов социально-психологических и собственно психологических исследований, не теряя из вида специфики социологического, в том числе социокультурного подхода, подчеркивает и Н.И. Лапин, обращая внимание на возможности экспериментального исследования универсального «механизма» мышления субъекта (анализа через синтез) в процессе диалогического решения задач, проведенного А.В. Брушлинским и В.А. Поликарповым. Их результаты обосновывают невозможность познания объекта субъектом без общения с другими субъектами. «Аналитико-синтетическая деятельность субъекта переплетена с его коммуникативной деятельностью»¹²⁵. Иными словами, действие индивида осуществляется сразу по двум осям: по оси мыслительной рефлексии (анализ–синтез) и по оси коммуникации (взаимодействие)¹²⁶. Однако эти идеи пока не реализованы на практике.

Комплексную, социокультурную типологию личности на основе теоретической модели, включающей социально-историческую и социокультурную типологии, предлагает Ю.М. Резник. Критерии социально-исторической типологии – отношение человека в тот или иной исторический период к природе и культуре. Выделяются традиционный, современный, несовременный и постсовременный типы личности.

¹²⁵ Брушлинский А.В., Поликарпов В.А. Мышление и общение. М., 1999. С. 60, 65, 112.

¹²⁶ Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 6.

Социокультурные типы определяются по критерию преобладающего в данном обществе стиля культуры: адаптационный, модернистский, позднемодернистский и постмодернистский типы¹²⁷. В итоге получается комбинированная типология: 1) «традиционный человек» – это как правило, консерватор, созерцатель, слушатель, коллекционер, обыватель; 2) «современный человек» – новатор, деятель, карьерист, игрок, рационалист; 3) «несовременный человек» – новатор, деятель, карьерист, коллекционер, обыватель; 4) «постсовременный человек» – консерватор, деятель, созерцатель, служитель, коллекционер, рационалист¹²⁸. Но выделенные типы эмпирически не верифицируются.

Непосредственное, как нам представляется, отношение к социокультурной типологии и личностей, и наций, и цивилизаций имеют развивающиеся Ю.И. Александровым и Н.Л. Александровой теоретические разработки и эмпирические исследования системной взаимосвязи субъективного опыта, культуры и социальных представлений. Авторы – специалисты в области системной психофизиологии – рассматривают проблемы ген-культурной коэволюции и «культурной» комплементарности (взаимодополняемости) индивидуальных геномов в механизмах формирования сообществ¹²⁹, системной взаимосвязи субъективного опыта и культуры (на теоретическом и эмпирическом уровне – путем анализа социальных представлений в России и других странах об умном человеке¹³⁰, о взаимосвязи эмоций, знаний субъекта, культуры и морали)¹³¹. В итоге кросс-культурных исследований этих проблем авторы приходят к выводу об устойчивости западного и восточного типов культур как на популяционном, так и на индивидуальном уровнях на протяжении веков¹³², в том числе устойчивости русской культуры – коллективистской, восточной по типу¹³³.

Хотя авторы не оперируют понятием «социокультурный тип», фактически в их исследованиях его содержание отражено достаточно полно, а обращение к взаимосвязи психофизиологических, культур-

¹²⁷ Костюченко Л.Г., Резник Ю.М. Введение в теорию личности: социокультурный подход. – М., 2003.

¹²⁸ Там же. С. 167–169.

¹²⁹ Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2009. С. 50–58.

¹³⁰ Там же. С. 77–104.

¹³¹ Там же. С. 141–222.

¹³² Там же. С. 236–237.

¹³³ Там же. С. 237–246.

ных и социальных аспектов социокультурной типологии, на наш взгляд, весьма эффективно.

Отчасти перспективы «психологизации» при выделении социокультурных типов намечены А.Ю. Касперовичем (Украина), который предлагает ввести в понятийный аппарат социокультурного подхода понятия «социокультурный субъект», «социокультурный код», «идеальный социокультурный тип», «социокультурный тип взаимодействия» и использовать их при исследовании проблем становления местного самоуправления как системы самодостаточных устойчивых социальных общностей.

На философско-цивилизационном уровне Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев рассматривали евразийство как социокультурный тип¹³⁴.

В целом же проблемы социокультурной типологизации, особенно на уровне индивидов, групп (в том числе молодежи), этносов, еще недостаточно изучены в России. В отношении использования социокультурного подхода для построения типологии в западной социологии можем отметить, как показал анализ литературы, что он также не является распространенным. Социокультурность чаще рассматривается здесь в работах, связанных с описанием факторов формирования общества и личности в целом. Доминируют исследования социокультурных процессов на макроуровне социумов, и, как правило, без личностей, без ее психологических характеристик, что, строго говоря, вряд ли можно отнести к социокультурному подходу.

§ I.5. Методика исследования этнической и региональной специфики социокультурных типов молодежи современной России

Использование междисциплинарного подхода в социокультурных исследованиях позволяет устранить одностороннее рассмотрение личности как объекта внешних воздействий социальной среды, культуры и, выделяя субъект-субъектный характер взаимодействия общества и человека, культуры и человека, исследовать закономерности их развития в диалектическом единстве. В данном исследовании для обеспечения целостности при создании типологизации на основе социокультурного подхода в рамках концепции П. Сорокина мы не ограничи-

¹³⁴ Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 3. С. 28–32.

лись исследованием взаимосвязи социального и культурного аспектов. Воспроизведя триаду, нам необходимо было обратить исследовательское внимание на рассмотрение и индивидуально-психологических, а не только культурных и социальных, характеристик личности. Предполагаем, что на базе объединения по принципу доминанты мы смогли выявить и описать социокультурные типы, материалы исследования которых могут быть использованы при разработке в дальнейшем различных программ, в том числе и в рамках образования по социализации и инкультурации молодежи.

Реализуемый нами в исследовании социокультурной адаптации¹³⁵ способ социокультурной типологизации можно отнести к теоретико-эмпирическому. В теоретическом моделировании он базируется на развивающем представлении о российском обществе как особой цивилизации – социокультурной целостности евразийского типа, интегрирующей базовые ценности Востока и Запада и воспроизводящей определенный социокультурный тип личности, ядром менталитета которого являются ценности коллективизма, приоритета духовного над материальным, стабильности над переменами, достатка над стяжательством и т. д. Эти выводы подтверждены конкретными социологическими исследованиями в регионах Сибири, в Казахстане, Монголии¹³⁶.

Междисциплинарный и комплексный подходы применяются как в теоретическом представлении объекта, так и в разработанной на основе этого представления методике эмпирического исследования и анализа материалов социологических опросов и социально-психологического тестирования. В теоретическом плане авторы проекта придерживаются диалектического метода противоречивого единства объективного и субъективного, «триадного» понимания социокультурности по П. Сорокину.

Исследование носит теоретико-эмпирический характер, что потребовало разработки междисциплинарной – этносоциологической, социально-психологической и психологической – эмпирической экспликации философско-социологических понятий в виде показателей и инди-

¹³⁵ См. подробнее: Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

¹³⁶ См. подробнее: Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск, 2008.

каторов для массовых конкретных обследований. Инструментариями обследования были выбраны социологическая анкета, социально-психологическая методика изучения ценностных ориентаций Ш. Шварца и психологическая методика изучения индивидуально-типологических особенностей личности Л.Н. Собчик. Каждый из респондентов опрашивался, как правило, по всем трем методикам. В эмпирических исследованиях применяется метод районированной выборки со случайным отбором респондентов на последнем этапе. Основанием для выборки являются материалы переписи населения, данные государственной статистики.

В Республике Саха (Якутия) опрошено 3830 человек, в Республике Хакасия – 1843 человека в возрасте от 14 до 30 лет. Но основные распределения мы предпочли рассматривать на выборке от 15 до 25 лет для уравновешивания массивов. Опросы проведены в 32 средних общеобразовательных учреждениях, 22 учреждениях начального и среднего профессионального образования, а также колледжах и 16 высших учебных заведениях и их филиалах в республиках Саха (Якутия) и Хакасия.

Выбор регионов исследования – Восточная и Южная Сибирь – обосновывается отсутствием опубликованных в научной литературе их социокультурных портретов (проект «Социокультурная эволюция России и ее регионов», реализуемый под руководством Н.И. Лапина и Л.А. Беляевой), желанием отчасти компенсировать этот пробел материалами нашего проекта, а также попыткой введения в тематику социокультурных исследований этнического фактора в регионах с разным соотношением русского и тюркского населения.

В теоретическом и эмпирическом планах в типологии моделируется трехмерное социокультурное пространство, задаваемое осями дихотомических характеристик в области личного, культурного, социального, базирующихся на десятках эмпирических показателей, полученных в процессе анализа ценностных структур сознания респондентов. Выбор дихотомий в качестве осей типологической модели является известным методическим приемом в социологии.

Акцент на этнической культуре определяется, во-первых, полиэтничностью российского общества в целом и в республиках Саха (Якутия) и Хакасия, где проводился опрос, в частности. Во-вторых, в этническом самосознании содержится, как мы полагаем, основа культурного самосознания личности. Дихотомическая ось «индивидуа-

лизм–коллективизм» и обуславливает формирование определенных психологических свойств личности, и важна в социальном плане (цивилизационном, гражданском).

В нашем исследовании применяются несколько моделей социокультурной типологизации.

Модель «коллективизм–этническое самосознание» базируется на количественных методах. Конкретный эмпирический анализ различных вариантов построения социокультурного пространства в процессе типологизации показал, что вполне надежные и достоверные выводы получаются, если в качестве осей социокультурного пространства взять, например, типологические дихотомии: по культуре – «сформированное этническое самосознание – несформированное»; по личности – дихотомию «индивидуалист–коллективист». Социальность в этой модели определяется социальным положением респондентов (в данном случае – учащаяся молодежь: школьники, студенты; типы учебных заведений – как фактор социальной стратификации; региональная специфика исследуемых групп и т. д.).

При построении модели социокультурной типологии индикаторами показателей социальной интеграции и степени сформированности этнического самосознания выступали ответы респондентов на вопросы анкеты.

По первой оси предлагался выбор при ответе на вопрос: «Что важнее сейчас для нашего народа? 1) взаимопомощь, коллективизм; 2) индивидуализм, свобода личности». По второй оси модели располагаются ответы на вопрос: «Какое из следующих высказываний кажется Вам наиболее верным? 1) каждый человек должен осознавать свою национальную принадлежность, знать язык и культуру своего народа; 2) важно осознавать свою национальную принадлежность, а знать язык и культуру своего народа необязательно; 3) сейчас не имеет особого значения осознание человеком своей национальной принадлежности, знание национального языка и культуры».

По данной модели можно, следовательно, выделить шесть социокультурных типов как среди молодежи республик в целом, так и в каждой из рассматриваемых этнических групп – русских, саха (якутов), коренных малочисленных народов Севера (КМНС), хакасов: «коллективист со сформированным этническим самосознанием», «индивидуалист со сформированным этническим самосознанием», «коллективист–космополит», «индивидуалист–космополит». Два «промежуточ-

ных» типа классифицировались в случаях варианта 2) ответа на вопрос по этническому самосознанию.

Данная типология дополняется проверкой второй моделью «включенность–автономность», разработанной на основе применения методики Шварца¹³⁷, что позволяет проанализировать установки личности в отношении коллективизма не только как социокультурной ценности, но и как личной ценности, влияющей на избрание индивидом стратегии поведения.

Попытка соотнесения ответов респондента о том, что необходимо сделать для сохранения этнической культуры (критерии оценки степени сформированности этнического самосознания в первой модели), заставила нас рассмотреть более подробно отношение индивида к выстраиванию своего коммуникативного пространства.

В ходе наших исследований респондентам были заданы вопросы: «Насколько важно для Вас жить среди людей своей национальности?» и «Насколько важно для Вас разговаривать на языке своей национальности?», т. е. были выбраны два важных признака этничности: общность этнической среды и общность языка. Сочетания ответов респондентов свидетельствуют о разной степени значимости проявления этничности в повседневной жизни. В итоге все респонденты были распределены по четырем группам:

1) считающие, что для них *очень важно* жить среди людей своей национальности и *очень важно* разговаривать на языке своей национальности, (назовем их «этноцентристы»);

2) считающие, что для них *очень важно* жить среди людей своей национальности, но при этом *не очень важно* или *вовсе неважно* разговаривать на языке своей национальности. Таким образом, значимость этничности для них скорее проявляется в пространственно-средовом аспекте (назовем их «предпочитающие моноэтничную среду»);

3) считающие, что для них *не очень важно* или *совсем не важно* жить среди людей своей национальности, но *очень важно* разговаривать на языке своей национальности, что отражает скорее потреб-

¹³⁷ Schwartz S.H. Universala in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25; Schwartz S.H., Sagiv L. Identifying Culture Specifics in the Content and Structure of Values // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1995. Vol. 26(1). P. 92–116; Карапанов В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.

ность в вербальном проявлении этничности, совпадении семиотической картины мира с людьми из круга общения (назовем их «предпочитающие монолингвистическую среду»);

4) считающие, что для них *не очень важно или совсем неважно жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своей национальности* (назовем их «этноиндифферентные»).

Данная классификация ценностных ориентаций в сфере межэтнического общения по степени значимости признаков этничности («этноцентризм – этноиндифферентность») в комбинации с другими проявлениями этничности позволяет, с одной стороны, рассмотреть ее влияние на различные стороны жизнедеятельности, с другой – понять причины, обуславливающие важность ее проявлений¹³⁸. На уровне субъективных факторов, как показали исследования Л.М. Дробижевой, Г.У. Солдатовой и других¹³⁹, именно этноцентристские установки людей считаются причиной межэтнического напряжения и конфликтов.

Поскольку в социокультурной типологизации, (например, судя по работам Ю.М. Резника) в последнее время много надежд возлагается на качественные методы исследования, феноменологический метод, то для анализа личных планов различных социокультурных типов молодежи мы рассмотрели также модель, исходящую из социально-психологических признаков, выделенных на основе экзистенционального анализа В. Франкла и типологии модели индивидуально-личностных характеристик, предложенной Л. Собчик. В этой модели интегрированы количественные и качественные методы исследования.

В условиях инновационного развития России приобретают значение такие качества личности, как ответственность, созидательный труд, личностная и социальная активность, честность, стремление не к наживе, а к продуктивному использованию материальных благ как средству реализации социальных проектов.

В рамках гуманистической психологии и педагогики описание данного типа личности представлено дилеммой «проактивность–ре-

¹³⁸ Абрамова М.А., Гончарова Г.С. Степени этничности как основа национальной политики России // СОЦИС. 2012. № 10. С. 42–50.

¹³⁹ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов. М., 1994.

активность». Понятие проактивности было введено Виктором Франклом¹⁴⁰. Проактивный человек, по мнению философа, представляет собой личность с активной жизненной позицией, с внутренним локусом контроля – принимающая ответственность за себя и свою жизнь, а не ищащая причин для происходящих с ней событий в окружающих людях и обстоятельствах, а также личность высокоодаренная нравственно: осознающая свои глубинные ценности и цели и действующая в соответствии со своими жизненными принципами, независимо от условий и обстоятельств.

Стивен Кови, последователь В. Франкла, отмечает, что проактивность – это в первую очередь ответственность за свою собственную жизнь. «Наше поведение зависит от наших решений, а не от окружающих условий. Мы можем подчинять чувства нашим ценностям. Мы инициируем происходящее и несем за это ответственность»¹⁴¹.

В качестве антипода выступает реактивный человек, который находится в зависимости от «социальных условий окружающей среды, от «социальной погоды»...». Одним из первых, кто предложил рассматривать реактивность в качестве противовеса «проактивности», был Г. Олпорт. Реактивные люди движимы чувствами, обстоятельствами, условиями и своим окружением. Проактивные люди движимы ценностями – тщательно продуманными, отобранными и принятыми»¹⁴².

Инструментарий нашего исследования базировался на модифицированном индивидуально-типологическом опроснике Л.Н. Собчик¹⁴³. В качестве основополагающих векторов, по которым проводилось определение доминирующей модели поведения личности, были выбраны три: 1) жизненная позиция; 2) отношение к другим людям (отзывчивость, гуманность, стремление прийти на помощь); 3) локус контроля.

В начале респонденты были распределены по двум группам: проактивной и реактивной. Проактивная личность характеризовалась по сочетанию эмпирических индикаторов социально-психологического диагностирования: 1) активная жизненная позиция, 2) позитивное отношение к другим людям (отзывчивость, человеколюбие, гуманность,

¹⁴⁰ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.

¹⁴¹ Кови С.Р. Семь навыков высокоеффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2011. С. 76.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ Собчик Л.Н. Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. Практическое руководство. СПб., 2003.

стремление прийти на помощь); 3) внутренний локус контроля. Все остальные индивиды были определены как личности с доминирующей реактивной моделью поведения.

Для уточнения группировки мы обратились к представленной у С. Кови характеристике самосохранения, что отражается в умении не поддаваться на эмоциональные провокации, не быть зависимым от эмоционального фона окружения и умении сохранять свое личное пространство, пресекая в отношении себя реализацию манипулятивных практик.

В результате среди опрошенных было выявлено четыре типа личностей:

- 1) *проактивные* (индивидуи с доминирующей проактивной моделью поведения, сформированными навыками по самосохранению, высоким уровнем рефлексии интернальным локусом контроля);
- 2) *переходный тип* (с доминирующей проактивной моделью поведения, но с недостаточно развитыми навыками по самосохранению, демонстрирующие зависимости разного вида: эмоционального, деятельностного, высоким уровнем рефлексии и интернальным локусом контроля);
- 3) *реактивные личности* с задатками лидера (доминирующая модель поведения – реактивная, с демонстрацией хорошо развитых навыков по самосохранению, экстернальным локусом контроля);
- 4) так называемая *реактивная масса* (доминирующая модель поведения – реактивная и слаборазвитые навыки по самосохранению)¹⁴⁴.

Исследование синтетической характеристики проактивности – реактивности в рамках определения предпосылок для формирования лидерских качеств вывело нас к идее разработки модели, связанной с изучением отношения молодежи к конформности. Данная характеристика, являясь, с одной стороны, личностной, обуславливает выбор стратегии поведения, реализуемого в обществе и предопределяющего в результате социальную страту, которую в итоге займет индивид. Стремление к конформизму – это чаще всего то, что не дает сделать человеку даже первую попытку изменить что-либо в своей жизни, не говоря уже о благе для народа в целом. Но мы также предположили, что предпо-

¹⁴⁴ См. подробнее: Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Этнокультурная и гендерная обусловленность формирования лидерских качеств индивида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 87–94.

сылки формирования отношения к конформизму отчасти обусловлены этнокультурными особенностями среды, в которой воспитывается подрастающее поколение. В результате мы получили четвертую типологию по признаку «гедонизм–аскетизм».

На основании результатов тестирования по методике Ш. Шварца все отвечавшие были распределены на четыре группы:

1) гедонисты (высоко ценят получение наслаждения и реализуют этот принцип в своем поведении);

2) аскеты (отвергают гедонизм как жизненную ценность и не стремятся к нему в своих поведенческих моделях);

3) «провокаторы» (на словах стремятся к гедонизму, но в поведении не следуют ему);

4) конформисты (вербально отвергают получение наслаждения как высшую ценность, но в деятельности стремятся вести гедонистический образ жизни).

Представленные выше типологии были эмпирически верифицированы на массивах данных, собранных в республиках Саха (Якутия) и Хакасия, что представляет особый интерес, поскольку авторы большей части разработанных теоретических типологий останавливаются лишь на описании распределения типов в той или иной социальной общности. В нашей же работе представлены результаты исследования специфики выявленных типов молодежи, их ориентаций и поведения: в адаптации, межэтнических отношениях, миграции, выборе сфер труда, семейно-брачного партнера, в образовании и т. д. Таким образом, мы полагаем, что основная задача применения типологизации как метода, позволяющего построить прогностические модели, в представленной эмпирической интерпретации получает свое полное развитие.

ГЛАВА II

ЭМПИРИЧЕСКАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ

§ II.1. Распределение социокультурных типов среди молодежи Якутии и Хакасии

В принципе каждая личность уникальна по своим характеристикам, но это не исключает наличия общих черт в сознании и поведении представителей тех или иных социальных групп. Определение этих общих черт по каким-либо важным в познавательном или практическом отношениях является задачей типологизации.

Для реализации социокультурного подхода в регулировании межэтнических взаимодействий, социально-экономического развития регионов, анализе результатов программ по социокультурной адаптации населения, построении прогнозов в отношении образования, развития семейно-брачных моделей и прочего необходима информация о распределении социокультурных типов в том или ином социальном пространстве (территориальном, этническом, экономико-отраслевом, социально-демографическом и т. д.) и их ценностных ориентациях, установках, поведении. Это дает возможность воздействия субъектов регулирования на те или иные элементы структур социокультурных типов, а тем самым – и на социальные группы в целом с целью оптимизации содержания данных элементов, поддержания позитивных и минимизации негативных тенденций их развития.

В исследования социокультурной адаптации молодежи к условиям современных трансформаций, проведенных в 2008–2011 гг. в Республике Саха (Якутия)¹⁴⁵ и в 2010–2012 гг. в Республике Хакасия, нами использовались различные модели социокультурной типологизации, в зависимости от исследовательских задач.

¹⁴⁵ См. подробнее: Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

На материале исследований в республиках Саха (Якутия) и Хакасия рассмотрим, какие основные социокультурные типы молодежи сформировались в системе общего и профессионального образования.

Начнем анализ полученного распределения выделенных моделей с наиболее привычной дихотомии «коллективизм–индивидуализм». При построении модели мы использовали не только личностный параметр, характеризующий отношение индивида к важности коллективного и индивидуального для народа, но и его отношение к значимости сохранения традиций этноса, что было представлено дихотомией «сформированное этническое самосознание – этническая индифферентность».

Приведем данные по распределению полученных типов среди наиболее многочисленных этнических групп (табл. II.1).

Как видим, среди всех этнических и региональных групп наиболее многочисленный социокультурный тип коллективистов со сформированным этническим самосознанием.

Таблица II.1

Распределение молодежи по типологии «коллективизм – этническое самосознание», % (по этническим группам и регионам)

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы						
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	По Хакасии	По РС(Я)
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	63	62	68	48	42	51	53
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	12	8	10	10	12	10	10
Коллективист-«космополит»	5	6	10	15	18	13	11
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	11	18	7	17	16	15	16
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	4	3	2	3	6	3	4
Индивидуалист-«космополит»	4	3	3	8	7	7	5

В качественном отношении данная типология в какой-то мере отражает сходство менталитетов тюркского и русского населения Сибири, евразийский характер российской цивилизации¹⁴⁶.

Этнические и региональные различия в формировании социокультурных типов у народов состоят в том, что вторым по значимости типом у саха являются индивидуалисты с сформированным этническим самосознанием, а у хакасов в дополнение к этому типу еще и коллективисты с частично сформированным этническим самосознанием; у русских в Якутии – коллективисты-«космополиты» и, с минимальной разницей, – индивидуалисты со сформированным этническим самосознанием, а у русских в Хакасии – наоборот. Мы можем предположить, что формирование этнокультурных характеристики личности и представлений в отношении значимости коллективизма для их этноса обусловливается региональной спецификой этнической картины. То есть, при условии количественного доминирования этнической группы ее представители начинают меньше уделять внимания коллективизму и единству группы, а при сокращении численности по отношению к доминирующей этнической группе – наоборот. Поэтому, несмотря на стереотипы о большей значимости для тюркской культуры коллективизма как традиционной ценности, региональная специфика этнической картины вносит свои корректиры в формирование индивидуальных установок в отношении всей этнической группы в целом (в данной ситуации мы не утверждаем о личных ценностях человека и выборе его личной стратегии поведения). Так, если в Республике Саха (Якутия) – саха (якуты) не только являются номинально титульным этносом, но и составляют практически половину населения региона (49,9 %), а вторые по численности – русские (37,8 %), то в Республике Хакасия ситуация иная: хакасы составляют лишь 12,1 %, а русские – 81,6 %¹⁴⁷. При этом если мы рассмотрим динамику увеличения численности этнических групп по России в целом, то увидим, что количество саха с 1926 года увеличилось практически в два раза (табл. II.2) и, в частности, за последние 20 лет наиболее интенсивно (на 100 тысяч человек). И хотя у хакасов динамика увеличения численности примерно такая же, но в соотношении с доми-

¹⁴⁶ См. подробнее: *Россия как цивилизация: сибирский ракурс*. Новосибирск, 2008.

¹⁴⁷ Национальный состав населения России // Материалы Всероссийской переписи 2010 г. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-01.pdf

Таблица II.2

Динамика численности саха и хакасов с 1926 по 2010 г. в РФ¹⁴⁸, тыс. чел.

Национальность	Год							
	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Саха (Якуты)	241	242	233	295	327	380	444	478
Хакасы	46	52	56	65	69	79	76	73

нирующим русским этносом в Республике Хакасия (на 2002 г. русских – 438 тыс., на 2010 г. – 428 тыс., в то время как хакасов на 2002 г. – 65 тыс., на 2010 г. – 63 тыс.) темпы роста численности этнической группы не могут сильно повлиять на изменения социокультурной ситуации в регионе. В Республике Саха (Якутия) темпы роста числа русских с 1989 к 2002 г. составили 71 %, а саха – 118,4 %.

Наше предположение о существующей зависимости между численностью этнической группы в регионе и индивидуальными установками ее представителей в отношении значимости коллективизма для группы подтверждает пример результатов опроса коренных малочисленных народов Севера (КМНС). В данной группе количество коллективистов со сформированным этническим самосознанием больше, чем у всех остальных выделенных этнических групп (68 %), а всего коллективистов (независимо от степени сформированности этнического самосознания) – 88 %.

Рассмотрение личного выбора опрошенных показало, что этническая и региональная специфика также обусловливают выбор индивидом стратегии поведения. Так, самая большая доля тех, кто не только в отношении группы, но и самих себя на первое место ставит принцип коллективизма, оказалась среди хакасов (75 %). На втором месте по осознанию значимости для себя коллективизма также оказалась немногочисленная, с точки зрения этнической картины региона, группа КМНС (74 %) (табл. II.3). То есть, принцип «нас мало – нужно объединяться для достижения своих целей» вполне иллюстрирует выявленную закономерность. Увы, данная закономерность более характерна

¹⁴⁸ Национальный состав населения России по данным переписей населения (тысяч человек) // Демоскоп Weekly № 603-604. 16–29 июня 2014. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php

Таблица II.3

Распределение молодежи по отношению к колLECTИВИЗМУ как личной и групповой ценности, %

для тюркской культуры, а также культуры северных народов, которые, по всей вероятности, ближе к своим истокам, чем русские, у которых оказалось самое низкое соотношение коллективистов с сформированным этническим самосознанием (58 % – в Якутии и 52 % – в Хакасии).

Анализ распределения социокультурных типов по возрастным когортам молодежи (14–19; 20–24, 25–29 лет) – показал, что с возрастом слегка увеличивается также доля «коллективистов со сформированным этническим самосознанием»: среди саха – с 63 до 68 %, у русских – с 43 до 48 % в Якутии и с 48 до 83 % – в Хакасии. В то же время если у хакасов к 25 годам происходит рост доли этой группы (с 61 до 73 %), то впоследствии к 30 годам происходит ее спад (до 33 %).

Мы предположили, что такое распределение социокультурных типов среди молодежи может быть обусловлено также спецификой требований к осуществлению межэтнического взаимодействия (табл. II.4).

При преобладании среди молодежи лиц, индифферентных к этнической и этнолингвистической среде проживания, заметно, что среди КМНС, хакасов и саха доля таковых существенно выше, чем среди русских. В то же время русские юноши и девушки вдвое чаще, чем их сверстники саха, КМНС и хакасы, предпочитают общение на родном языке (монолингвистическую среду): соответственно 36 и 17 % – среди русских в Якутии и саха, 40 и 23 % – среди русских в Хакасии и ха-

Таблица II.4

Распределение молодежи по типологии «этноцентризм – этноиндифферентность», % (по этническим группам и регионам)

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы						
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	По Хакасии	По РС(Я)
Этноцентристы	10	21	10	19	21	17	19
Предпочитающие моно-этническую среду	4	4	5	1	2	2	4
Предпочитающие моно-лингвистическую среду	23	17	19	40	36	33	23
Этноиндифферентные	63	57	66	39	40	49	55

касов. Сказывается, по-видимому, тот факт, что русская молодежь в национальных республиках недостаточно хорошо владеет языком титульной этнической группы, в то время как молодежь титульных этнических групп владеет, как правило, и русским, и родным языком. Влияет ли этот «монолингвизм» на межэтнические отношения молодежи и имеет ли иные социальные последствия – об этом речь пойдет в последующих параграфах.

Определенная часть (примерно каждый пятый) среди юношей и девушек саха, хакасов и коренных малочисленных народов Севера предпочитает монолингвистическую среду общения: из-за трудностей во владении русским языком, недостаточной адаптированности к полигласской среде, более комфортному самочувствию среди людей «своего» этноса и по другим причинам.

В Хакасии социокультурный тип «монолингвистов» представлен больше, чем в Якутии (33 и 23 % соответственно), так как он больше распространен и среди хакасов (чем саха), и среди русских.

Анализ возрастной динамики показал, что доля предлагающих монолингвистическую среду с увеличением возраста среди русских и в Якутии, и Хакасии увеличивается.

В то же время предлагающих моноэтническую среду проживания крайне мало – не более 5 %, а среди русских – 1–2 %. В условиях полигласской среды, во всех уголках Сибири, как правило, трудно представить, как молодежи относительно немногочисленных народов можно осуществить такие предпочтения. Скорее всего, этот социокультурный тип объединяет индивидов, испытывающих определенные проблемы в межэтническом общении.

Тем не менее молодежи еще более радикального социокультурного типа – этноцентристов, для которых очень важно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на родном языке, – достаточно много: каждый пятый среди русских и саха, каждый десятый – среди хакасов и КМНС. Мотивы этноцентристских ориентаций могут быть разные: и конфликты в межэтнических отношениях, и сепаратистские политические установки мировоззрения, и просто предшествующий опыт проживания в моноэтнической среде, кажущейся более комфортной и не требующей усилий к адаптации в полигласской среде. Но с увеличением возраста этноцентристов становится меньше по всем выделенным этническим группам.

Большая доля русских-этноцентристов объясняется также предпочтением общения на родном языке, что в условиях национальных республик не всегда становится возможным. И тогда русские как этническая группа оказываются в довольно щекотливой ситуации: находясь вроде бы в своей стране, но в то же время имея затруднения в выстраивании коммуникативного пространства, без знания языка титульного этноса конкретного региона.

Развитие данного социокультурного типа весьма нежелательно для российского общества, особенно в условиях усиливающейся этнической миграции и глобализации.

Если распределения молодежи по описанным выше двум моделям социокультурной типологизации характеризуют распространность типов скорее с социально-культурных, макросоциальных позиций, то следующие два типа – «проактивные–реактивные» и «гедонисты–аскеты» – лучше характеризуют личностно-культурные, микросоциальные аспекты этнических и региональных социокультурных пространств и являются как бы связующим звеном в макро- и микротипологизаций.

Для нынешнего российского общества, переживающего рыночные трансформации и кризисные явления различного характера, крайне важны такие социокультурные типы людей, особенно молодых, которые могли бы обеспечить новации в преемственности с традициями и развитие, а не деградацию общества.

Одним из немаловажных моментов является активность личности в формировании коммуникативного пространства, доброжелательность, стремление поддержать другого, устойчивость от внешних воздействий. Данные характеристики, являясь сугубо личностными, обусловливают «качество жизни» субъекта, избираемую им стратегию самоизоляции или наоборот, позволяют найти себе союзников и даже стать групповым лидером. С этой целью мы рассмотрели распределение индивидов по типологии «проактивность–реактивность» (табл. II.5).

Заметно, во-первых, что все выделенные типы слабо дифференцированы в этническом и региональном аспекте, а, во-вторых, что среди молодежи преобладает тип так называемой реактивной массы (около 60 %), для которой характерны сильная зависимость от социальных условий жизни, слабая инициативность. Если бы мы имели данные исследований по этой типологизации, проведенные в XX в. в СССР, то мы могли бы отследить динамику наполнения выделенных типов и могли бы предположить, что такая большая доля реактивной массы

Таблица II.5

Распределение молодежи по типологии «проактивность-реактивность», % (по этническим группам и регионам)

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы						
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	По Хакасии	По РС(Я)
Проактивные	9	8	8	8	10	8	8
Переходный тип	27	19	27	28	23	28	21
Реактивный лидер	6	9	6	10	10	9	10
Реактивная масса	58	64	59	54	57	55	61

может быть объяснена кризисным состоянием российского общества в процессе «транзита» от одной социально-экономической формации к другой, общей социальной подавленностью всех слоев населения, некой «пассивной однородностью» общества, учитывая, что этническая специфика и специфика региональных условий весьма слабо проявляются в дифференциации всех типов. Но сопоставляя полученные данные с европейскими исследованиями по изучению национального характера¹⁴⁹, можно отметить, что приблизительно такая же качественная картина была получена при выделении характеристик доминирующего типа нации. Скорее всего, на представленное распределение типов более сильное влияние оказывает устойчивость ментальных структур сознания тюрков и русских и другие социально-психологические факторы, требующие дальнейших исследований.

Необходимо отметить, что проактивных личностей по определению не может быть много. Это потенциальные лидеры, обладающие созидающими качествами, тот самый прообраз Данко с пламенным сердцем, отанным людям. Это редкий психологический тип, и, конечно же, радует, что в кризисных условиях российского общества на фоне доминирующей «реактивной массы» проявляются ростки ини-

¹⁴⁹ Inkeles A., Levinson D.J. National Character: The study of modal personality and sociocultural systems // The Handbook of Social Psychology / Lindzey G. and Aronson E. (eds.). Massachusetts, Calif., L., Ontario: Addison-Wesley. 1969. Vol. IV.

циативы и прогресса в виде проактивных личностей – инициативных, не отступающих перед обстоятельствами, а преодолевающих трудности. Таковых среди молодежи уже около 10 %, причем они почти равномерно (по 8–9 %) распределены в этнических и региональных группах, и лишь среди русской молодежи Якутии их оказалось чуть больше (10 %). Учет возрастной динамики показал, что с увеличением возраста доля проактивных личностей немного возрастает.

Близки по своим социокультурным характеристикам к данному типу лица переходного типа – с доминирующей проактивной моделью поведения, но еще проявляющие зависимость (эмоциональную, деятельностьную) от условий: это примерно каждый четвертый-пятый среди молодежи во всех этнических группах. При этом дифференциация данного типа по этническому и региональному признаку более заметна, чем у проактивных личностей: от 28 % среди русских в Хакасии до 19 % – среди саха.

Если же рассмотреть гендерное распределение, то становится очевидным, что большинство проактивных, попавших в переходный тип, представлено девушкиами, которые имеют невысокие показатели по степени сформированности навыков психологического сохранения (табл. II.6). Это вполне объяснимо и обусловлено отчасти психофизиологически, а, с другой стороны, и спецификой культурной среды, в ко-

Таблица II.6

Распределение девушек и юношей по типологии «проактивность–реактивность», % (по этническим группам и регионам)

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)	
	Пол													
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Проактивные	16	5	9	7	13	6	10	6	12	9	12	6	10	7
Переходный тип	18	32	17	20	27	27	20	33	15	29	20	32	17	24
Реактивный лидер	16	2	14	6	13	4	15	7	12	9	14	6	14	7
Реактивная масса	50	61	60	66	47	63	55	54	61	54	54	56	59	62

торой они формируются, где образ слабой и беззащитной женщины, которую должен защищать мужчина, является идеальным. Поэтому формирование у девушек психоэмоциональной устойчивости как личностной характеристики, определяющей вхождение индивида в группу проактивных, противоречит этнокультурным стереотипам, несмотря на давно произошедшие социокультурные трансформации.

Выявленный факт гендерной обусловленности формирования предрасположенности к проактивности и реактивности можно также рассматривать как одно из свидетельств близости культур, представляющих евразийскую цивилизацию.

Опасение вызывает конечно же тип «реактивного лидера», обладающего активной моделью поведения, но преследующего лишь личные цели. Это тип тех, кто может ради своих интересов манипулировать массами, начинать войны, идти в политику. Это не созидающий тип, а скорее разрушающий все во имя своего блага. Он устойчив к внешним воздействиям и потому не зависит от внешних обстоятельств. Этот тип объединяет 8–10% молодежи во всех этнических группах, и лишь среди хакасов его оказалось меньше – 6 %. Можно предположить, что существующий баланс между лидерами созидающими и манипуляторами в какой-то мере является фактором сохранения баланса общественного развития. Дальнейшее исследование динамики распределения по данной типологии имело бы важное значение для корректировки образовательных программ, а также выявления тенденций трансформации ценностей общественного развития.

Сравнение данных типологий «коллективизм–этническое самосознание» и «проактивность–реактивность» позволяет определить, что проактивные личности – это в большинстве коллективисты со сформированным этническим самосознанием: среди хакасов – 74 %, саха – 73 %; среди русских в Якутии – 56 %, а в Хакасии – 44 %.

Анализ распределения социокультурных типов по возрастным когортам молодежи (14–19; 20–24, 25–29 лет) показал, что доля лиц проактивного типа непрерывно растет с возрастом. Так, среди саха – с 7 до 13 % в старшей когорте, среди хакасов – с 6 до 12 %, среди русских в Якутии – с 10 до 25 %, в Хакасии – с 7 до 9 %. Соответственно, с возрастом снижается доля реактивной массы: например, среди саха – с 64 до 47 %. Аналогично – среди хакасов, русских. Динамика изменения других типов неоднозначна.

Распределение социокультурных типов по типологии «гедонизм – аскетизм» среди молодежи Якутии и Хакасии представлено в табл. II.7.

Таблица II.7

**Распределение молодежи Якутии и Хакасии по типологии
«гедонизм–аскетизм», % (по этническим группам и регионам)**

Социокультурный тип	Этнические группы и регионы						
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	По Хакасии	По РС(Я)
Гедонисты	52	44	46	67	73	63	59
Аскеты	29	33	32	19	14	21	24
«Провокаторы»	9	11	16	7	8	8	10
Конформисты	10	11	7	7	5	8	8

Как видим, во всех этнических и региональных группах доминируют гедонисты (высоко ценящие наслаждения и реализующие этот принцип в своем поведении), а меньше всего – конформистов (вербально отвергающих гедонизм, но в деятельности стремящихся к нему).

Отношение к гедонизму имеет особенно ярко выраженный устойчивый характер для русских: 67 % русской молодежи в Хакасии и 73 % в Якутии поставили стремление к получению наслаждения от жизни на первые места в иерархии системы ценностей как в нормативном, так и в поведенческом аспектах, и это обозначает, что они не только на словах, но и на деле стремятся к получению удовольствий от жизни. В то время как среди аскетов, готовых довольствоваться малым, доминируют представители саха (33 %) и КМНС (32 %). Конформистов больше всего среди молодежи саха (11 %) и хакасов (10 %), а меньше всего – среди русской молодежи (5 % – в Якутии, 7 % – в Хакасии).

Анализ возрастной динамики показал, что гедонизм имеет ярко выраженную возрастную зависимость. С увеличением возраста склонность к гедонизму начинает снижаться, а к аскетизму – расти, причем по всем этническим группам. Утверждать, что выявленный факт обусловлен только возрастными характеристиками опрошенных, мы не можем, поскольку имеет место изменение социокультурной ситуации, в которой воспитывались представители разных возрастных групп. По всей вероятности, проведение исследований данной типологии в динамике позволило бы выявить доминирующий фактор.

Таблица II.8

**Распределение девушек и юношей по модели типологии
«гедонизм–аскетизм», %**

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)	
	Пол													
	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж
Гедонисты	60	47	52	39	56	41	69	66	78	68	68	60	67	53
Аскеты	20	35	26	38	11	41	16	22	12	17	16	25	18	29
«Провокаторы»	14	5	14	9	33	8	9	5	8	8	11	6	11	9
Конформисты	6	13	8	14	0	10	6	8	3	7	6	9	5	10

Интересен факт того, что в гендерном аспекте к гедонизму оказываются более склонны юноши, чем девушки (табл. II.8).

Причем если у русских в Хакасии это не так сильно выражено, то у русских в Якутии, где специфика социокультурной ситуации, по всей вероятности, не создает благоприятных условий для «расслабления» женщин, отличие хоть и более значительное, но все-таки не такое, как у представителей тюркской культуры. Так, у саха лишь 39 % девушек оказались в группе гедонистов, в то время как среди аскетов их оказалось 38 %.

Интересны результаты распределения по КМНС, где 33 % юношей из данной группы, что намного больше, чем у других этносов, оказались среди «провокаторов», т. е. тех, кто на словах стремится к гедонизму, а в реальности склонен довольствоваться малым. Этот факт отражает специфику менталитета северных народов.

Логично предположить, что различия ценностных ориентаций у выделенных социокультурных типов молодежи должны проявляться и в различии их жизненных планов и жизненных траекторий, что будет, в конечном счете, обусловливать их социокультурную адаптацию, межэтнические отношения, выбор аккультурационной стратегии, отношение к материальному обеспечению и выбору профессии, семейно-брачного партнера, что мы рассмотрим в следующих параграфах.

§ II.2. Социокультурная адаптация различных типов молодежи

Сущность, факторы, критерии и модели социокультурной адаптации подробно рассмотрены нами ранее – теоретически и эмпирически, на материалах междисциплинарных социологических и социально-психологических исследований молодежи Республики Саха (Якутия)¹⁵⁰. На основе проведенного анализа теоретико-методологических подходов к пониманию категорий «социокультурное» и «социокультурная адаптация» мы пришли к выводу, что наиболее адекватно реальности понимание сущности социокультурной адаптации как типа социокультурных процессов взаимодействия социальных субъектов (индивидуов, групп, общностей) в их социокультурной целостности (неразрывной триаде, по П. Сорокину, «личность – общество – культура») с теми или иными социокультурными системами (обществом в целом или его подсистемами как «средой»), в результате которого достигается состояние относительного приспособления (соответствия) их элементов (характеристик). Мера этого соответствия – степень адаптированности – по шкале «хорошо адаптированы», «средне адаптированы» и «плохо адаптированы» к современным трансформациям российского общества в нашем исследовании определялась с помощью интегрального показателя социального самочувствия, эмпирически определяемого путем интеграции двух показателей – удовлетворенность жизнью и оптимизм.

Нами детально проанализировано влияние различных факторов – тип поселения, тип семьи респондентов, тип учебного заведения, ценности жизни молодежи, этническая и гражданская идентификация и др. – на адаптированность молодежи саха, КМНС, русской молодежи Якутии. В отдельных случаях (например, при исследовании этно-культурной адаптации молодежи как подсистемы социокультурной адаптации в процессе межэтнических взаимодействий) мы выделяли и исследовали адаптацию некоторых социокультурных типов, что и послужило основанием для последующего специального исследования.

Уже общий анализ факторов и условий социокультурной адаптации молодежи позволил выделить те группы факторов – социальных,

¹⁵⁰ См. подробнее: Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.

культурных и личностных, – которые по-разному влияют на адаптацию: одни – способствуют, другие – препятствуют успешной адаптированности индивидов.

Это дало возможность на основе дифференциации влияния этих факторов на адаптацию построить несколько теоретических моделей социокультурной типологии, содержание и методика выделения которых изложена выше.

В свою очередь, в процессе данного анализа материалов конкретного исследования адаптации молодежи Якутии выявлено, что степень адаптированности – не только результат действия различных факторов, но и сама адаптация служит фактором, в той или иной мере влияющим на ход социокультурных, социальных, политических и иных процессов. Так, например, адаптированная молодежь в целом менее склонна к миграции за пределы республики, для нее характерны менее выраженные отрицательные установки в межэтнических отношениях и т. д. При этом как среди хорошо, так и среди плохо адаптированной молодежи можно выделить ряд типов – социальных, психологических, социокультурных – различающихся по степени адаптированности и, соответственно, по роли в различных социокультурных процессах.

То есть, социокультурная типология в исследованиях адаптации, как и других социокультурных процессов, позволяет построить и исследовать внутреннее дифференцированное и системно взаимосвязанное социокультурное пространство процесса и тем самым повысить аналитическую и прогностическую ценность исследований.

Рассмотрим этнические и региональные особенности социокультурной адаптации выделенных нами социокультурных типов молодежи республик Саха (Якутия) и Хакасия.

Степени адаптированности молодежи по типологизации «коллективизм–этническое самосознание» представлены в табл. II.9. Как видим, и в этническом, и в региональном плане лучше всего адаптировались к условиям современных рыночных трансформаций в России относительно немногочисленная группа (3–5 % в составе этнических и региональных групп) молодежи социокультурного типа «индивидуалист – с частично сформированным этническим самосознанием», полагающая, что «для развития моего народа сейчас важнее личные интересы, свобода личности» и что «важно осознавать свою национальную принадлежность, а знание национального языка и культуры сейчас не имеет особого значения».

Таблица II.9

Адаптированность типов молодежи по модели «коллективизм-этническое самосознание», % (100 % в группе по типу)

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)	
	Степень адаптированности													
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	40	25	41	19	39	25	43	21	44	20	43	22	43	20
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	41	20	24	32	38	31	42	17	48	19	43	18	37	26
Коллективист-«космополит»	29	38	43	31	41	19	37	26	39	27	35	29	41	29
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	47	20	40	25	45	30	50	22	39	26	50	22	40	25
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	65	12	54	26	**	**	50	18	50	17	58	15	52	22
Индивидуалист-«космополит»	**	**	40	26	**	**	39	32	41	27	36	34	39	31

Примечание: Здесь и в последующих таблицах: ХА – хорошо адаптированные; ПА – плохо адаптированные; ** – группа малочисленна. Данные по средне адаптированным в таблицу не включены.

Мировоззрение данного социокультурного типа отражает идеологию российских рыночных реформ с ее акцентом на свободу, приоритет личных интересов, учет глобализационного контекста в социальной и территориальной мобильности индивидов. В то же время оно разумно, на наш взгляд, ограничено и не доведено до такой степени социальной и этнической атомизации, которая характерна для «космополитов», особенно «индивидуалистов-«космополитов»», адаптированных, как правило, хуже всех среди выделенных типов данной модели типологизации.

Среди хакасов, русских в Хакасии и в целом по республике хорошо адаптирован также социокультурный тип «индивидуалист со сформированным этническим самосознанием», составляющий соответственно 13, 19 и 17 % в данных группах.

Неплохо адаптировалась к современным условиям в России наиболее многочисленная социокультурная группа «коллективист со сформированным этническим самосознанием». Особенно это заметно в Республике Саха (Якутия), где она составляет почти две трети среди молодежи саха, почти половину русской молодежи и свыше половины – в группе коренных малочисленных народов Севера. Именно поэтому данный социокультурный тип определяет в целом степень адаптированности молодежи этнических групп и регионов.

Следует отметить, что если полное отрицание важности для индивида национальной (этнической) самоидентификации, знания языка и культуры своего этноса в целом снижает, как правило, его адаптированность, то частичное (с признанием важности лишь этнической самоидентификации), особенно среди «индивидуалистов», обычно ее повышает. Среди русской молодежи это проявляется не очень отчетливо. А вот сравнение адаптированности молодежи социокультурных типов «коллективист со сформированным этническим самосознанием» и «коллективист с частично сформированным этническим самосознанием» среди саха и хакасов позволяет заметить, как влияет оценка ценности знания языка и культуры на степень адаптированности. Среди саха, являющихся, как и русские, наиболее многочисленной этнической группой в республике, лишь 7 % молодежи отнесли себя к типу «коллективист с частично сформированным этническим самосознанием», поскольку большинство обучается языку своего этноса и признает его важность, в то время как среди хакасов данный тип представлен вдвое чаще (12 % молодежи): по-видимому, из-за плохого

знания хакасского языка и поэтому недооценки его значимости. Соответственно, среди хакасов лучше адаптирован тип с частично сформированным этническим самосознанием», чем со сформированным (соответственно 41 и 40 % хорошо адаптированных при 20 и 25 % – адаптированных плохо). Среди молодежи саха – обратная картина: лучше адаптированы «коллективисты со сформированным этническим самосознанием», чем с частично сформированным этническим самосознанием (соответственно 41 и 24 % – адаптированы хорошо, а 19 и 32 % – плохо). То есть, определенная часть хакасской молодежи не ощущает особой потребности в языке и культуре своего этноса, что можно считать проявлением аккультурационной стратегии ассимиляции.

Сопоставление степени адаптированности молодежи по модели «коллективизм – этническое самосознание» с результатами изучения ранга включенности как личной ценности, регулирующей их поведение, показало, что самая высокая доля хорошо адаптированных также оказалась среди «индивидуалистов с частично сформированным этническим самосознанием» у саха (67 %), но лишь у тех, кто независимо от своих взглядов на важность коллективизма для развития их этнической группы в своем личном поведении ценность коллективизма ставит на первые места в иерархии системы ценностей. Относительно русских в Якутии и Хакасии, а также хакасов, представляющих группу «индивидуалистов с частично сформированным этническим самосознанием», мы таких выводов сделать не можем, в связи с их малочисленностью.

Также выявлен интересный факт, что как для русских в Якутии, так и для русских в Хакасии, представляющих группу формальных «коллективистов», считающих, что для их этноса ценность коллективизма важна, независимо от степени сформированности их этнического самосознания, а также хакасов, представляющих группу «коллективистов со сформированным этническим самосознанием», – отсутствие в личном поведении ориентации на коллективизм как ценность обусловливает их хорошую адаптированность. Таким образом, мы можем предположить, что аномия, характеризующая современное российское общество, способствует тому, что оставаясь на словах приверженцами коллективизма в глобальных масштабах и в отношении этнической группы в целом, индивиды для выбора личной траектории выживания декларируемые принципы используют не всегда. Единственная группа, для которой и традиционно, и значимо в современной си-

туации использовать механизмы коллективной поддержки, оказалась молодежь саха, чья хорошая адаптированность совпадает с выбором коллективизма как высшей ценности для регулирования своего поведения, независимо от выраженного отношения к значимости коллективизма в отношении их этнической группы и степени сформированности этнического самосознания.

Мы предполагаем, что одним из факторов, влияющих на отношение к коллективизму как принципу, регулирующему поведение индивида, является социально-экономический и правовой статус его этнической группы. При доминировании саха по численности в РС (Я) принадлежность к данной группе обуславливает степень защищенности и поддержки каждого индивида в отдельности. Несмотря на то, что русские являются также многочисленной группой (численность которой с каждым годом сокращается), их ощущение себя в качестве «гостей» обуславливает выбор другой траектории поведения: по принципу «спасение себя – дело рук утопающих». Для Хакасии характерна иная ситуация. В связи с малочисленностью хакасов принадлежность к этнической группе не всегда обуславливает патерналистскую помощь со стороны руководства, в результате чего индивиду более значимо, что конкретно имеет он, в качестве потенциальных возможностей своего развития, независимо от степени сформированности его этнического самосознания. Для русской молодежи региональная ситуация также не совпадает с ситуацией в Якутии. Ощущая себя этническим большинством, не имеющим формальных критериев для ущемления своих прав со стороны руководства, она менее ценит коллективизм как принцип выбора личной стратегии поведения.

В исследовании адаптации молодежи Республики Саха (Якутия) ранее нами был рассмотрен вариант модели «коллективизм–этническое самосознание» с добавлением в нее признака «ориентация на успех и карьеру в жизни», выделенного по «профилю личности» в методике исследования ценностных ориентаций Ш. Шварца. Из вопросов данной методики мы выбрали два, относящихся к ценности «достижения», – успех и карьера как наиболее актуальные для молодежи, получающей высшее и среднее специальное образование. В этом варианте модели индивидуализм и коллективизм рассматривались как социальная характеристика, степень сформированности этнического самосознания – как культурная, а ориентация (или не ориентация) на успех и карьеру – как личностная характеристика. Тем самым была предпри-

нята попытка избежать сведения (редуцирования) личностного элемента к социальному или культурному в модели, построенной по социокультурной «триаде». Хотя в принципе достичь полной различности элементов «триады» невозможно, ввиду их взаимосвязи в реальности, все же, мы полагаем, относительная «автономизация» личностного от социального и культурного как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях позволит более глубоко проникнуть в суть социальных явлений и процессов.

В итоге материалы исследования показали¹⁵¹, что юноши и девушки – русские, саха, КМНС, – ориентированные на успех и карьеру в жизни, адаптированы намного лучше тех своих сверстников, для которых эти ценности не значимы. И, как правило, хорошо адаптированные придерживаются ценностей коллективизма. Среди русской молодежи и молодежи саха выделяется относительно немногочисленная (1–2 %) группа индивидуалистов с частично сформированным этническим самосознанием, ориентированных на успех и карьеру, которая адаптирована даже немного лучше коллективистов со сформированным этническим самосознанием.

В целом же по всем этническим группам высокая степень адаптированности молодежи определяется социокультурными типами «коллективизм–сформированное этническое самосознание – успех, карьера», составляющими 29 % среди саха и 30 % – среди русских.

В методологическом плане данный вариант типологизации свидетельствует о значимости личностного элемента в социокультурных исследованиях (совместно с социальными и культурными элементами).

Региональные различия в степени адаптированности молодежи по модели типологизации «коллективизм – этническое самосознание» определяются соотношением русской и тюркской молодежи (саха, хакасы), а также спецификой их ценностных ориентаций. В Хакасии индивидуалисты – с частично и со сформированным этническим самосознанием – занимают первые два ранга в иерархии хорошей адаптированности, в то время как в Якутии на втором месте среди хорошо адаптированных – коллективисты со сформированным этническим самосознанием; и это определяется ориентациями как русской молодежи, так и молодежи саха.

¹⁵¹ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011. С. 220–222.

Дальнейшим развитием описанной выше типологизации в этническом аспекте явилась в нашем исследовании модель «этноцентризм – этноиндифферентность», в которой выделены четыре социокультурных типа: этноцентристы; предпочитающие моноэтническую среду; предпочитающие монолингвистическую среду; этноиндифферентные. Характеристики степени адаптированности данных типов представлены в табл. II.10.

По сравнению с предыдущей типологией заметна меньшая дифференциация типов по доле как хорошо, так и плохо адаптированных индивидов. Тем не менее, различия заметны как между этническими и региональными группами, так и внутри групп между социокультурными типами. И в Хакасии, и в Якутии лучше всего (если судить по доле хорошо адаптированных и разнице ХА–ПА) адаптировалась молодежь этноиндифферентного типа, затем – предпочитающие монолингвистическую среду.

Хуже всех, особенно в Хакасии у хакасов, показатели адаптированности у тех, кто предпочитает моноэтническую среду (жить среди людей своей национальности): так, среди хакасов лишь 18 % адаптированы хорошо, а 53 % – плохо. В целом по Хакасии среди молодежи данного типа всего 29 % адаптированных хорошо, при 42 % – адаптиро-

Таблица II.10

**Адаптированность типов молодежи по модели
«этноцентризм–этноиндифферентность», %**

Социокультурный тип	Степень адаптированности														По РС(Я)	
	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии					
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА		
Этноцентристы	34	24	39	23	32	32	40	28	46	25	39	28	42	24		
Предпочитающие моноэтническую среду	18	53	42	25	14	29	33	33	35	40	29	42	37	29		
Предпочитающие монолингвистическую среду	45	25	40	21	40	25	43	21	42	20	44	22	41	21		
Этноиндифферентные	43	23	41	22	42	27	46	20	43	22	45	21	42	23		

ванных плохо, что хуже даже чем у этноцентристов (ХА – 39 %; ПА – 28 %), которые более склонны к изоляционизму. Хотя эта группа предпочтитающих моноэтническую среду малочисленна (1 % – среди русских, 4% – среди хакасов), но в ее ценностях отражаются определенные проблемы в межличностных отношениях русской и хакасской молодежи. Этот вывод справедлив и для Якутии, где предпочтитающая моноэтническую среду русская молодежь, и особенно молодежь КМНС, тоже имеет низкие показатели адаптированности: хорошо адаптированных – соответственно 35 и 14 %, плохо адаптированных – 40 и 29 %. Лишь молодежь саха данного социокультурного типа адаптирована лучше (42 % – хорошо адаптированных при 25 % – адаптированных плохо). А хуже всего среди молодежи саха адаптированы этноцентристы. Данный социокультурный тип довольно многочислен (каждый пятый из группы саха входит в него), и изоляционистская ориентация и плохая адаптированность входящей в него молодежи могут быть фактором определенных проблем в межэтнических отношениях. Сказанное выше касается и русских, и хакасских этноцентристов, показатели адаптированности которых тоже низкие: среди хакасов 34 % адаптированы хорошо и 24 % – плохо; среди русских в Хакасии – соответственно 40 и 28 %. Лишь русская молодежь Республики Саха (Якутия) социокультурного типа «этноцентрист» (каждый пятый русский) адаптирована немного лучше других типов (46 % – хорошо адаптированных, 25 % – плохо).

Однако и по этническим группам, и по регионам в целом степень адаптированности определяют наиболее многочисленные социокультурные типы «этноиндифферентных» и «монолингвистов» (их суммарная доля 75–85 % в группах), адаптированность которых достаточна высока.

Можно сделать вывод, что типология по модели «этноцентризм – этноиндифферентность» конкретизирует этнокультурную подсистему модели «коллективизм – этническое самосознание», указывая, что не всякая полнота этнического самосознания (осознание этнической принадлежности, знания языка и культуры своего этноса), а лишь такая, которая не сводится к этноизоляционизму (этноцентризму или предпочтению моноэтнической среды проживания), определяет успешную адаптированность личности в полигэтническом и поликультурном сообществе, а тем самым и ее социальное самочувствие.

Рассмотрим теперь адаптацию молодежи по социокультурной типологизации, где в триаде «личность–культура–общество» больший акцент сделан на личностную подсистему: это выделенные нами модели «проактивность–реактивность» и «гедонизм–аскетизм».

Материалы исследования подтвердили предположение о том, что более высокая степень адаптированности к условиям современных российских трансформаций может быть характерна для юношей и девушек проактивного социокультурного типа (табл. II.11). Это характерно для всех региональных и этнических групп – русских, саха, хакасов.

Напомним, что проактивный тип личности характеризуется активной жизненной позицией, позитивным отношением к другим людям (отзывчивостью, стремлением помочь, гуманностью), внутренним локусом контроля и психологической устойчивостью. Он почти равномерно распределён среди молодежи этнических и региональных групп (по 8–9 % в группе, и лишь среди русских в Якутии – 11 %).

Наиболее многочисленным является его антипод – социокультурный тип «реактивная масса»: лица, зависимые от влияний окружающей среды, движимые чувствами, обстоятельствами, пассивные. Их больше половины (54–61 %) во всех группах, и они отличаются крайне низкой адаптированностью. При этом распределение как хорошо, так и плохо адаптированных среди молодежи Якутии и Хакасии, а также

Таблица II.11

**Адаптированность типов молодежи по модели
«проактивность – реактивность», % в группе**

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)			
	Степень адаптированности															
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Проактивные	53	21	48	12	**	**	63	6	49	13	63	8	50	13		
Переходный тип	47	22	49	15	**	**	43	17	48	17	45	18	48	17		
Реактивный лидер	46	8	38	20	**	**	53	21	45	22	52	19	45	20		
Реактивная масса	35	30	39	25	31	26	36	32	39	31	37	31	38	27		

среди русских, саха, КМНС и хакасов, весьма равномерное (соответственно 38–27 и 37–31 %), что означает слабую этническую и региональную дифференцированность этого типа. В то же время для проактивных личностей эта дифференцированность вполне заметна: хорошо адаптированных больше всего среди русской молодежи в Хакасии (63 %), меньше всего – среди саха (48 %), а плохо адаптированных больше всего среди хакасов (21 %) и меньше всего – среди русских в Хакасии (6 %).

По остальным двум типам данной типологии определенной закономерности в распределении молодежи по степени адаптированности не наблюдается: в Хакасии среди хакасов и русских несколько лучше адаптированы юноши и девушки с задатками реактивного лидера, а в Якутии – переходного типа. Эти региональные и этнические различия в адаптации данных типов требуют специального исследования с учетом специфики объективных условий и субъективных факторов – ценностных ориентаций молодежи, социально-психологического самочувствия ее различных групп и т.п., что определяется характером данной модели типологизации с доминированием в ней личностного элемента (подсистемы).

В отношении модели «гедонизм–аскетизм», увы, так же, как и при анализе значимости для индивида выбора личной модели поведения «коллективиста» или «индивидуалиста», можно отметить, что склонная к гедонистическому образу жизни молодежь оказалась более адаптированной по всем регионам и по всем этническим группам (от 46 до 40 % хорошо адаптированных среди гедонистов) (табл. II.12).

Но еще лучше оказались адаптированы «конформисты», утверждающие, что могут довольствоваться малым, но в реальном поведении требующие много (55 % саха, 51 % – русские в Якутии и 48 % – русские в Хакасии). Среди аскетов доля плохо адаптированных оказалась самой высокой у хакасов (30 %) и у русских в Якутии (38 %). В целом плохо адаптированных оказалось больше среди аскетов и «провокаторов» (27 и 26 % – в Хакасии; 29 и 31 % – в Якутии).

Таким образом, представленная типология наглядно демонстрирует, что обсуждаемые тенденции формирования в России «общества потребления» являются не только идеей, метафорой, но и очень сильно влияют на жизненные установки молодого поколения, среди которых становится все больше гедонистов. Также можем предположить, что социокультурная ситуация в России, которая сложилась в настоя-

Таблица II.12

**Адаптированность типов молодежи по модели
«гедонизм – аскетизм», % в группе**

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)	
	Степень адаптированности													
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Гедонисты	44	21	41	25	40	36	46	20	44	25	46	21	43	25
Аскеты	39	30	40	24	39	28	33	27	32	38	37	27	39	29
«Провокаторы»	31	19	38	31	44	44	43	28	35	23	39	26	35	31
Конформисты	26	32	55	22	75	25	51	20	48	16	45	25	52	20

щее время, в какой-то мере благоприятствует тому, что количество людей, живущих по двойным стандартам, становится все больше, и степень их адаптированности, к сожалению, выше, чем у тех, кто не расходится в своих вербальных высказываниях о доминирующих жизненных принципах с реализуемым впоследствии поведением.

§ II.3. Молодежные лидеры: власть, деньги или созидание?

Продолжая тему двойных стандартов в принятии решений и реализации жизненных установок, мы обратились к проблеме лидерства. В настоящее время в России идет активная борьба за привлечение молодых в различные сферы, в том числе науку, образование, бизнес и, конечно же, политику. Негласный возрастной ценз для финансирования научных проектов, обязательное участие аспирантов и магистрантов в проектах, ограничение возраста для руководящих должностей идут параллельно с назначением все более и более молодых на ответственные посты, где не всегда ум и молодежный задор позволяют рационально принять решение, – все эти штрихи реформ в сфере управления актуализируют рассмотрение вопроса, а потенциальный лидер – он кто? Какими мотивами будет движима молодежь, приходящая к управлению?

Большое значение в социокультурной типологии личности, в том числе при исследовании адаптации, имеют ценности, служащие лейтмотивом деятельности и выбора соответствующей модели поведения, а также скрытым источником мотивации принятия решения. Так, одним из немаловажных признаков лидерских качеств, что актуально для молодежи современной России, является, судя по результатам современных исследований, уровень развития эмоционального интеллекта, который, по мнению Д. Гоулмана, разработчика данной теории, определяется уровнем сформированности: самосознания, самоконтроля, социальной чуткости и управленческих навыков. В основе данных характеристик лежит способность индивида к рефлексии и адекватной самооценке. Под социальной чуткостью понимается способность к эмпатии в сочетании со способностью «...выразить свои мысли так, чтобы тронуть сердца людей... На деле сопереживание означает способность заботливо и внимательно относиться к чувствам сотрудников и принимать разумные решения, вызывающие ответную реакцию»¹⁵².

Таким образом, спустя много лет мы вновь возвращаемся к осознанию значимости коллективизма, или, как теперь принято называть – ценности включенности. Выше мы рассматривали отношение молодежи к коллективизму, распределяя респондентов различных этнических групп в зависимости от соотношения долей тех, кто выбрал коллективизм как важную или как незначимую ценность при регулировании своего поведения. Теперь рассмотрим, как молодежь относится к коллективизму как личностной ценности в соотношении с их типом по модели «коллективизм–этническое самосознание» (табл. II.13).

Анализ по типу показал, что среди хакасов – коллективистов со сформированным этническим самосознанием – больше всех оказалось молодежи, склонной не только вербально, но и своим поведением доказывать, что дух коллективизма для них важен (30 %). Но также среди хакасов и наиболее ярко (62 %) представлен тип «коллективистов–«космополитов»», для которых не важны этнические традиции, так как весь мир для них – общий дом, но вести себя в этом общем доме они почему-то предпочитают, как ярко выраженный индивидуалисты, хотя декларируют обратное.

Интересна группа «индивидуалистов с частично сформированным этническим самосознанием», среди которых в реализуемом ими пове-

¹⁵² Гоулман Д. и др. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2005. С. 63.

Таблица II.13

Распределение молодежи по отношению к коллективизму как личной и групповой ценности, % по типу

Социокультурный тип	Ранг коллективизма как индивидуальной ценности (по Шварцу)													
	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии			
	Выс.	Низк.	Выс.	Низк.	Выс.	Низк.	Выс.	Низк.	Выс.	Низк.	Выс.	Низк.		
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	30	9	16	14	22	14	26	12	22	14	28	12	19	14
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	20	12	15	32	10	15	20	14	15	29	21	13	15	27
Коллективист-«космополит»	10	62	16	19	**	**	15	20	18	25	14	24	16	23
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	20	15	14	25	**	**	21	22	16	21	21	19	17	21
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	29	12	20	25	**	**	6	20	11	18	14	15	14	21
Индивидуалист-«космополит»	0	20	14	17	**	**	17	29	13	26	13	27	10	24

дении оказалось коллективистов больше, чем декларировавших важность данной ценности для всей этнической группы в целом. Так, реальными коллективистами в этой группе оказались 29 % хакасов. Аналогичная ситуация сложилась для данного типа и у саха. Истинными коллективистами оказались 20 % молодежи.

Можно отметить, что для саха «перевертыши» оказались, с одной, стороны мало характерны, а с другой, если обратиться к данным в табл. II.1, то весьма интересным покажется факт, что из 62 % «коллективистов со сформированным этническим самосознанием» лишь 16 % поставили ценность коллективизма для себя лично на первое место, а 14 % вообще продемонстрировали, что лично для них дух кол-

лективизма не свойствен. Приблизительно аналогичная ситуация сложилась с группой КМНС по данному типу. «Коллективисты с частично сформированным этническим самосознанием» подтвердили свои результаты, а по остальным типам для данной этнической группы сложно сделать выводы ввиду их малочисленности.

Также меньшее количество «коллективистов со сформированным этническим самосознанием» оказалось и среди русских – как в Якутии, так и в Хакасии (26 % и 22 % тех, кто придерживается принципа колLECTивизма в своем поведении, соответственно).

Таким образом, можно сделать вывод, что хотя на уровне установок в отношении общей стратегии единения народа у молодежи саха сохраняются традиционные представления о значимости колLECTивизма, но на уровне индивидуальной стратегии поведения они поддерживаются не столь активно, как у русской молодежи и в Якутии, и в Хакасии.

Анализируя литературу по формированию лидерских качеств, мы выявили, что умение управлять собой, работать со своими состояниями, ставить и достигать цели, мотивировать себя на работу и на высшие достижения является лишь первым этапом процесса. Второй этап связан с проявлением лидерских качеств в каких-то определенных ситуациях. И для данной стадии важны инициативность, коммуникационные умения. На третьем этапе уже важны организационные способности индивида, умение формировать команду, привлекать людей. А более высокие уровни развития связаны с управлением большими системами и структурами, для чего важно умение предвидеть, развитое стратегическое мышление. Конечно, мы должны отдавать себе отчет, что развитие лидерских качеств такого уровня доступно лишь ограниченному кругу людей. И в первую очередь потому, что большинство не готово сделать после второй неудачной попытки еще девяносто восемь. Стремление к конформизму – это чаще всего то, что не дает человеку сделать даже первую попытку изменить что-либо в своей жизни, не говоря уже о благе для народа в целом. Поэтому далее для рассмотрения предпосылок формирования лидерских качеств мы выбрали сочетание типологии «проактивность–реактивность» и «гедонизм–аскетизм».

Сопоставим распределение данных типов (табл. II. 14). В целом больше всего склонных к гедонизму, как и ожидалось, оказалось среди реактивной массы у всех этнических групп молодежи. Но заставляет задуматься и то, что и среди остальных типов у русских преобладают

Таблица II.14

**Распределение социокультурных типов молодежи по типологиям
«проактивность – реактивность» и «гедонизм–аскетизм»,
% по доле в группе**

Социокультурный тип	Хакасы				Саха				Русские в Хакасии				Русские в Якутии			
	Гед.	Аск.	Пров.	Конф.	Гед.	Аск.	Пров.	Конф.	Гед.	Аск.	Пров.	Конф.	Гед.	Аск.	Пров.	Конф.
Проактивная личность	1	4	1	0	2	4	1	1	7	2	1	0	7	2	1	0
Переходный тип личности (зависимый)	11	10	1	5	7	6	1	2	13	7	2	0	13	7	2	0
Реактивный лидер	5	1	0	1	3	4	1	1	6	1	0	0	6	1	0	0
Реактивная масса	34	15	5	7	31	20	8	8	43	9	5	5	43	9	5	5

Примечание: Гед. – гедонисты; Аск. – аскеты; Пров. – «проводники»; Конф. – конформисты.

гедонисты, в то время как у саха и хакасов второй по насыщенности группой являются, как правило, аскеты.

Эти результаты могут иметь несколько объяснений. Можно предположить, что либо в современном обществе в социокультурной среде русского этноса действительно создаются условия для формирования позитивного отношения к гедонизму, либо специфика тюркской культуры не позволяет вербализировать имеющееся стремление к гедонизму, и это в результате могло повлиять на ответы респондентов. Хотя второе объяснение нам кажется менее вероятным, поскольку в методике Шварца учитываются как результаты самооценки, так и данные косвенной самооценки, когда респонденты сравнивают свое поведение с поведением другого человека и, по сути, дают оценку, сопоставляя себя с другим.

Мы попытались объяснить стремление русской молодежи к гедонизму более высоким уровнем развития сензитивности. Но данное предположение было опровергнуто результатами оценки чувствительности по методике Л.Н. Собчик, т. е. и тюркская, и русская молодежь показала практически одинаковые результаты. Это дает нам основания предположить, что с точки зрения теории эмоционального интел-

лекта чувствительность к окружающему социуму, как один из факторов выявления лидерских качеств, не имеет этнокультурной специфики. Но предположение о разных моделях по демонстрации чувствительности все-таки остается. Возможно, тюркская модель скрытной демонстрации эмоций может стать объяснением более низких показателей по уровню гедонизма у молодежи саха и хакасов.

Кроме этнокультурной специфики проявления стремления к гедонизму было выявлено и гендерное различие в установках (см. табл. II.8). Независимо от этнической принадлежности, мужчины показали большее стремление к получению от жизни удовольствий, чем женщины. Но гендерное соотношение среди русской молодежи, имеющей гедонистические установки, сразу наводит на ассоциации с русскими народными сказками о лежащем на печи Иване, мечтающем о царстве и царевне в придачу.

Конечно, одним из тезисов программ по формированию лидерских установок является мысль о том, что лидерами не рождаются, лидеры становятся. И если мы вспомним легенду об Илье Муромце, который до зрелой поры не мог даже стоять на ногах, а когда возник внешний враг, он сумел не только встать, но и защитить землю Русскую, то можем предположить, что русский принцип «авось» может быть результативным и при развитии лидерских качеств. Тем более, что, согласно современным исследованиям лидерский потенциал есть у каждого и, как утверждают разработчики программ по формированию лидерских качеств, вопрос в том, каким образом его можно развивать и до каких пределов. Далее они объясняют, что, существуют лидеры совершенно разных форматов, а сама процедура развития лидерских качеств может проходить в несколько этапов, в зависимости от компетенций и масштабов лидерства. Но мы все-таки полагаем, что независимо от программ развития, реализация имеющегося у каждого индивида потенциала предполагает изначально существование некоторых мировоззренческих установок, которые бы и стали катализатором его действий по сплочению людей и организации их совместной работы для достижения общей цели.

Исходя из этнических отличий в стремлении к гедонизму, независимо от доминирующих социокультурных типов по вектору проактивность–реактивность, мы можем предположить, что и ценностные основания, и сами модели лидерских стратегий у тюркской и русской молодежи будут различаться.

Таблица II.15

Распределение социокультурных типов молодежи по их стремлению к достижениям, % от типа

Социокультурный тип	Рейтинг ценности «достижение»													
	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		По Хакасии		По РС(Я)	
	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
Проактивные	61	6	35	14	**	**	42	8	46	7	45	9	41	12
Переходный тип	38	17	39	16	**	**	36	15	35	14	37	16	37	15
Реактивный лидер	**	**	48	10	**	**	45	1	50	9	42	5	50	9
Реактивная масса	45	16	43	15	37	17	40	13	43	14	41	14	42	15

С этой целью мы рассмотрели еще одну важную для выявления лидерских задатков характеристику – стремление к достижениям (ориентация на успешность, амбициозность) (табл. II.15).

В результате анализа ценностной ориентации «достижение» по методике Ш. Шварца выявлено, что более всего ориентированы на достижения (ценность «достижение» занимает высшую позицию в системе ценностных ориентаций) хакасы, входящие в группу «проактивные» (61 %). На втором месте оказались реактивные лидеры из числа русской молодежи в Якутии (50 %), и практически такие же результаты показала молодежь саха (48 %). В среднем по Якутии стремящихся к достижениям реактивных лидеров оказалось больше, чем в Хакасии. Менее всего амбициозных личностей оказалось среди представителей реактивной массы КМНС (37 %).

Наибольший интерес вызывает огромное стремление к достижениям у женской половины, представляющей реактивную массу, – как в Хакасии, так и в Якутии (саха – 56 %, русские в Якутии – 57 %, русские в Хакасии – 52 %). Мы не представили в таблице (табл. II.16) данные по хакасам и КМНС в связи с недостаточным количеством при группировках. По молодежи саха данные не представлены с целью лучшей визуализации результатов и слабой дифференцированностью их результатов по группам, кроме описанных выше.

Таблица II. 16

Распределение социокультурных типов юношей и девушек по их стремлению к достижениям, % по типу

Социокультурный тип	Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС(Я)	
	Пол							
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
	Рейтинг ценности «достижения»*							
	в	н	в	н	в	н	в	н
Проактивная личность	46	11	38	5	38	4	54	11
Переходный тип личности (зависимый)								
Проактивный лидер	42	11	34	16	45	13	31	14
Проактивный лидер	38	0	52	2	42	12	57	7
Проактивная масса	49	11	36	14	42	14	44	13
Проактивная масса	46	13	38	10	43	11	40	11
Проактивная масса	38	2	57	8	48	2	43	6
Проактивная масса	49	14	38	14	42	14	43	15

* в – высокий; н – низкий.

Особое внимание заслуживают 54 % русских девушек в Якутии в группе проактивных, которые отметили, что достижения для них стоят на первом месте. Это как раз та группа молодежи, которая не только ориентирована на успех, но и имеет к этому явные лидерские задатки, а также, что особенно важно, – гуманистические установки к созидательному труду. В целом эта группа вряд ли способна восполнить недостающие для республики аналогичные предпосылки у мужской части проактивной группы русской молодежи, среди которых лишь 38 % оказались склонны к достижению успеха. Полагаем, что последний результат обусловлен как тяготением русских к гедонистическому образу жизни, так и региональной спецификой, поскольку результаты ответов молодежи Хакасии показали, что русские девушки проактивного типа менее амбициозны (38 %), нежели «сильная половина человечества» (46 %). В то же время и в Хакасии, и в Якутии среди реактивной массы русской молодежи юношей, якобы стремящихся к достижениям, достаточно много – 49 и 42 % соответственно.

Анализ доли молодежи по всей выборке этнической группы показал, что наибольшее количество амбициозной проактивной молодежи – среди юношей-хакасов (10 %).

Таким образом, изучение предрасположенности к достижению успеха показало, что формирование установок индивидов имеет не только этнокультурный и гендерный характер, но и региональный, поскольку результаты как юношей, так и девушек сильно различаются в зависимости не только от этнической группы, но и от региона. По всей вероятности, специфика этнической картины республик обуславливает необходимость более активных действий по достижению успеха для юношей-хакасов, нежели для юношей-саха в Якутии, а для также русских девушек в Якутии, нежели в Хакасии.

Для объяснения последнего фактора мы видим два возможных варианта. Либо существующие социокультурные условия (низкая актив-

Таблица II.17

**Распределение ответов юношей и девушек Хакасии и Якутии
о жизненных приоритетах, %***

Жизненный приоритет	Вариант ответа	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии			
		Пол											
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Состоять в зарегистрированном браке	Важно	60	70	68	64	66	64	55	66	46	52		
	Не важно	2	2	3	5	5	6	10	5	9	6		
Иметь детей	Важно	87	90	91	89	89	86	85	86	81	82		
	Не важно	1	1	2	1	2	2	3	3	2	2		
Жить в городских условиях	Важно	34	38	36	41	28	33	45	44	62	64		
	Не важно	10	5	5	5	9	8	10	8	4	3		
Иметь богатую обстановку в доме	Важно	57	42	68	57	56	55	46	30	52	35		
	Не важно	2	4	1	2	0	3	5	8	4	5		
Иметь автомобиль	Важно	80	74	74	66	65	58	78	63	73	57		
	Не важно	3	3	1	4	1	6	1	4	3	5		

*100% по полу, доля ответов «не очень важно» в таблицу не включена.

ность русских мужчин: 60 % – реактивная масса) создают «благоприятные» условия для «вынужденной» активизации женщин и развития их маскулинности, либо возможности, которые имеют представительницы слабого пола в Якутии, несколько шире, что обуславливает их активную жизненную позицию.

Кроме того, важно понять, какое внутреннее содержание вкладывается в понятие «достижение», к чему стремится молодежь, в чем видит критерии своей успешности. Возможно, что активность женской половины ограничивается лишь поиском брачного партнера и рождением ребенка? Или это открытие собственного дела? Или, возможно, это получение качественного образования, способного обеспечить высокооплачиваемую должность или вхождение во властные структуры? Для решения этой задачи мы рассмотрели жизненные приоритеты молодежи (табл. II.17).

Как показали результаты опроса, русская молодежь в Якутии, независимо от пола, меньше всех стремится вступать в брак (46 % – юноши и 52 % девушки). Проанализировав статистику заключенных браков и разводов по регионам (табл. II.18), мы выявили, что снижение брака

Таблица II. 18

**Общие коэффициенты брачности и разводимости по регионам
(на 1000 человек населения)¹⁵³**

Регион	Браки						Разводы					
	1990	2000	2005	2010	2011	2012	1990	2000	2005	2010	2011	2012
Российская Федерация	8,9	6,2	7,4	8,5	9,2	8,5	3,8	4,3	4,2	4,5	4,7	4,5
Сибирский федеральный округ	8,9	6,2	7,7	8,9	9,6	9	3,6	4,3	4,7	4,8	5,2	5
Республика Хакасия	8,5	6	8	9,6	10,1	8,8	3,4	4,4	4,7	4,7	5,2	5
Дальневосточный федеральный округ	10,1	6,2	8	9,3	9,8	9,4	5	5	5	5,4	5,8	5,5
Республика Саха (Якутия)	10,4	6,1	7,4	8,7	9,4	8,2	4,6	4,2	3,9	4,7	5	4,5

¹⁵³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 75–76.

как ценности может являться следствием реального снижения регистрации браков при незначительном увеличении числа разводов. Хотя второй параметр имеет более выраженную динамику в Хакасии.

Анализ по этническим группам и выделенным типам показал, что это общая тенденция, характерная для русской молодежи в Якутии. Но менее всего склонной к браку оказалась этноиндифферентная русская молодежь (41 %) и предпочитающая монолингвистическую среду (51 % – русских в Якутии и 45 % – КМНС). Аналогичные результаты (46 %) – у группы русской молодежи, предпочитающей моноэтническую среду в Хакасии.

Более подробный анализ критериев выбора брачного партнера будет сделан в следующей главе. Пока мы можем только высказать предположение, что данные результаты скорее свидетельствуют (в условиях изменения этнической картины Якутии) о сложной брачной ситуации для русского населения, нежели о низкой значимости для него брака как жизненной ценности.

Несмотря на то, что общий анализ показал значимость детей как абсолютной ценности для всей молодежи, тем не менее сопоставление по типологии «гедонизм–аскетизм» позволило выявить меньшую заинтересованность в рождении детей у конформистов (КМНС – 50 %, русские в Якутии – 68 % и хакасы – 79 %). Остается пока радоваться тому, что группа конформистов немногочисленна. Но учитывая усиливающееся влияние западной культуры, где последние пятьдесят лет развивается субкультура и идеология *childfree*¹⁵⁴, пропагандирующая отказ от детей во имя личной свободы бездетный образ жизни, полагаем, что результаты опроса данной группы заставляют насторожиться и в России.

Городским образом жизни больше всех дорожит русская молодежь в Якутии: 71 % русской молодежи, представленной гедонистами, желают жить в городе. Также высока доля отдающих предпочтение городской жизни среди русских этноцентристов в Якутии (69 %), 62 % – среди предпочитающих монолингвистическую среду, и 60 % – среди этноиндифферентных. Среди саха, высказавших категорическое желание жить в городе, таковых гораздо меньше: каждый третий этноцент-

¹⁵⁴ Слово было введено в 1970-х Национальной Организацией для Не-Родителей США (ныне не существующей). См.: Антонова Ю.А. Коммуникативные стратегии в текстах, репрезентирующих идеологию *childfree*: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 170–177.

рист (31 %), а среди предпочтитающих монолингвистическую среду – 28 %. Аналогичная ситуация с этноцентристами КМНС (29 %) и КМНС, предпочтитающими моноэтническую среду (29 %). Еще меньше количество (25 %) желающих жить в городских условиях среди КМНС, предпочтитающих монолингвистическую среду. Менее всего склонны жить в городе 27 % хакасов, ориентирующихся на моноэтническую среду, 13 % хакасов из группы «привокаторов». Более всего ценят городскую жизнь проактивные русские в Хакасии.

Одним из объяснений этнической специфики расселения является не только предпочтение определенного образа жизни, но и специфика труда, а также соотношение этнических групп в селе и в городе. Поскольку в Якутии сельское население преимущественно представлено титульным этносом, то и стремление русской молодежи к городской жизни вполне закономерно.

В то же время представления о материальных ценностях – таких как богатая обстановка в доме и автомобиль – имеют ярко выраженную этническую и региональную специфику. Если для саха иметь богатую обстановку в доме важно для 73 % гедонистов, 70 % «привокаторов», то для хакасов–гедонистов высшей ценностью является автомобиль – 82 %. Для сравнения: лишь 46 % русских в Хакасии признали автомобиль ценностью, а также только 13 % русской молодежи из группы аскетов посчитали, что богатая обстановка в доме важна. Склонны к богатой обстановке в доме оказались конформисты КМНС – 75 %, но при этом лишь 44 % аскетов КМНС и 42 % русских в Якутии посчитали значимым автомобиль.

Данные факты свидетельствуют о том, что материальные ценности остаются по-прежнему символикой социального благополучия у тюркской молодежи. Этот вывод подтверждает и то, что для 72 % саха, предпочтитающих моноэтническую среду, для 68 % этноцентристов–КМНС очень важно иметь богатую обстановку в доме. Также ценность внешнего благополучия оказалась важна реактивным лидерам саха (62 %) и хакасов (64 %). А менее всего к этому оказались склонны этноиндифферентные русские в Хакасии (31 %) и проактивные хакасы (26 %).

С целью выявления специфики отношения к деньгам у молодежи разных социокультурных типов мы предложили респондентам продолжить предложение: «Деньги – это ...» (табл. II.19, II.20).

Несмотря на то, что традиционно успешность человека в тюркской культуре ассоциируется с определенным материальным благополучием,

Таблица II.19

**Отношение социокультурных типов молодежи по модели
«гедонизм–аскетизм» к деньгам, %**

Деньги – это...	Хакасы				Саха				Русские в Хакасии				Русские в Якутии			
	Гед.	Аск.	Кон.	Пров.	Гед.	Аск.	Кон.	Пров.	Гед.	Аск.	Кон.	Пров.	Гед.	Аск.	Кон.	Пров.
Деньги (получение денег) – то, к чему я стремлюсь	62	31	25	47	75	47	67	55	60	29	53	44	64	30	61	50
Деньги дают власть над другими людьми	61	56	50	68	76	68	66	80	61	55	53	59	59	42	59	58
Деньги – это показатель успешности	78	65	69	89	90	80	90	84	77	56	65	76	71	63	80	63
Не в деньгах счастье	82	85	81	74	71	81	84	87	74	90	75	88	74	75	76	76

* Гед. – гедонисты; Аск. – аскеты; Кон. – конформисты; Пров. – «проводатели».

Таблица II.20

**Отношение социокультурных типов молодежи по модели
«прояктивность – реактивность» к деньгам, %**

Деньги – это...	Хакасы				Саха				Русские в Хакасии				Русские в Якутии			
	Пр.	Пер.	Р/л	Р/м	Пр.	Пер.	Р/л	Р/м	Пр.	Пер.	Р/л	Р/м	Пр.	Пер.	Р/л	Р/м
Деньги (получение денег) – то, к чему я стремлюсь	53	46	57	50	34	53	57	66	43	42	48	53	54	50	41	54
Деньги дают власть над другими людьми	63	57	64	58	64	71	66	71	53	58	55	61	48	46	63	60
Деньги – это показатель успешности	79	70	86	79	84	88	87	86	60	72	63	75	64	64	70	68
Не в деньгах счастье	78	82	86	79	85	85	76	77	83	79	75	77	81	76	69	73

* Пр. – проактивный тип; Пер. – переходный тип; Р/л – реактивный лидер; Р/м – реактивная масса.

тем не менее исследование выявило некоторую региональную специфику. Так, если среди хакасов ответивших, что деньги – это то, к чему они стремятся, всего 48–49%, то для саха это утверждение оказалось более значимым – 61–63 % в целом по этнической группе. Более всего ориентированы на получение денег как на самоцель гедонисты саха – 75 %. В то же время для аскетов саха деньги не представляют ценности (53 %).

Менее всего ориентированы на получение денег как цели в жизни саха из группы проактивных (34 %) и хакасы из группы конформистов (25 %). Важно отметить, что среди русских гедонистов, независимо от региона, также высоко стремление к получению денег (60–64 %). Для русских в отношении ценности денег как цели в жизни дифференциация по группам небольшая. Региональная специфика проявилась в большей значимости денег для русской молодежи из групп «проактивный тип» и «переходный тип» в Якутии. В Хакасии устремление к деньгам больше высказали реактивные лидеры (48 %).

Для саха оказалось более характерным рассматривать деньги как средство получения власти (для 80 % «provокаторов», 76 % гедонистов, 71 % переходного типа и 71 % реактивной массы), символа успешности (для 90 % гедонистов, 90 % конформистов, 88 % переходного типа, 87 % реактивных лидеров и 86 % реактивной массы).

Менее значимы в таких аспектах деньги оказались для русских в Якутии: как средство получения власти – для 42 % аскетов, 46 % переходного типа и 48 % проактивного типа; как символ успешности – для 64 % проактивных и переходного типа, для 63 % аскетов и «provокаторов».

Несмотря на то, что деньги все-таки по некоторым позициям более востребованы русскими в Хакасии, тем не менее 90 % аскетов из их числа согласились с выражением, что «не в деньгах счастье». Наверное, это можно рассматривать как еще одно свидетельство того, что разработанная типология дееспособна.

Менее всего склонна соглашаться с тем, что счастье возможно без денег, молодежь саха. Таким образом, мы еще раз получили подтверждение, что деньги как символ успешности и средство получения власти над людьми свойственно не тюркской культуре в целом, а скорее определенным типам молодежи, представляющим данные этнические группы. А также можно сделать вывод, что развитие традиций и формирование ценностного мировосприятия зависит не только от этнокультурных характеристик сообщества, но и от региональной спе-

цифики, что наглядно видно при сопоставлении жизненных приоритетов хакасов и саха.

Подтверждают значимость материальных ценностей для тюркской культуры также и ответы о соотношении хорошего заработка или работы по душе (табл. II.21).

Так, хороший заработок наиболее значим для саха. На втором месте КМНС – 100 % конформистов и 93 %, предпочитающих моноэтническую среду высказали желание иметь высокие заработки, что не мешает им и ощущать значение любимой работы (60–59 %). Менее всего желающих много зарабатывать – среди русских девушек в Хакасии (51 %), и в целом среди русской молодежи, входящей в группу аскетов в Хакасии (39 %). Последнее объясняется тем, что именно у этой группы самые высокие требования к выбору работы: так, 70 % аскетов в Якутии хотят работать только на любимой работе. В отношении девушек мы можем предположить, что скорее всего либо специфика рынка труда в Хакасии изначально не предоставляет больших возмож-

Таблица II. 21

Распределение ответов юношей и девушек Хакасии и Якутии о жизненных приоритетах в отношении работы и образования, %*

Жизненные приоритеты	Варианты ответов	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии	
		Пол									
		муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
Много зарабатывать (не важно, где именно)	Важно	73	62	84	81	81	77	69	51	75	61
	Не важно	1	2	1	1	2	2	2	3	1	3
Работать по любимой профессии, не обязательно имея высокий доход	Важно	50	56	60	58	57	65	50	54	56	56
	Не важно	8	8	5	7	6	5	10	10	9	9
Иметь хорошее образование	Важно	91	91	92	96	97	96	83	89	91	92
	Не важно	1	0	0	0	0	1	1	0	1	0

*100% по полу, доля ответов «не очень важно» в таблицу не включена.

ностей для заработка женщинам, либо их интересы более сосредоточены на семейно-брачных обязанностях, что обуславливает отсутствие времени и возможности для подготовки к более высокооплачиваемой работе. Отчасти последнее подтверждается фактом отношения к получению образования русскими юношами в Хакасии, для которых характерно некоторое снижение интереса к получению качественного образования, что, по всей вероятности, связано с рынком труда, где более востребованы рабочие специальности. Тем не менее, образование важно для всех этнических групп, независимо от региона.

В то же время недостаточно яркое стремления к получению качественного образования не мешает русским юношам в Хакасии ориентироваться на открытие собственного дела (57 %) (табл. II.22). Аналогичный результат показали и представители КМНС (57 %). Но специфики этому устремлению добавляет тот факт, что 79 % КМНС, желающих открыть собственное дело предпочитают моноэтническую среду проживания; 75 % от всей группы, высказавших это желание, – конформисты.

Таблица II.22

**Распределение ответов юношей и девушек Хакасии и Якутии
о жизненных приоритетах в отношении собственного дела, власти
и миграции, %***

Жизненные приоритеты	Варианты ответов	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии	
		Пол									
		Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Иметь собственное дело (предприятие, фирму)	Важно	54	41	55	50	57	52	57	37	53	38
	Не важно	5	7	4	4	5	6	4	12	6	11
Заниматься политикой, влиять на власть	Важно	16	7	16	10	17	13	19	5	17	7
	Не важно	28	48	21	38	29	30	32	55	34	53
Переехать жить в дру- гую страну	Важно	11	5	9	9	4	8	15	8	12	10
	Не важно	39	44	36	36	38	35	30	44	35	39

* 100% по полу, доля ответов «не очень важно» в таблицу не включена.

Особо выделяются на общем фоне желающих иметь собственное дело 68 % проактивных личностей хакасов. Последнее, конечно же, радует, поскольку это как раз та группа молодежи, которая способна не только начать свое дело, но и построить его на принципах получения блага не только для себя – в отличие от группы реактивных лидеров, которые под маской защиты общественных интересов на самом деле стремятся к достижению своих. Неудивительно, что среди последних стремление организовать свое дело высказали лишь 39 % русской молодежи в Хакасии.

А менее всего склонны к открытию своего дела оказались русские – аскеты в Хакасии (28 %), русские – конформисты в Якутии (32 %).

Тип «конформисты» оказался весьма интересным в связи с их устремленностью попасть в группу влияющих на власть, независимо от этнической группы и региона. Исключение из данной группы составила лишь русская молодежь в Хакасии, которая индифферентно высказалась относительно желания влиять на власть. При общей в целом низкой заинтересованности молодежи политикой и властью 25 % конформистов среди КМНС, 25 % реактивных лидеров КМНС, 21 % проактивных личностей и реактивных лидеров среди хакасов, а также 20 % из числа «провокаторов» среди саха высказали желание поучаствовать во власти.

Изучение ценности коллективизма как одного из важнейших принципов, определяющих стратегию поведения индивида, позволило сделать вывод, что большая часть молодежи, желающей попасть во власть, очень низко ценит коллективизм: 17 % хакасов (7 % – высоко), 13 % саха (8 % – высоко). К данному штриху в портрете потенциального лидера в регионе можно добавить еще один – довольно большое количество русских юношей (15 % – в Хакасии и 12 % – в Якутии) высказали желание уехать на постоянное место жительства за рубеж.

Распределение по типам показало, что желающие выехать представлены в Хакасии в том числе русскими гедонистами (13 %) и русской молодежью из группы «провокаторы» (15 %), а также реактивными лидерами (21 %) из числа хакасов.

В Якутии желающих уехать за рубеж среди гедонистов оказалось 12 % саха и 13 % русских, а также 22 % из числа русской молодежи группы «провокаторы». Один из важнейших фактов – 19 % русских в Якутии, предпочитающих моноэтническую среду, хотели бы уехать. Является ли последнее результатом лишь изменений этнической кар-

тины региона или оно свидетельствует также об ухудшении межэтнических отношений, мы рассмотрим в следующем параграфе.

Полагаем, что индивиды, которые, с одной стороны, стремятся во власть или влиять на нее, а с другой, имеют планы переезда в другие страны, являются, конечно же, весьма нежелательными как потенциальные лидеры в регионах.

В данном случае важно отметить, что, обращаясь к теме лидерства, нам было важно понять, какой тип ориентирован на приход к власти и потенциально может в будущем стать лидером. Будет ли он заинтересован в реализации своих личных интересов или способен к созиданию во имя людей, нужна ли ему будет власть для улучшения жизни общества или для получения денег. Наше исследование показало, что среди основной массы все-таки выделяется группа проактивных личностей, которые могут прийти к власти.

Гендерное распределение показало, что самыми «заинтересованными» во влиянии на власть оказались русские юноши в Хакасии (19 %), а менее всего выражено стремление поучаствовать во властных «играх» – у русских девушек (55 % – в Хакасии и 53 % – в Якутии). Последний факт убедительно показывает, что активность русских девушек в Якутии и достаточно большое их количество, попавших в группы проактивных и переходного типа, ориентированы, при учете недостаточно выраженного стремления вступать в брак, на приложение своих сил в первую очередь на работу.

Обобщая вышеизложенное, можем сделать заключение, что формируемые этнической культурой и современным социумом модели проявления лидерских задатков имеют более выраженную этнокультурную обусловленность у саха и более четкую гендерную и региональную специфику – у русских. Исследование позволило выявить высокую амбициозность к власти у женщин–саха (лишь 17 % поставивших власть на первое место в иерархии ценностей нуждаются в дополнительной внешней стимуляции, по сравнению с мужчинами–саха: четверть из тех, кто выбрал власть, нуждаются во внешней поддержке), но, к сожалению, чаще не реализующуюся впоследствии в виде конкретных действий; возможно, в силу сохраненной традиционной доминантной роли активного мужчины. Сохранение и реализация данной модели поведения у мужчин–саха также фиксируется результатами нашего исследования.

Результаты анализа выделенных характеристик различных социокультурных типов могут иметь развитие и в построении прогнозов относительно семейно-брачных ролей. Так, большая доля среди русских юношей в Якутии, стремящихся к гедонистическому образу жизни, может обусловить рост численности неполных семей, а также усиление тенденции рождения русскими женщинами детей «для себя». Это предположение, в частности, подтверждается самой малочисленной долей гедонистов-мужчин в Якутии (лишь 36 %), собирающихся вступать в законный брак, но при этом 83 % из них хотели бы иметь детей.

Таким образом, традиционное понимание термина замужество как «выйти за мужественного человека», «быть за мужем» в условиях роста гедонистических настроений и, как следствие, феминных черт у русских мужчин в Якутии будет и впредь способствовать формированию у русских женщин маскулинности, провоцирующей в том числе и занятие лидерских позиций как в жизни, так и на работе.

Проявление лидерских качеств у русских девушек в Якутии скорее обусловлено социокультурными условиями. Более склонные к гедонизму русские юноши в Якутии, по сравнению с русскими юношами в Хакасии, провоцируют развитие большей самостоятельности и активности в реализации своих целей у изначально не стремящихся к власти русских девушек.

Таким образом, если современная социокультурная ситуация и в дальнейшем будет развиваться согласно с имеющимися тенденциями по формированию маскулинности у русских женщин в Якутии и сохранению традиционной доминантной роли мужчины-саха как реализующего идеи (возможно, и женские), то количество лидеров-мужчин в Якутии из числа титульного этноса будет сохраняться. А вот что касается лидерства «с женским лицом», оно может быть скорее всего представлено русским этносом, при благоприятной для него республиканской политике в отношении расстановки кадров.

В отношении русских в Хакасии можно отметить, что некая патриархальность, в какой-то мере обусловленная спецификой брачного и трудового рынка в регионе, создала условия по проявлению более активной жизненной позиции у юношей и меньшей амбициозности у девушек (48 % хакасок и 40 % русских девушек при стремлении участвовать во власти нуждаются в поддержке и внешней стимуляции). В целом необходимо отметить, что молодежь хакасов менее склонна к гедонизму и ориентирована на создание условий для разви-

тия собственными усилиями. Некоторую тревогу лишь вызывает преобладание числа реактивных лидеров и конформистов из хакасов, стремящихся во власть.

Таким образом, анализ социокультурных типов и их жизненных ориентиров в гендерном, этническом и региональном аспектах позволил сделать вывод, что ожидание лидерских качеств в России по-прежнему в большей степени связано скорее с «сильной половиной» человечества. Но нельзя оставлять без внимания все возрастающую маскулинность девушек, которая, увы, является скорее следствием растущих гедонистических настроений юношей. Также важно отметить, что довольно большая часть имеющих потребность либо быть во власти, либо на нее влиять, а также их потенциальные личностные характеристики (чтобы не только этого желать, но и добиться) относятся к группам, не склонным к созиданию во имя общества: гедонистам, конформистам и реактивным лидерам. Особое беспокойство это вызывает, когда число потенциальных лидеров, представляющих обозначенные социокультурные типы, начинают возглавлять этнические элиты в регионе. В таком случае вполне возможно развитие ситуации по сценарию использования темы ущемления интересов этнических групп для достижения корыстных интересов конкретных людей, которые мы наблюдаем в последнее время, в том числе и на Украине.

§ II. 4. Межэтнические установки, аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи: этническое и региональное

Рассмотрим, каковы ценностные ориентиры различных социокультурных типов молодежи, влияющие на межэтнические отношения. Из многих аспектов этих отношений выделим наиболее важные: виды самоидентификаций в полизничном и поликультурном пространстве; зависящие от их соотношений – аккультурационные стратегии; отношение к своей этнической самоидентификации и ситуации ее актуализации; установки в межэтнических отношениях (социальные дистанции, предпочтения при выборе супруга (и)).

Юношам и девушкам предлагалось оценить, насколько важно для них осознавать себя: представителем своего этноса; гражданином России; жителем своей республики; сибиряком; представителем Севера (для молодежи Якутии); гражданином мира – по шкале «очень важно», «важно», «не важно». В табл. II.23–II.26 представлены распределения

Таблица II.23

**Виды самоидентификаций социокультурных типов молодежи.
Модель типологизации «коллективизм – этническое самосознание»,
% ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип					
		Кол-т со сф. эт. сам-ем	Кол-т с част. сфор. эт. сам-ем	Кол-т «КОСМ-Т»	Инд-т со сф. эт. сам-ем	Инд-т с част. сфор. эт. сам-ем	Инд-т «КОСМ-Т»
Хакасы	Этноса	57	29	25	46	41	7
	Республики	59	44	19	50	47	7
	России	62	67	48	46	53	7
Саха	Этноса	46	22	16	49	28	10
	Республики	57	37	26	58	37	19
	России	48	43	35	45	52	46
КМНС	Этноса	41	**	20	65	71	**
	Республики	41	**	31	40	29	**
	России	51	**	50	70	86	**
Русские в Хакасии	Этноса	39	24	13	26	17	20
	Республики	17	11	8	16	14	10
	России	69	62	50	63	51	38
Русские в Якутии	Этноса	40	24	15	36	34	16
	Республики	15	7	6	10	16	3
	России	78	79	61	76	79	54
Вся Хакасия	Этноса	45	23	12	30	23	16
	Республики	28	22	9	21	23	9
	России	66	64	50	57	55	35
Вся РС(Я)	Этноса	43	23	15	44	31	13
	Республики	42	20	14	39	23	9
	России	57	58	51	57	64	46

Окончание табл. II.23

Примечание. «Кол-т со сф. эт. сам-ем» – коллективист со сформированным этническим самосознанием; «Кол-т с част. сфор. эт. сам-ем» – коллективист с частично сформированным этническим самосознанием; «Кол-т-“косм-т”» – коллективист-«космополит»; «Инд-т со сф. эт. сам-ем» – индивидуалист со сформированным этническим самосознанием; «Инд-т с част. сфор. эт. сам-ем» – индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием; «Инд-т-“косм-т”» – индивидуалист-«космополит». «**» – группа малочисленна.

этнической, республиканской и общероссийской самоидентификаций среди социокультурных типов русской, хакасской молодежи, молодежи саха и коренных малочисленных народов Севера по разным моделям типологий и ответам «очень важно» на вопрос о самоидентификации.

Как в целом по республикам – Хакасии и Якутии, так и по этническим группам хакасов, саха, КМНС и русских – общероссийская самоидентификация для большинства социокультурных типов важнее республиканской и этнической.

Особенно заметно это в группе русской молодежи, для которой характерен крайне низкий показатель ответов «очень важно осознавать себя жителем республики» (не более 15–17 % и в Якутии, и в Хакасии). В то же время это очень важно для саха, КМНС и хакасов, у которых некоторые социокультурные типы предпочли республиканскую самоидентификацию общероссийской (это типы со сформированным этническим самосознанием). То есть, региональный патриотизм более характерен для аборигенов Сибири, чем для русских, у которых «малая родина» – вся Россия. При всей важности самоидентификации себя как гражданина России, нежели жителя того или иного региона (республики, Сибири), все же соотношение значимостей общероссийской и республиканской самоидентификаций среди русской молодежи (в среднем 5:1, а среди «космополитических» типов – и более чем 10:1) нельзя признать оптимальным, а скорее оно является проблемным – и в плане прошлой, и будущей истории. Характерно, что если для коллективистов со сформированным этническим самосознанием – хакасов и саха – ощущать себя жителем республики важнее, чем гражданином России или представителем своего этноса (так считают 57–59 %), то по мере снижения степени сформированности этнического самосознания важность республиканской самоидентификации тоже уменьшается, и сре-

ди «космополитов» – хакасов и саха – она важна соответственно лишь для 19 % и 17 % молодежи.

Этническая самоидентификация более четко проявляется у саха, хакасов и КМНС. Важность ее снижается при переходе от социокультурных типов со сформированным этническим самосознанием к «космополитическим», что характерно и для русской молодежи. Это закономерно и для «коллективистов», и для «индивидуалистов». Менее всего важно ощущать себя представителем своей национальности для «космополитов», особенно «индивидуалистов–космополитов» среди хакасов и саха (соответственно лишь для 7 и 10 % в этих группах).

В целом можно заметить, что со снижением степени сформированности этнического самосознания (от сформированного к «космополитическому») важность всех самоидентификаций во всех, как правило, этнических и региональных группах уменьшается: как среди коллектиivistских, так и индивидуалистских социокультурных типов. При этом степень сформированности этнического самосознания оказывает более сильное влияние на дифференциацию значимости разных самоидентификаций – этнической, региональной, общероссийской – среди социокультурных типов молодежи, чем фактор «коллективизм–индивидуализм».

Региональные различия видов самоидентификаций проявляются в следующем. Ощущение себя гражданином России более важно для «коллективистов» Хакасии, чем Якутии, в то время как жителем республики – наоборот: важнее для молодежи Якутии (и «коллективистов», и «индивидуалистов»). Эти различия определяются как разным соотношением численности русской молодежи и молодежи саха и хакасов, так и некоторыми различиями их видов самоидентификаций среди выделенных социокультурных типов.

Как проявляется этническая и региональная специфика видов самоидентификации в разных формах межэтнических отношений молодежи, об этом речь пойдет в дальнейшем. А сейчас перейдем к рассмотрению самоидентификаций социокультурных типов, выделенных по типу «этноцентризм–этноиндифферентность» (см. табл. II.24), по ответам «очень важно осознавать себя...».

Этническая идентичность менее всего важна для всех индифферентных к этнической и монолингвистической среде проживания социокультурных типов молодежи, а наиболее важна, как правило, для этноцентристов. Аналогичный вывод справедлив в целом и для других видов идентичностей – республиканской и общероссийской, за исключением

Таблица II.24

**Виды самоидентификаций социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «этноцентризм – этноиндифферентность»,
% ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип			
		Этноцентристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	Этноса	68	69	76	35
	Республики	78	76	62	42
	России	78	71	61	53
Саха	Этноса	60	51	55	29
	Республики	66	60	66	41
	России	48	42	53	45
КМНС	Этноса	57	64	57	30
	Республики	64	50	36	35
	России	56	50	41	54
Русские в Хакасии	Этноса	50	38	30	18
	Республики	23	31	16	8
	России	71	62	64	54
Русские в Якутии	Этноса	52	29	34	16
	Республики	15	14	13	7
	России	81	62	75	67
Вся Хакасия	Этноса	53	55	38	23
	Республики	29	50	24	18
	России	70	65	64	53
Вся РС(Я)	Этноса	57	46	44	25
	Республики	45	48	34	29
	России	61	44	64	52

этноиндифферентных КМНС и русских в Якутии: для первых гражданство России весьма значимо (54 %), для вторых оно наименее значимо не для группы этноиндифферентных, а для предпочитающих моноэтническую среду проживания (62 %).

Максимально высокие показатели важности общероссийской идентичности – среди русских этноцентристов в Якутии (81 %) и этноцентристов–хакасов (78 %). Для хакасов этническая идентичность во всех типах, за исключением предпочитающих этнолингвистическую среду, менее важна, чем общероссийская и республиканская; у саха – обратная картина (за исключением группы этноиндифферентных). Для русской молодежи общероссийская идентичность во всех типах – самая важная, а республиканская – наименее важная, особенно для этноиндифферентных (всего 7–8 %), причем для всех типов русской молодежи Хакасии более важна республиканская идентичность, чем для соответствующих типов Якутии: так, среди этноцентристов – соответственно показатели этой важности 23 и 15 %, среди предпочитающих моноэтническую среду – соответственно 31 и 14 % и т. д. То есть, для русской молодежи Хакасии, доминирующей по численности среди других этнических групп, региональный патриотизм выражен несколько четче, чем в Якутии, где ее доля среди молодежи ниже, чем доля саха. Сказываются и различия в значимости этничности, роли языка и других факторов самоидентификации.

Можно сделать вывод, что если для индивида не очень важно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на языке своего этноса, то для него не очень важны принадлежность и к своей этнической группе, и к региональному сообществу, и к гражданству России. В принципе этот социокультурный тип этноиндифферентных похож на «космополитический». В чем их различие, можно определить по установкам в межэтнических отношениях и аккультурационным стратегиям.

Как проявляется личностное, а не этнокультурное (как для описанных выше моделей типологии) начало в видах самоидентификации, рассмотрим на примере типологий «проактивность–реактивность» и «гедонизм–аскетизм» (см. табл. II.25, II.26).

Результаты исследования показали, что такая характеристика личности как проактивность влияет на ее самоидентификации намного слабее, чем этнокультурные факторы (самосознание, язык, среда проживания).

Таблица II.25

**Виды самоидентификаций социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «проактивность–реактивность»,
% ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип			
		Проактивная личность	Переходный тип	Реактивный лидер	Реактивная масса
Хакасы	Этноса	47	56	57	43
	Республики	47	58	54	46
	России	47	55	62	52
Саха	Этноса	37	40	43	38
	Республики	45	54	51	49
	России	46	45	46	44
КМНС	Этноса	**	39	**	36
	Республики	**	39	**	41
	России	**	53	**	54
Русские в Хакасии	Этноса	25	23	37	30
	Республики	9	12	11	14
	России	59	67	64	60
Русские в Якутии	Этноса	41	24	25	21
	Республики	11	13	4	8
	России	80	65	76	69
Вся Хакасия	Этноса	29	30	38	32
	Республики	19	19	15	19
	России	57	66	62	57
Вся РС(Я)	Этноса	38	32	33	32
	Республики	31	36	31	35
	России	59	52	55	51

Можно лишь отметить, что в Якутии – среди саха, КМНС и русских – значимость этнической самоидентификации минимальна для реактивной массы, а наиболее значима она для русских – проактивных личностей (41 % ответов, при 21–25% – среди других типов). В Хакасии максимально важно ощущать свою национальность для русских и хакасов – «реактивных лидеров» (37 и 57 % соответственно).

Для русских – проактивных личностей в Якутии также очень важно чувствовать себя гражданином России (80 % ответов, самая высокая доля среди всех этнических и региональных социокультурных типов). Обратим внимание, что такая же доля (81 %) отмечена и среди русских «этноцентристов» (см. табл. II.24), т. е. «этноцентристы» и проактивные личности среди русских РС (Я) близки по своим социокультурным характеристикам в аспекте общероссийской самоидентификации, что, по всей вероятности, связано с необходимостью отстаивать свои права в условиях постоянного сокращения доли в этнической картине региона, а также вторичным по отношению к титулальному этносу положением.

Проактивные личности среди русских и хакасов в Хакасии, наоборот, менее, чем другие типы, отмечают значимость для них гражданства России, хотя для всех из них оно обычно важнее, чем идентичности региональные и этнические. Так, например, для русских в Хакасии – проактивных личностей – значимость общероссийской самоидентификации – 59 % ответов «очень важно», для реактивной массы – 60 %, а для реактивных лидеров и переходного типа личности – соответственно 64 и 67 %. Региональная специфика проявления самоидентификации обусловлена довольно большим количеством русских, проживающих в Хакасии.

Таким образом, типология «проактивность–реактивность» выявляет определенную этническую и региональную специфику в самоидентификации личности, но в одних условиях (Якутия) проактивность стимулирует одни ее виды (этническую и общероссийскую), в других (Хакасия) – наоборот (или не влияет).

Взаимосвязь видов самоидентификации и социокультурных типов «гедонизм – аскетизм» представлена в данных табл. II.26.

В целом по всем видам самоидентификаций для региональных групп молодежи (Хакасии и Якутии), а также по всем видам самоидентификаций среди хакасской и русской молодежи в Хакасии характерны

Таблица II.26

**Виды самоидентификаций социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «гедонизм – аскетизм», % ответов «очень важно»**

Этническая группа	Важно осознавать себя представителем...	Социокультурный тип			
		Гедонисты	Аскеты	«Провокаторы»	Конформисты
Хакасы	Этноса	37	55	56	58
	Республики	47	53	80	68
	России	54	51	56	68
Саха	Этноса	35	44	43	33
	Республики	44	55	55	48
	России	39	50	45	48
КМНС	Этноса	31	56	11	50
	Республики	19	39	44	25
	России	54	59	89	25
Русские в Хакасии	Этноса	24	36	33	30
	Республики	11	11	20	20
	России	54	72	60	60
Русские в Якутии	Этноса	27	21	33	21
	Республики	8	18	12	8
	России	72	76	73	64
Вся Хакасия	Этноса	25	43	38	40
	Республики	17	23	31	33
	России	54	65	61	66
Вся РС(Я)	Этноса	29	38	36	30
	Республики	21	41	37	35
	России	57	59	58	48

наиболее низкие показатели их значимости для молодежи гедонистского социокультурного типа.

В то же время «аскеты», на словах и на деле следующие принципу «довольствоваться малым», и в Хакасии, и в Якутии в наибольшей степени среди всех социокультурных типов признают важность и этнической идентичности (43 % – в Хакасии, 38 % – в Якутии), и общероссийской (соответственно 65 и 59 %). Среди «гедонистов» эти показатели существенно ниже: соответственно 25 и 29 % – по этнической, 54 и 57 % – по общероссийской идентичности.

Для хакасской молодежи тоже минимально (37 %) значима этническая идентичность среди «гедонистов», но максимальна она (58 %) не для «аскетов», а для «конформистов». Как, впрочем, и общероссийская идентичность наиболее важна для конформистов (68 %), а для «аскетов» она минимальна (51 %) среди всех четырех типов.

Среди молодежи саха видна более четкая зависимость этнической и российской самоидентификаций от степени гедонизма: она минимальна у «гедонистов» (35 и 39 % – для этнической и российской идентификаций соответственно) и максимальна (соответственно 44 и 50 %) – для «аскетов».

То есть, в целом можно сделать вывод, что для «гедонистов», предлагающих в жизни удовольствие, менее важна этничность и гражданство России, чем для «аскетов», на словах и на деле стремящихся жить скромно. Этот факт свидетельствует, что и для определенной части молодежи такая черта российского цивилизационного менталитета как приоритет достатка над богатством не потеряла своей значимости, несмотря на идеологию рыночных реформ с их лейтмотивом «живи в свое удовольствие, не думая о нации и стране». К сожалению, лиц данного аскетического типа среди молодежи немного: лишь каждый пятый – среди русских и каждый третий – среди других народов, в то время как «гедонистов» – более половины у всех.

Рассмотрим, как проявляются аккультурационные стратегии молодежи различных социокультурных типов в полигэтнических сообществах, каковыми являются республики Саха (Якутия) и Хакасия.

Культурная трансмиссия включает два процесса: инкультурацию и социализацию. Инкультурация происходит в результате «погружения» индивидов в их культурную среду, что приводит к усвоению моделей поведения, присущих или «одобренных» данной средой. Социализация индивида осуществляется на основе специализированного обуче-

ния и воспитания, в результате которых происходит усвоение норм и ценностей, обуславливающих культурно-приемлемые типы поведения. Однако необходимо отметить, что процессы инкультурации и социализации индивидов в современном обществе не проходят изолированно, т. е. результаты трансмиссии во многом обусловлены не только взаимодействием с родной культурной средой, но и контактами с людьми (институтами), которые принадлежат к другим культурам. Данный процесс социокультурной трансформации индивида под влиянием изменения первоначального культурного контекста или осуществлением взаимодействия с иной культурной средой называют аккультурацией.

Одной из первых крупных работ по аккультурации было исследование Герсковица (1938). Впоследствии Грэйвз¹⁵⁵ обосновал разделение аккультурации на групповую (изменение социальной структуры, экономики, политики) и личностную (психологическую, включающую изменение идентичности, ценностей, установок). Аккультурационные стратегии, выбираемые индивидом или группой, подверженной влиянию условий трансформации окружающей среды, могут привести к адаптированности (психологической и (или) социокультурной) или аккультурационному стрессу (например, к неуверенности, беспокойству и даже психическим заболеваниям¹⁵⁶). Чем обусловлена эффективность избираемой индивидом аккультурационной стратегии? И на какие типы подразделяют аккультурационные стратегии?

Стратегии межкультурного взаимодействия состоят из двух компонентов: социокультурных установок и реальной модели поведения индивида в конкретных ситуациях, которые, как подметил Дж.В. Берри, редко совпадают. Это несоответствие объясняется усвоением формализованных моделей поведения, которые зачастую могут расходиться с мотивацией личности в принятии тех или иных поведенческих решений, а также социальными ограничениями поведения (нормы, возможности и т. д.). В результате осуществления межкультурного взаимодействия в силу усвоенной социокультурной модели поведения, социальной и этнической стратификации общества, групповых и личных целей, желания или нежелания контактировать, индивид выбирает определенную стратегию аккультурации. Дж.В. Берри, разви-

¹⁵⁵ Graves T.D. Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology. 1967. V. 23. P. 337–350.

¹⁵⁶ Al-Issa I., Tousignant M. (Eds). Ethnicity, immigration and psychopathology. New York, 1997.

вая высказанную в 1936 г. идею Редфилда о том, что ассимиляция не является единственной формой аккультурации, провел различие между стратегиями ассимиляции и интеграции, а позже – между стратегиями сепарации и маргинализации как различными способами осуществления аккультурации (как групп, так и отдельных людей)¹⁵⁷. В основе типологии лежали два критерия: ориентация на собственную группу (предпочтение сохранять свое культурное наследие и идентичность) и ориентация на другие группы (предпочтение контактировать с более широким обществом и принимать в нем участие наряду с другими этнокультурными группами).

При доминировании этнической идентификации и слабой мотивации к осуществлению межкультурного взаимодействия индивид выбирает стратегию *сепарации*. И напротив, когда люди придают значение сохранению собственной культуры и в то же время не ограничивают взаимодействие с другими культурами, осуществляется стратегия *интеграции*, что в большом сообществе или при выборе данной стратегии доминирующей группой именуется уже политикой мультикультурализма. Если же у индивида мало возможности или заинтересованности в сохранении своей культуры при наличии желания взаимодействия с другими культурными группами, то, скорее всего, будет осуществляться *ассимиляционная* стратегия. Когда же данный тип аккультурационной стратегии избирается в качестве доминантного в большом сообществе, то фактически провозглашается идея «плавильного котла». Стратегия *маргинализации* отличается слабой заинтересованностью во взаимосвязи с другими группами (возможно, по причине исключения или дискrimинации).

При определении типа избираемой стратегии необходимо отметить, что как недоминирующие группы, так и их отдельные представители обладают свободой выбора, т. е. при навязывании определенных типов аккультурации доминирующей группой необходимо использовать уже другую терминологию. Таким образом, стратегия интеграции может осуществляться в полной мере этнокультурной группой или индивидом только в мультикультурном обществе, в котором утверждены определенные психологические посылки¹⁵⁸. К ним относятся:

¹⁵⁷ Кросс-культурная психология. Исследования и применение / Пер. с англ. Харьков, 2007. С. 381.

¹⁵⁸ Berry J.W., Kalin R. Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society // International Journal of Intercultural Relations. 1995. № 3. P. 99–112.

- 1) повсеместное принятие культурного разнообразия как ценности для общества,
- 2) относительно низкий уровень предубеждений (минимальные этноцентризмы, расизм, дискриминация),
- 3) положительные взаимные отношения между этнокультурными группами,
- 4) осуществление принадлежности к большому обществу и отождествления себя с ним у всех индивидов и групп,
- 5) стремление сохранить культурное наследие.

Для обоснования предпринятой нами попытки определения выбора аккультурационной стратегии индивидов необходимо обратиться также к теории Тайфеля о социальной идентичности и концепции Камильери о стратегиях идентичности¹⁵⁹. Как и понятие стратегии аккультурации, самоидентификация базируется на определении двух параметров: идентификации себя с культурным наследием и этнокультурной группой (этническая самоидентификация); идентификация с большим сообществом (гражданская самоидентификация). Таким образом, при утверждении значимости как этнической, так и гражданской самоидентификации индивид избирает стратегию *интеграции*, при нивелировании обеих – *маргинализации*. Доминирование этнической самоидентификации обуславливает выбор *сепарационной* стратегии, а при доминировании гражданской – *ассимиляционной*.

Под гражданской самоидентификацией в данном анализе будем подразумевать самоидентификацию общероссийскую (осознавать себя гражданином России). Если исключить из рассмотрения смешанные виды аккультурационных стратегий, то все пространство стратегий аккультурации для индивидов и групп содержит выбор одной (доминантной) из четырех: интеграции, сепарации, ассимиляции или маргинализации. Отметим также, что для России как цивилизации исторически сложилось понимание наций как этнокультурных, а не политических сообществ, поэтому из всех аккультурационных стратегий оптимальной для индивидов и групп следует признать интеграцию.

¹⁵⁹ См.: Tajfel H. (Ed). *Differentiation between social groups*. London, 1977; Brewer M. The social self: On being the same and different at the same time // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991. P. 475–482; Kalin R., Berry J.W. Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // *Canadian Ethnic Studies*, 1995. V. 27. P. 1–15.

Следует учесть и специфику трактовки ассилияции для русских, как наиболее многочисленного и государствообразующего этноса, и для других этносов. Ассилияция теоретически и эмпирически определялась как доминирование гражданской (общероссийской) самоидентификации над этнической. Учитывая региональную специфику этнического состава населения рассматриваемых республик, необходимо понимать, что выбор частью русской молодежи стратегии ассилияции в итоге может иметь проблемы для существования русского этноса. Так, в Хакасии гражданская самоидентификация, доминирующая над этнической, вполне является отражением «экспансии» русского этнического самосознания на всю Россию. Но в условиях Якутии выбор ассилияции молодежью, как стратегии аккультурации для русских и представителей малочисленных этносов, действительно может приводить к уменьшению их численности, а в некоторых случаях – к исчезновению, что обедняет этнокультурную карту мира и не может считаться оптимальным даже при признании естественной ассилияции, свободы выбор индивидом самоидентификаций и т. п.

Эти предварительные замечания необходимо учитывать при интерпретации излагаемых ниже материалов исследования (табл. II.27).

Как следует из данных табл. II.27, наиболее высока доля выбирающих стратегию интеграции в обеих республиках среди молодежи социокультурного типа «коллективист со сформированным этническим самосознанием» (76–77 %). Несколько ниже он среди индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием (соответственно 72 и 70 %). Среди хакасской молодежи он высок в равной мере для обоих типов (84–88 %), для молодежи саха и КМНС – тоже (77 и 78 %, 75 и 73 % соответственно). В группах русской молодежи стратегия интеграции четче проявляется среди коллективистов, чем среди индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием (73 и 68 % – в Якутии, 74 и 66 % – в Хакасии). Эта доля ниже во всех группах, если этническое самосознание сформировано лишь частично. То есть, в выборе стратегии интеграции более важную роль в целом играет степень сформированности этнического самосознания, а не дихотомия «коллективизм–индивидуализм». По мере уменьшения этой степени снижается доля выбирающих стратегию интеграции, и минимальна она среди «космополитов»: например, среди молодежи саха – коллективистов – 44 %, а индивидуалистов – 37 %; среди хакасской молодежи

Таблица II.27

**Аккультурационные стратегии социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «коллективизм – этническое самосознание»,
% в группе по типу**

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип					
		Кол-т со сф. эт. сам-ем	Кол-т с част. сфор. эт. сам-ем	Кол-т «коэм-т»	Инд-т со сф. эт. сам-ем	Инд-т с част. сфор. эт. сам-ем	Инд-т «коэм-т»
Хакасы	Интеграция	84	73	55	85	88	43
	Сепарация	7	2	5	9	0	7
	Ассимиляция	8	25	35	7	12	36
	Маргинализация	0	0	5	0	0	14
Саха	Интеграция	78	64	44	77	56	37
	Сепарация	9	7	11	14	2	10
	Ассимиляция	12	27	34	8	40	46
	Маргинализация	1	3	10	2	2	7
КМНС	Интеграция	73	72	64	75	**	**
	Сепарация	12	8	8	10	**	**
	Ассимиляция	14	16	24	15	**	**
	Маргинализация	1	4	4	0	**	**
Русские в Хакасии	Интеграция	74	57	40	66	60	49
	Сепарация	4	5	4	4	9	3
	Ассимиляция	20	37	47	27	29	28
	Маргинализация	2	1	9	3	3	20
Русские в Якутии	Интеграция	73	55	52	68	61	43
	Сепарация	3	0	3	4	0	4
	Ассимиляция	23	39	37	27	39	47
	Маргинализация	1	6	8	1	0	7

Окончание табл. II.27

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип					
		Кол-т со сф. эт. сам-ем	Кол-т с част. сфор. эт. сам-ем	Кол-т «косм-т»	Инд-т со сф. эт. сам-ем	Инд-т с част. сфор. эт. сам-ем	Инд-т «косм-т»
Вся Хакасия	Интеграция	77	59	38	70	68	45
	Сепарация	6	4	4	6	7	3
	Ассимиляция	16	36	48	22	23	31
	Маргинализация	2	1	10	2	2	21
Вся РС(Я)	Интеграция	76	59	49	72	62	38
	Сепарация	8	4	5	10	1	5
	Ассимиляция	15	33	37	15	36	46
	Маргинализация	1	4	9	2	1	11

социокультурных типов «коллективист-“космополит”» и «индивидуалист-“космополит”» – соответственно 55 и 43 %.

Маргинализация заметна тоже лишь среди «космополитов», причем во всех региональных и этнических группах она самая высокая среди «индивидуалистов-“космополитов”», и максимальна для этого социокультурного типа у русских в Хакасии (20 %).

Если по мере уменьшения степени сформированности этнического самосознания значимость стратегии интеграции для молодежи снижается, то значимость ассимиляции, наоборот, растет, и максимальны ее значения среди юношей и девушек «космополитического» социокультурного типа: 35 и 36 % – для хакасов, 34 и 46 % – для саха, 37 и 47 % – для русских в Якутии.

Сепаратистские стратегии среди молодежи в целом распространены еще меньше, чем маргинальные: по Якутии в целом – 5–10 %, по Хакасии – 3–7 %, и лишь среди индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием – саха и хакасов – они заметны (соответственно 14 и 9 %). То есть, при выборе стратегии сепарации важную роль играет не только сформированность этнического самосознания, но (и еще больше) индивидуалистическая ориентация личности.

И это объяснимо: индивидуализм на личностном и групповом уровнях коррелируют друг с другом. Учитывая, что индивидуалисты – это каждый пятый в группе саха и каждый десятый в группе хакасов, сказанное заставляет задуматься над будущей их ролью в межэтнических отношениях в республиках.

Если типология «коллективизм–этническое самосознание» характеризует аккультурационные стратегии – интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию – в аспекте межкультурного взаимодействия индивидов с макросредой – этническими и региональными группами, то типология «этноцентризм–этноиндифферентность», скорее, дает представление о специфике взаимодействия личностей разных социокультурных типов с микросредой (учебный, поселенческий коллектив, круг друзей и т. д.) и о формируемых на основе этих взаимодействий представлениях об аккультурационных стратегиях. Материалы по данному вопросу представлены в табл. II.28.

В целом показатели по аккультурационным стратегиям молодежи данных социокультурных типов в Хакасии и Якутии близки. Из существенных различий отметим, что в Якутии выше, чем в Хакасии, во всех социокультурных типах процент «сепаратистов» (среди этноцентристов – 11 и 7 % соответственно, среди предлагающих моноэтническую среду – 14 и 9 % и т. д.). Общим же для республик является самая низкая (60 и 62 %) доля выбирающих стратегию интеграции среди этноиндифферентной молодежи, что в значительной мере определяется ориентацией русской молодежи, у которой этот показатель – самый низкий из всех этнических групп среди индифферентных к этничности (51 % – в Якутии, 53 % – в Хакасии, при 69 % – у саха и 81 % – среди хакасов).

Сравнение данных по стратегии интеграции среди различных социокультурных типов по типологизациям «коллективизм–этническое самосознание» и «этноцентризм–этноиндифферентность» (см. табл. II.27 и II.28) позволяет заметить, что по этой аккультурационной стратегии русские – этноиндифферентные сродни русским-«космополитам» (у которых этот показатель 40–49 % – в Хакасии, 43–52 % – в Якутии). То есть, этноиндифферентность (неважно и жить среди людей своей национальности, и разговаривать на ее языке) – не лучшее качество в плане развития интеграционных установок у русской молодежи (т. е. важности для нее и этнической, и общероссийской идентичности).

Таблица II.28

Аккультуационные стратегии социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «этноцентризм–этноиндифферентность»,
% в группе по типу

Этническая группа	Аккультуационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этно-центристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Хакасы	Интеграция	73	81	84	81
	Сепарация	12	6	12	3
	Ассимиляция	15	13	3	15
	Маргинализация	0	0	0	1
Саха	Интеграция	77	75	81	69
	Сепарация	15	13	11	7
	Ассимиляция	8	12	8	21
	Маргинализация	0	0	0	4
КМНС	Интеграция	69	71	78	71
	Сепарация	8	14	18	9
	Ассимиляция	23	7	4	18
	Маргинализация	0	7	0	2
Русские в Хакасии	Интеграция	73	62	71	51
	Сепарация	5	5	2	2
	Ассимиляция	22	29	25	41
	Маргинализация	0	5	2	6
Русские в Якутии	Интеграция	75	77	69	53
	Сепарация	6	15	3	4
	Ассимиляция	18	8	25	35
	Маргинализация	1	0	3	8

Окончание табл. II.28

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Этно-центристы	Предпочитающие моноэтническую среду	Предпочитающие монолингвистическую среду	Этноиндифферентные
Вся Хакасия	Интеграция	75	79	70	60
	Сепарация	7	9	5	4
	Ассимиляция	17	12	22	29
	Маргинализация	1	0	2	6
Вся РС(Я)	Интеграция	75	70	75	62
	Сепарация	11	14	7	6
	Ассимиляция	14	15	17	28
	Маргинализация	0	2	1	5

Для хакасов, саха и КМНС эта аналогия не вполне подходит: здесь среди этноиндифферентных высока доля избирающих стратегию интеграции (соответственно 81, 69 и 71 %) – как результат осознания факта сосуществования с русскими и необходимости общаться на русском языке.

По мере перехода от этноцентризма к этноиндифферентности у русской молодежи также вдвое растет доля избирающих стратегию ассимиляции (18 и 35% соответственно – в Хакасии, 22 и 41 % – в Якутии) и маргинализации. То есть, и в плане этих стратегий этноиндифферентность – фактор дезинтеграции. В то же время сепаратистские стратегии для русской молодежи менее характерны, чем для молодежи саха, хакасов и, что для нас оказалось весьма неожиданным, – для молодежи КМНС: особенно среди социокультурных типов этноцентристов и предлагающих моноэтническую среду проживания. Возможно, в этом факте отражается определенный негативный опыт межличностного общения в полигэтнической и поликультурной среде у данной группы молодежи, проецирующейся на аккультурационные стратегии (выбор сепарации).

Важно отметить, что самый высокий удельный вес склонных к интеграции среди молодежи саха, КМНС и хакасов – в социокультурном

типе предпочтитающих монолингвистическую среду общения (81, 78 и 84 % соответственно). И в то же время для этого социокультурного типа «монолингвистов» характерна и самая низкая среди всех типов в этих этнических группах доля склонных к ассимиляции (8,4 и 3 %). Понятно, что приоритет общению на языке своей национальности отдают те, кто им владеет. То есть, роль языка в выборе стратегией аккультурации для аборигенов Сибири – саха, КМНС, хакасов – очень велика: знает родной язык – склонен к интеграции, а нет – к ассимиляции.

Мы также рассмотрели, как связан выбор аккультурационных стратегий молодежью с проактивностью. Данный вопрос очень важен с позиций формирования определенного типа личности в семье и системой образования (табл. П.29).

Исследование показало, что во всех региональных и этнических группах (за исключением хакасов) самая высокая доля (69–79 %) выбирающих стратегию интеграции – среди проактивных личностей. Среди хакасской молодежи переходного типа она несколько выше (85 %), однако и среди проактивных тоже достаточно большая (79 %).

Заметно, что по мере перехода от проактивного типа к его антиподу – к реактивной массе доля избирающих аккультурационную стратегию интеграции неуклонно, как правило, снижается, и среди последнего типа (реактивной массы) их меньше всего, зато больше всего склонных к ассимиляции. Поэтому можно полагать закономерным факт обусловленности стратегии интеграции развитием проактивности личности. И наоборот – снижение проактивности ведет к усилению ассимиляционных ориентаций молодежи. Этот вывод справедлив и в отношении стратегии маргинализации, хотя «маргиналов» мало как в региональных, так и этнических группах (максимум – 5 % среди русской молодежи).

Типология «гедонизм–аскетизм» менее «чувствительна» к дифференциации аккультурационных стратегий, но, судя по данным проведенных исследований, в целом среди молодежи Якутии и Хакасии «гедонисты» менее всего склонны к интеграции (62 и 59 % соответственно), в то время как среди «аскетов» их или больше, чем среди других социокультурных типов (76 % – в Хакасии), или они вторые по удельному весу (69 % – в Якутии, 70 % – среди «привокаторов» в Якутии). Определенной тенденции зависимости аккультурационных стратегий от социокультурного типа данной типологии в этнических группах не просматривается.

Таблица II.29

**Аккультирационные стратегии социокультурных типов молодежи.
Модель типологии «проактивность – реактивность»,
% в группе по типу**

Этническая группа	Аккультирационные стратегии	Социокультурный тип			
		Проактивная личность	Переходный тип	Реактивный лидер	Реактивная масса
Хакасы	Интеграция	79	85	77	73
	Сепарация	11	10	8	6
	Ассимиляция	11	5	15	19
	Маргинализация	0	0	0	2
Саха	Интеграция	78	70	65	73
	Сепарация	6	13	11	9
	Ассимиляция	16	15	21	16
	Маргинализация	0	2	3	3
КМНС	Интеграция	**	76	**	64
	Сепарация	**	6	**	10
	Ассимиляция	**	18	**	26
Русские в Хакасии	Интеграция	73	69	65	60
	Сепарация	3	2	3	5
	Ассимиляция	20	27	29	29
	Маргинализация	4	2	3	5
Русские в Якутии	Интеграция	69	64	62	57
	Сепарация	6	2	2	3
	Ассимиляция	26	33	26	35
	Маргинализация	0	1	9	5
Вся Хакасия	Интеграция	74	71	65	62
	Сепарация	4	3	3	6
	Ассимиляция	20	24	29	27
	Маргинализация	3	2	3	5

Окончание табл. II.29

Этническая группа	Аккультурационные стратегии	Социокультурный тип			
		Проактив-ная лич-ность	Переход-ный тип	Реактив-ный лидер	Реактив-ная масса
Вся РС(Я)	Интеграция	76	67	62	66
	Сепарация	5	8	8	8
	Ассимиляция	18	23	25	22
	Маргинализация	1	2	5	4

Индикатором межэтнических отношений являются и так называемые социальные дистанции – предпочтение (или безразличие) лиц своей национальности при выборе друзей (ближний круг общения); коллег по работе, руководителя по работе (средний круг общения); работников органов власти, руководителя республики (дальний круг общения). Рассмотрим, как влияет социокультурный тип на эти выборы среди наиболее многочисленных этнических групп – русских, саха, хакасов (табл. II.30).

Заметно, что по мере снижения степени сформированности этнического самосознания снижается и уровень этноцентризма – предпочтения лиц своей национальности во всех кругах общения – как среди коллектиivistских, так и среди индивидуалистских социокультурных типов. Сильнее всего проявляется, как правило, этноцентризм среди типов молодежи со сформированным этническим самосознанием: при выборе друзей, власти и руководителя республики; в Хакасии среди русских в большей мере среди индивидуалистов, а в Якутии – среди коллектиivistов – русских и саха. При этом минимальной социальной дистанцией (минимумом этноцентризма) оказывается выбор партнера по работе (коллеги), а самым этноцентристским для большинства типов молодежи – выбор руководителя республики (для хакасов и саха), руководителя на работе и друзей – для русских со сформированным этническим самосознанием. При выборе друзей максимально «длинной» социальная дистанция оказалась для русских индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием в Хакасии (70 % предпочитают выбрать «своего»), а минимальной (10–13 %) – для хакасов-«космополитов». Для последнего («космополитического») социокультурного типа вообще характерен самый низкий уровень этноцентризма по всем позициям «социальной дистанции».

Таблица II.30

Предпочтения социокультурных типов молодежи при выборе лиц своей национальности с учетом социальной дистанции. Модель типологизации «коллективизм–этническое самосознание», % в группе по типу

Этническая группа	Социокультурный тип	Социальные дистанции				
		Друга	Коллеги	Руководителя на работе	Работников органов власти	Руководителя республики
Хакасы	Коллективист со сформированным этническим самосознанием	41	25	32	37	60
	Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	30	17	22	21	50
	Коллективист-«космополит»	10	5	15	15	30
	Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	42	20	29	39	59
	Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	19	7	20	20	31
	Индивидуалист-«космополит»	13	8	23	21	23
Саха	Коллективист со сформированным этническим самосознанием	65	48	58	55	72
	Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	49	36	44	44	59
	Коллективист-«космополит»	41	30	41	37	47
	Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	61	46	55	50	72
	Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	46	33	43	41	59
	Индивидуалист-«космополит»	32	13	23	20	50

Этническая группа	Социокультурный тип	Социальные дистанции				
		Друга	Коллеги	Руководителя на работе	Работников органов власти	Руководителя республики
Русские в Хакасии	Коллективист со сформированным этническим самосознанием	58	48	54	55	51
	Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	56	52	49	53	54
	Коллективист-«космополит»	40	32	36	43	41
	Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	70	59	61	61	60
	Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	50	55	52	48	45
	Индивидуалист-«космополит»	51	37	45	50	42
Русские в Якутии	Коллективист со сформированным этническим самосознанием	62	56	66	65	58
	Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	60	49	58	56	54
	Коллективист-«космополит»	47	38	49	50	46
	Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	58	47	60	59	53
	Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	48	48	58	61	56
	Индивидуалист-«космополит»	39	34	39	45	45

То есть, в аспекте межличностных отношений молодежи, судя по «социальным дистанциям», безразличие к своей этнической идентичности, языку и культуре своего народа снижает уровень отрицательных межэтнических установок в сознании личности, и в масштабе микросреды может рассматриваться в качестве позитивного фактора интеграции.

Аналогичный вывод позволяет сделать также анализ распределения по «социальной дистанции» социокультурных типов молодежи, выделенных по типологии «этноцентризм–этноиндифферентность»: среди этноиндифферентных, для которых неважно и жить среди лиц своей национальности, и разговаривать на ее языке, так же, как и среди «космополитов», самый низкий уровень этноцентризма, а самый высокий – среди этноцентристов, что и следовало ожидать. Так, например, 84 % молодежи саха–этноцентристов предпочитают «своего» при выборе друга, а этноиндифферентная молодежь – 47 %, русская молодежь в Якутии – соответственно 76 и 40 %, и такое соотношение отмечается в других этнических группах.

Подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что социокультурная типология позволяет более детально проанализировать сложную диалектику и различные тенденции этнокультурных и этносоциальных процессов в регионах – как в макро-, так и в микромасштабе этих процессов и выявить, какие социальные, культурные и личностные подсистемы социокультурных типов играют интегративную, а какие – дезинтегративную роль в тех или иных процессах, в той или иной среде.

ГЛАВА III

ФАКТОРЫ И УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТИПОВ

§ III.1. Роль семьи в формировании социокультурных типов

III.1.1. Распределение социокультурных типов среди молодежи и тип брака родителей

Исследование социокультурных типов молодежи было бы недостаточным, если бы мы не обратились к роли семьи в их формировании. Семья – первичный институт, социализации и инкультурации личности. Именно в ней ребенок усваивает модели поведения, традиции, ценности. Его ближнее окружение является тем образцом, с которого он копирует практически все первые пять лет жизни. Специфика социокультурной страты, занимаемой семьей, обуславливает и круг общения ребенка на детской игровой площадке около дома, а впоследствии и состав группы детского сада, его первых друзей, под влиянием которых он начнет корректировать свое поведение и пересматривать какие-то свои представления об окружающем мире. Таким образом, ребенок, приходя в образовательное учреждение, представляет собой уже вполне сформировавшуюся личность, со своими представлениями о плохом и хорошем, о том, чего можно и нельзя, как нужно поступать и какими нравственными принципами пользоваться. Конечно, этот первичный опыт – субъективен и будет пересматриваться в дальнейшем всю жизнь, но, тем не менее, он является базовым.

В данном разделе мы не будем рассматривать все варианты типологий семей: полная и неполная, бездетная, многодетная и т. д. Мы обратимся к наиболее значимому для нашего исследования типу семьи и наименее изученной типологии – этнически однородным и этнически смешанным семьям.

Долгое время в СССР, а впоследствии в России, было не принято акцентировать внимание на существующих различиях в процессах,

протекающих в семьях, разных по этническому составу. Доминирование гражданской идентификации над этнической не располагало к этому. Но процесс этнического ренессанса в конце 90-х гг. XX в. и волна республиканских суверенитетов, прокатившаяся по России, невольно актуализировали проблематику исследования этнокультурной специфики института первичной социализации и инкультурации личности. Мы уже затрагивали данную тематику в более ранних наших публикациях¹⁶⁰ и выявили, как влияет брак родителей и, соответственно, этнический состав первичной ячейки общества на адаптированность молодежи, выбор ее аккультурационных стратегий. Сейчас мы обратимся к вопросу о влиянии типа родительской семьи (этнически смешанной и этнически однородной) на распределение социокультурных типов у детей и попытаемся проанализировать сложившуюся ситуацию.

В первую очередь следует отметить, что на формирование этнической структуры семьи оказывают влияние этническая структура региона, ценностные ориентации, связанные не только с выбором национальности супруга, но и с отношением молодежи в целом к браку, а также региональные особенности демографических и миграционных процессов. Изменение этнической структуры семей – процесс сложный и обусловлен множеством факторов, связанных с социальными, политическими, экономическими и культурными характеристиками общества и индивида. Направление изменений в какой-то мере может быть индикатором формирующейся ситуации по межэтническим отношениям. Оно поясняет процесс формирования близкого круга общения не только в отдельном регионе, но и в стране в целом. Каждая семья, являясь носителем определенных культурных характеристик и обладая социальными связями в обществе, не может быть в стороне практически от всех изменений, происходящих в нем.

Распределение социокультурных типов молодежи из этнически однородных и смешанных семей. Для сравнительного анализа выделены этнические группы, наиболее полно представленные в республиках Хакасия и Саха (Якутия). Для каждой национальности (этнической группы) анализируются два типа семей: молодежь из этнически однородных и смешанных семей.

¹⁶⁰ Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск: Нонпарель, 2011; Abramova M., Goncharova G. Type of marriage of parents as the factor of adaptation of a child in poli-ethnic society // Polskie Forum psychologiczne. 2013. Т. 18. № 3. Р. 267–284.

чески однородных или этнически смешанных семей без выделения типов смещивания. Рассмотрим распределение молодежи по первой типологии «коллективизм – этническое самосознание» (табл. III.1).

Таблица III.1

Распределение молодежи из этнически однородных и смешанных семей по типологии «коллективизм–этническое самосознание», %

Социокультурный тип	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС (Я)
<i>Этнически однородные семьи</i>							
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	65	63	73	48	44	54	56
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	12	7	8	9	11	9	9
Коллективист-«космополит»	4	5	8	14	17	11	9
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	11	19	7	18	15	16	17
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	4	4	3	3	6	3	5
Индивидуалист-«космополит»	4	2	1	8	7	7	4
<i>Этнически смешанные семьи</i>							
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	57	53	64	46	34	43	43
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	0	14	10	13	14	12	14
Коллективист-«космополит»	18	11	12	19	21	23	18
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	11	14	7	13	19	10	13
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	7	1	3	2	5	3	4
Индивидуалист-«космополит»	7	7	4	7	7	9	8

Анализ распределения социокультурных типов в разных семьях по этническому составу позволил выявить общую для молодежи из этнически смешанных и однородных семей тенденцию к наполнению типа «коллективист со сформированным этническим самосознанием», с той лишь разницей, что в этнически смешанных семьях их доля несколько меньше. Следует отметить значительное влияние этнически смешанной семьи на увеличение числа молодежи из группы «коллективист-«космополит»» независимо от этнической группы респондентов. Таким образом, мы можем сделать вывод, что этнически однородная семья положительно влияет на формирование установок молодежи, по крайней мере, в отношении декларируемых ценностей колlettivизма и традиций, а этнически смешанная, сохранив нормативную ценность «коллективизма», способствует формированию меньшей значимости сохранения традиций и языка этноса. У хакасов сумма абсолютных разностей при сравнении в целом этого типа молодежи из этнически однородных и этнически смешанных семей максимальная и составляет 40 %, у саха – 36 %, у русских в РС (Я) – 22 %, у русских в Хакасии и у народов Севера – 18 %.

Также мы хотели бы отметить, что асимметричная ситуация по формированию этнической картины населения двух регионов заметно повлияла на изменение числа индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием. Так, среди русской молодежи в Якутии из этнически однородных семей меньше индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием по сравнению с молодежью из этнически смешанных семей, и, наоборот этот тип больше представлен среди саха и русских в Хакасии при этнически однородном браке родителей. Таким образом, мы можем сделать вывод, что численно пре-восходящая этническая группа имеет больше шансов для формирования индивидуалистского типа среди молодежи, нежели малочисленная или обладающая меньшим социально-экономическим и политическим потенциалом.

Сопоставление распределения молодежи по типологии «коллективизм–этническое самосознание» с реальным использованием принципа «коллективизма» в поведении (табл. III.2) показало, что коллективистов среди молодежи со сформированным этническим самосознанием, действительно, значительно больше, независимо от типа брака родителей. Но тип семьи все же имеет значение – если у молодежи из этнически однородных семей количество «реальных коллективистов»

Таблица III.2

Распределение молодежи из этнически однородных и смешанных семей по отношению к коллективизму как личной и групповой ценности, %

Социокультурный тип	Ранг коллективизма как индивидуальной ценности (по Шварцу)													
	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС (Я)	
	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
<i>Этнически однородные семьи</i>														
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	72	51	64	47	**	**	58	35	51	30	63	41	58	41
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	10	11	8	11	**	**	9	7	12	10	9	8	9	11
Коллективист-«космополит»	2	18	6	5	**	**	8	17	14	24	6	17	9	12
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	10	11	17	29	**	**	18	22	13	19	16	19	17	24
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	6	4	4	6	**	**	1	3	3	6	2	3	4	7
Индивидуалист-«космополит»	0	4	1	2	**	**	6	15	7	11	4	12	3	5

Окончание табл. III.2

Социокультурный тип	Ранг колlettivизма как индивидуальной ценности (по Шварцу)													
	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС (Я)	
	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.	Выс.	Низ.
<i>Этнически смешанные семьи</i>														
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	**	**	50	41	67	**	65	28	49	31	71	28	55	35
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	**	**	6	35	7	**	8	6	3	29	6	9	7	26
Коллективист-«космополит»	**	**	6	18	13	**	15	28	24	16	15	34	17	16
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	**	**	13	0	13	**	0	28	19	13	2	17	14	7
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	**	**	6	0	0	**	0	0	5	2	0	0	3	3
Индивидуалист-«космополит»	**	**	19	6	0	**	12	11	0	9	6	13	3	13

Примечание: ** – отмечены маленькие совокупности.

со сформированным этническим самосознанием становится больше, то из этнически смешанных семей коллективистов с частично сформированным самосознанием и «космополитов» становится меньше. Таким образом, мы можем сделать вывод, что усвоенный в родительской семье образец поведения влияет на детей даже тогда, когда они вербально не всегда могут четко это отрефлексировать. Иными словами, в своем поведении дети из этнически однородных семей оказываются большими традиционалистами, чем при вербальной самоидентификации, в то время как дети из этнически смешанных – не всегда.

Обращаясь к теме сформированности этнического самосознания, очень важно понять, к каким установкам в результате она приводит молодежь: к стремлению к лингвистическому и межэтническому доминированию в окружении представителей своей этнической группы или полной этноиндифферентности в общении (табл. III.3). Региональ-

Таблица III.3

Распределение молодежи из этнически однородных и смешанных семей по типологии «этноцентризм–этноиндифферентность», %

Социокультурный тип	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС(Я)
<i>Этнически однородные семьи</i>							
Этноцентристы	11	22	11	20	23	18	22
Предпочитающие моноэтническую среду	5	5	7	1	2	2	4
Предпочитающие монолингвистическую среду	23	18	25	42	38	35	24
Этноиндифферентные	61	55	57	37	37	45	50
<i>Этнически смешанные семьи</i>							
Этноцентристы	0	10	9	9	16	9	10
Предпочитающие моноэтническую среду	0	3	4	2	2	1	3
Предпочитающие монолингвистическую среду	18	11	16	37	33	25	19
Этноиндифферентные	82	76	71	52	49	66	68

ное сравнение распределений по социокультурной типологии «этноцентризм–этноиндифферентность» показывает, что у молодежи из этнически однородных семей в Хакасии и в РС (Я) эти различия более существенны, чем по социокультурной типологии «коллективизм–этническое самосознание», и они по группам составляют от 2 до 11 %.

Анализ распределений по типологии «этноцентризм–этноиндифферентность» показал, что и в Республиках Хакасия и Якутия доминирующей группой является этноиндифферентная молодежь, независимо от типа брака родителей, с той лишь разницей, что у молодежи из этнически смешанных семей различия (сумма абсолютных разностей) меньше практически в два раза – 12 % против 22 %. Исключение составляет лишь русская молодежь, среди которой группа предпочтитающих монолингвистическую среду больше по сравнению с другими народами. При этом важно отметить, что доля русских в обоих регионах минимальная по численности этноиндифферентных независимо от брака родителей. По всей вероятности, малочисленность в одном случае и второстепенное положение по отношению к титулальному этносу в обеих республиках стали теми факторами, которые заставляют вспоминать о важности сохранения культуры этноса и его языка, в том числе и как средства межэтнического взаимодействия в республиках.

Региональное сравнение распределений по социокультурной типологии «проактивность–реактивность» показывает (табл. III.4), что у молодежи из этнически однородных семей в Хакасии и в РС (Я) эти различия занимают промежуточное положение между типологиями «коллективизм–этническое самосознание» и «этноцентризм–этноиндифферентность», что по группам составляет 0–8 %. Сумма абсолютных разностей для этих распределений составляет 16 %. В Хакасии и РС (Я) доминирует реактивная масса. Аналогичная ситуация у молодежи из этнически смешанных семей. Однако у них эти различия меньше в 1,8 раза и составляют 9 %.

Сравнение распределений в этническом аспекте по этой типологии показывает, что у молодежи из этнически однородных браков среди хакасов и русских больше проактивных лидеров и меньше доля лиц, представляющих реактивную массу, чем у молодежи из этнически смешанных семей. Исключение составляют народы Севера и саха, у них ситуация обратная: проактивных лидеров у молодежи из этнически смешанных семей больше, а доля лиц в реактивной массе – меньше (особенно это относится к народам Севера). Мы предполагаем, что

Таблица III.4

Распределение молодежи из этнически однородных и смешанных семей по типологии «проактивность–реактивность», %

Социокультурный тип	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС (Я)
<i>Этнически однородные семьи</i>							
Проактивный тип	10	7	6	8	12	8	9
Переходный тип	29	19	29	28	24	29	21
Реактивный лидер	6	10	0	11	10	9	9
Реактивная масса	55	64	65	53	54	54	61
<i>Этнически смешанные семьи</i>							
Проактивный тип	6	11	9	4	5	8	8
Переходный тип	11	18	29	23	19	24	21
Реактивный лидер	6	8	6	9	11	8	12
Реактивная масса	78	63	56	64	65	60	59

эта ситуация может объясняться тем, что, как показало исследование, при создании этнически смешанного брака у саха и КМНС один из супругов чаще всего имеет славянские корни, в том числе может являться представителем русского этноса (который, судя по нашему распределению, имеет большую долю проактивных личностей), в связи с чем меняется и соотношение численности проактивного типа для данных этнических групп.

Следует отметить, что у хакасской молодежи из этнически смешанных семей по сравнению с молодежью из семей этнически однородных значительно меньше доля лиц, принадлежащих к переходному типу, и больше – к реактивной массе (на 18 и 23 % соответственно). Является ли это результатом взаимодействия культур или особенностями формирования брачных союзов, тоже требует дополнительного анализа.

Гендерный анализ распределения молодежи по типологии «проактивность–реактивность» (табл. III.5) показал, что у всех этносов в переходном типе наблюдается доминирование девушек независимо от

Таблица III.5

Распределение девушек и юношей из этнически однородных и смешанных семей по типологии «проактивность–реактивность», %

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС (Я)	
	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.	МУЖ.	ЖЕН.
<i>Этнически однородные семьи</i>														
Проактивный тип	18	6	9	6	**	8	11	6	14	10	12	6	10	7
Переходный тип	17	35	17	20	**	31	21	33	15	30	21	33	17	23
Реактивный лидер	15	2	15	6	**	0	16	8	13	8	15	7	14	6
Реактивная масса	50	57	59	67	**	62	52	54	58	52	52	55	59	63
<i>Этнически смешанные семьи</i>														
Проактивный тип	0	7	9	11	**	6	3	5	7	5	11	7	8	7
Переходный тип	0	13	14	20	**	29	14	28	12	22	14	29	16	24
Реактивный лидер	33	0	9	7	**	3	11	7	10	12	14	5	17	9
Реактивная масса	67	80	68	61	**	62	71	60	71	61	62	60	59	59

Примечание: ** отмечены маленькие совокупности.

типа брака родителей. Большая доля девушек в группе реактивной массы – из этнически смешанных и однородных семей – присуща только хакасам и КМНС. Для саха доминирование численности девушек в реактивной массе наблюдается только при этнически однородном браке родителей (67 %). Доля русских девушек в РС (Я) как из этнических смешанных, так и из этнически однородных семей в реактивной массе меньше, чем юношей. У русских девушек в Хакасии такая ситуация наблюдается только при этнически смешанном браке родителей (60 %).

Проактивный тип личности и реактивный лидер доминируют среди юношей из этнически однородных семей, независимо от этнической группы. У молодежи из этнически смешанных семей эта тенденция распространяется только на реактивных лидеров, кроме русских в РС(Я).

Доля проактивных среди юношей больше по сравнению с девушками из этнически смешанных браков только у КМНС и русских в РС (Я).

Мы полагаем, что проявления у девушек из этнически смешанных семей некоторых свойств личности, скорее характерных для юношей, свидетельствуют об отходе их родителей от традиционных семейных ролей, что типично для этнически смешанного брака. В результате нарушения равновесия в соотношении женских и мужских обязанностей, свойственного для патриархального уклада, девушки, воспитывающиеся в таких семьях, приобретают маскулинные черты характера, а юноши – феминные. Этот вывод подтверждает и большее количество девушек из этнически однородных семей среди саха, попавших в число реактивной массы.

В целом необходимо отметить, что этнически смешанный брак родителей обуславливает увеличение доли реактивной массы у хакасов и русских. Для саха эта закономерность выявлена только в отношении юношей. Девушек саха в реактивной массе, наоборот, становится меньше (61 % – этнически смешанный брак, 67 % – этнически однородный). Мы полагаем, что поскольку традиционно в якутской культуре женщина отвечала за воспитание в семье и сохранение традиций, то к ней приходили за советом и спрашивали разрешение на брак и на многие другие серьезные поступки в жизни. Фактически можно сказать, что, несмотря на видимую патриархальность, в якутской культуре сохранялся матриархат и женщина имела более весомое положение в обществе при воспитании ребенка. Поэтому в этнически смешанных браках женщина, продолжая выполнять модель поведения, заложенную традиционной культурой, без опоры на помощь со стороны мужчины (поскольку он является представителем другой этнической группы с другими традициями и иными ценностями), становится еще более активной и устойчивой к внешним воздействиям. В результате чего и доля девушек саха в реактивной массе уменьшается.

Региональное сравнение распределений по социокультурной типологии «гедонизм–аскетизм» показывает (табл. III.6), что у КМНС и русских гедонисты из этнически однородных семей доминируют. Конечно же, преобладание гедонистов у русской молодежи мы можем объяснить некоторыми архетипами, закладываемыми с детства, при чтении сказок и просмотре мультфильмов. Достаточно вспомнить о ведрах, идущих сами по себе, скатерти-самобранке и прочем. Но с чем связано преобладание данного типа у КМНС, объяснить сложно.

Таблица III.6

Распределение молодежи из этнически однородных и этнически смешанных семей по типологии «гедонизм–аскетизм», %

Социокультурный тип	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС (Я)
<i>Этнически однородные семьи</i>							
Гедонисты	52	44	56	67	74	63	58
Аскеты	29	34	25	19	12	21	24
«Провокаторы»	10	11	19	7	9	9	10
Конформисты	10	11	0	7	5	8	8
<i>Этнически смешанные семьи</i>							
Гедонисты	58	53	41	58	68	66	63
Аскеты	25	29	36	24	20	20	23
«Провокаторы»	0	11	15	7	6	6	9
Конформисты	17	8	8	11	6	8	6

У хакасов и саха гедонисты доминируют в этнически смешанных семьях, что можно было бы оправдать влиянием этнической культуры «Другого». Тем более, что у хакасов и саха в этнически смешанных семьях чаще всего происходит взаимодействие тюркской и славянской культур (браки в основном представлены такими сочетаниями). В то же время у русских в семьях подобного типа наблюдаем обратную картину, а вот количество склонных к аскетичному и конформистскому образу жизни среди русской молодежи из этнически смешанных семей увеличивается. Причем если в Якутии происходит более серьезное увеличение по линии аскетизма, то в Хакасии – по линии конформизма, и не только у русских, но и у хакасов.

Гендерный анализ (табл. III.7) позволил выявить, что увеличение числа гедонистов среди русских в этнически смешанных семьях происходит только из-за увеличения доли юношей, склонных лишь к получению удовольствий от жизни. Среди русских девушек из этнически смешанных семей, наоборот, число гедонисток уменьшается, что

Таблица III.7

Распределение девушек и юношей из этнически однородных и этнически смешанных семей по типологии «гедонизм–аскетизм», %

Социокультурный тип	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС (Я)	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>Этнически однородные семьи</i>														
Гедонисты	56	49	53	38	**	42	68	67	77	72	65	61	66	51
Аскеты	21	33	26	39	**	33	16	21	11	14	17	24	18	29
«Провокаторы»	16	6	15	9	**	25	9	5	9	8	12	7	11	9
Конформисты	6	12	7	14	**	0	6	7	4	6	6	8	5	11
<i>Этнически смешанные семьи</i>														
Гедонисты	**	**	43	58	43	40	73	48	81	59	76	58	71	57
Аскеты	**	**	29	29	14	48	9	33	15	24	9	27	14	29
«Провокаторы»	**	**	14	8	43	0	14	3	4	7	11	3	12	7
Конформисты	**	**	14	4	0	12	5	15	0	10	4	12	3	8

вполне объяснимо, поскольку распределение обязанностей в тюркских семьях предполагает, что домом занимается в основном женщина. В то время как русских юношей, вступающих в брак с представительницей тюркской культуры, наоборот, освобождают от домашних хлопот. Таким образом, усвоенная русской молодежью в этнически смешанных семьях модель поведения в результате дает обратный эффект: рост числа гедонистов среди юношей и склонных к аскетизму – среди девушек. Лишь скрытое тяготение к гедонистическому образу жизни, проявляющееся в небольшом увеличении доли конформисток среди русских девушек, напоминает об истоках.

Для саха картина трансформации семейно-брачных отношений под влиянием смены типа брака иная: количество мужчин-гедонистов в этнически смешанном браке уменьшается, а женщин-гедонисток – увеличивается.

Можно сделать вывод, что если у тюрков этнически однородный брак благоприятствует сохранению баланса между группами молодежи, тяготеющих к получению удовольствия от жизни и склонных терпеть некоторые лишения, то при этнически смешанном браке происходит дисбаланс, который для юношей-тюрков, вступающих в брак с представительницами славянских народов, обусловливает снижение доли предлагающих гедонистический образ жизни и увеличение доли конформистов. Для девушек тюркской группы аналогичный брак, наоборот, предполагает увеличение доли стремящихся к получению удовольствий от жизни и сокращение группы конформистов. Для русской молодежи ситуация кардинально иная.

Проведенный анализ влияния типа родительской семьи на распределение социокультурных типов молодежи в целом позволяет сделать вывод о чрезвычайной значимости выбора потенциального брачного партнера, поскольку это обусловливает не только специфику будущих семейно-брачных отношений, но и модели поведения рожденных в данном браке детей, а также трансформацию личности индивида, вступившего в брак, под влиянием изменившихся условий жизни. Данные вопросы мы рассмотрим ниже.

III.1.2. Социокультурные типы и ценностные ориентации молодежи при выборе брачного партнера

Мы рассматривали влияние этнической структуры семей на процесс формирования социокультурных типов. Однако изменения в сфере семейно-брачных отношений коснулись не только структурных характеристик семьи, но и ценностных ориентаций молодежи, связанных с этими отношениями. Поэтому необходим анализ формирования этих ориентаций и факторов, оказывающих влияние на данный процесс. В частности, представляется важным анализ формирования ценностных ориентаций, связанных с семейно-брачными отношениями, у молодежи из этнически смешанных и этнически однородных семей определенных социокультурных типов. Такой анализ позволит сделать важные уточнения, связанные с различиями в личностных, социальных и культурных характеристиках индивидов.

Отношение к национальности при выборе супруга (и). Одна из характеристик межэтнических взаимоотношений – установки людей при выборе национальности супруга. Они являются своеобразной лакмусовой бумажкой, позволяющей выявить характер этих взаимоотно-

шений и, несомненно, оказывают влияние в целом на этническую структуру семей, а обусловлены, как мы предполагаем установками того социокультурного типа, к которому относится субъект в настоящем.

Через связь структуры семьи и социокультурных типов можно более четко представить процесс формирования ценностных ориентаций, связанных с выбором национальности супруга (и). С одной стороны, национальность родителей является уже константой, но поскольку мы рассматриваем установки молодежи, еще не вступившей в брак, то национальность потенциального супруга, хотя и является результатом субъективного выбора индивида, но в какой-то мере отражает влияние этнической структуры родительской семьи на выбор ребенка. Проследить эту взаимосвязь очень важно, поскольку выявленные закономерности могут дать основания для построения прогнозов относительно не только этнической структуры семей, но и будущей этнической картины региона, при условии мониторинга динамики количества регистрирующихся этнически однородных и этнически смешанных браков. А, как следствие, это дает основания по составлению прогнозов распределения социокультурных типов молодежи в будущем. Построение прогнозов такого типа возможно, с некоторыми уточнениями, на основе хорошо известного в математике описания марковского процесса¹⁶¹, что будет реализовано в последующих работах.

Наиболее влияние должно проявляться в процессе формирования социокультурных типов, выделенных по типологии «этноцентризм–этноиндифферентность», так как в ее основе лежат общие понятия, связанные и с кругом общения, и с культурными ценностями. Если выше мы рассматривали влияние семьи родителей на формирование установок к межэтническому взаимодействию их детей, то теперь рассмотрим, как данный фактор оказывает влияние на ценностные ориентации, связанные с выбором молодежью национальности потенциального супруга.

Вся типология «этноцентризм–этноиндифферентность» представлена в виде четырех социокультурных типов: (1) этноцентристы;

¹⁶¹ Савельев Л., Балакин С. Конечные марковские цепи и серии. Теория и приложения. LAMBERT Academic Publishing, 2012; Савельев Л.Я. Марковские последовательности с четырьмя значениями // Научные труды ТувГУ. Вып. XI. Кызыл, 2013. С. 82–84; Савельев Л.Я., Гончарова Г.С. Стохастическая модель структуры социальной группы // Научные труды ТывГУ. Вып. VIII. Т. II. Кызыл, 2014. С. 90–93.

(2) предпочитающие моноэтничную среду; (3) предпочитающие монолингвистическую среду; (4) этноиндифферентные. В таблице III.8 указаны только три типа, наиболее полно представленные совокупностями. Анализ по каждому из этих трех социокультурных типов позволит более четко составить мнение о дифференцирующем влиянии на рассматриваемые процессы.

Влияние типа брака родителей для тюркской культуры мы можем проследить только на примере саха, для которых обе совокупности содержат достаточное для получения обоснованных выводов количество респондентов. В результате видим, что в этнически смешанных семьях среди детей «этноцентристов», которые стремились бы при выборе брачного партнера выйти за «своего» (поскольку в ситуации этнически смешанного брака очень сложно определиться с понятием «одна национальность») по мотиву сохранения единства культуры, общности обрядов и языка, больше, чем среди этого же социокультурного типа выходцев из этнически однородных семей по такому же мотиву на 11 п. п. (42 % против 31 %). Но в этой же группе «этноцентристов» меньше желающих выйти за «своего» просто потому, что есть желание, чтобы дети были одной национальности, на 12 п. п. (29 % – среди детей из этнически однородных, 17 % – этнически смешанных семей). Важно отметить, что этнически смешанный брак влияет и на увеличение доли молодежи саха, для которой национальность супруга (и) не имеет значения, для лиц социокультурных типов «предпочитающих монолингвистическую среду» и «этноиндифферентных».

Для русских ситуация несколько иная. И в Хакасии, и в Якутии этнически смешанный брак, с одной стороны, также способствует увеличению числа молодежи, для которой национальность супруга(и) не имеет значения, среди социокультурных типов, предлагающих монолингвистическую среду и этноиндифферентных. С другой стороны, в отношении типа этноцентристов ситуация сложнее. В Хакасии доля той молодежи, рожденной в этнически смешанном браке, которая считает, что супруги должны быть одной национальности для сохранения культуры, меньше, чем среди молодежи из этнически однородного брака (36 % против 45 %), что может свидетельствовать либо о росте толерантности, либо об уменьшении значимости сохранения обычая и традиций для русской молодежи в Хакасии.

Таблица III.8

Мнение социокультурных типов молодежи о национальности при выборе супруга (и).
Модель типологии «этноцентризм–этноиндифферентность», % в группе по этносу и региону

Национальность, регионы	Важность национальности при выборе супруга	Социокультурные типы					
		Этнически однородные семьи		Этнически смешанные семьи			
		Этно-центристы	Пред. м/лин среду	Этно-ин-диф.	Этно-центристы	Пред. м/лин среду	Этно-ин-диф.
Хакасы	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаяев и языка способствует взаимопониманию	24	11	3	*	*	4
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	42	23	10	*	*	4
	Нет, национальность не имеет значения	34	66	86	*	*	91
Саха	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаяев и языка способствует взаимопониманию	31	16	11	42	0	5
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	29	27	15	17	8	11
	Нет, национальность не имеет значения	40	58	74	42	92	84
Русские в Хакасии	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаяев и языка способствует взаимопониманию	45	22	14	36	14	10
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	40	34	23	36	19	17
	Нет, национальность не имеет значения	15	43	63	27	67	73

Окончание табл. III.8

Национальность, регионы	Важность национальности при выборе супруга	Социокультурные типы						
		Этнически однородные семьи			Этнически смешанные семьи			
		Финно-угор.	Средне-европей.	Дальневосточ.	Финно-ураль.	Средне-европей.	Дальневосточ.	Средне-европей.
Русские в Якутии	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию	32	17	9	53	8	5	
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	38	27	14	31	13	9	
	Нет, национальность не имеет значения	29	56	78	17	79	86	
В Хакасии	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию	42	21	11	26	12	8	
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	40	32	18	39	15	10	
	Нет, национальность не имеет значения	18	47	72	35	73	82	
В РС (Я)	Да, нужно, чтобы супруги были одной национальности, так как общность обрядов, обычаев и языка способствует взаимопониманию	31	16	10	41	7	4	
	Да, нужно чтобы супруги были одной национальности, так как я хочу, чтобы мои дети были моей национальности	32	26	14	26	15	7	
	Нет, национальность не имеет значения	36	58	76	33	78	89	

В Якутии, наоборот, доля русских-«этноцентристов», считающих значимым выбор одной национальности для супружеских пар с целью сохранения культуры, среди выходцев из этнически смешанных семей выше, чем среди аналогичной группы из однородных семей по такому же мотиву: 53 и 32 % соответственно. Мотив выбора супруга(и) «хочу, чтобы мои дети были моей национальности» более важен для русских-«этноцентристов» – детей из этнически однородных семей (38 % против 31 %). Этот же мотив важнее для молодежи, рожденной в этнически однородном браке, среди предпочитающих монолингвистическую среду (27 %). То есть для всех социокультурных типов русской молодежи в Якутии, рожденной в этнически однородных семьях, мотив «дети моей национальности» важнее, чем для молодежи из этнически смешанных семей.

Для саха и русской молодежи социокультурного типа «предпочитающих монолингвистическую среду» оба мотива выбора супруга(и) – в этнокультурный, и этнодемографический – в большей степени проявляются у детей, рожденных в этнически однородных семьях.

Таким образом, анализ влияния типа брака родителей на выбор национальности брачного партнера молодежью показал, что если у этноцентристов-саха этнически смешанный брак способствует росту осознания значимости сохранения культурных традиций для взаимопонимания, а также увеличению числа этноиндифферентных, то для русских-этноцентристов специфику влияния определяют региональные особенности. Если в Хакасии этнически смешанный брак способствует уменьшению значимости для русской молодежи сохранения этнокультурной специфики, то в Якутии – увеличивает, и в первую очередь как средство сохранения взаимопонимания в семье.

§ III.2. Образование и социокультурные типы молодежи

Если первичным институтом социализации и инкультурации является семья, то вторичным – система образования. Именно в рамках образовательного пространства, создаваемого учебными заведениями, происходит переосмысление ценностей и моделей поведения, которые ребенок впитывает в семье. Если до 5 лет формирование ребенка в основном связано с кругом близких родственников, то уже к 5 годам он начинает осознавать и воспринимать себя как член более широкого круга взаимодействия. Поэтому в рамках исследования факторов формирования социокультурных типов нам также важно было рассмотреть не только семью, но и образование как социальный институт, ко-

торый, с одной стороны, влияет на их формирование, а с другой стороны сам, посредством сосредоточения определенных типов в конкретных группах учебных заведений, обуславливается ими.

III.2.1. Характеристика региональной специфики системы образования

В социологии образования система образования рассматривается как социальный институт, представляющий собой элемент социальной системы, выполняющий социальную и культурную функции (В.А. Дмитриенко, Г.Е. Зборовский, Д.Л. Константиновский, Н.А. Лурья, А.М. Осипов, Ф.Р. Филиппов и др.). Это в первую очередь социализация и инкультурация членов общества, трансляция устойчивых социокультурных стандартов поведения, и в итоге – интеграция индивидов в социальную систему общества. При формировании образовательных стратегий подрастающего поколения система образования должна учитывать специфику институциональной динамики конкретного региона с целью создания условий для адаптации молодежи в условиях рынка труда.

Тенденции институциональной динамики, имеющие место в республиках Хакасия и Саха (Якутия), не всегда равнонаправленные. Анализ распределения среднегодовой численности занятых в экономике по различным сферам (табл. III.9) позволил сделать вывод, что если в сельском хозяйстве и ЖКХ тенденции к уменьшению числа работающих одинаковы, то в торговле на фоне небольшого сокращения численности трудящихся в Якутии, в Хакасии, наоборот произошло заметное увеличение, по сравнению с 1995 г. (14,9 % и 9,3 %). В то же время в Якутии доля занятых в образовании в целом растет, а в Хакасии она остается практически стабильной в 1995–2012 гг., и доля занятых в образовании (среди всех занятых в Якутии) примерно в полтора раза выше, чем в Хакасии, что определяется структурой системы образования.

Процессы, идущие в различных сферах занятости в республиках, не всегда совпадают не только между собой, но и с векторами развития внутри федеральных округов. Так, если по всему Дальневосточному округу с 2004 г. по 2012 г. имеется тенденция увеличения доли трудящихся в сельском хозяйстве, то в Якутии, наоборот (1995 г. – 13,6 %; 2004 г. – 9,1 %; 2012 – 8,7 %).

В то же время если по всему Сибирскому федеральному округу произошло резкое снижение темпов строительства и, соответственно, количества трудящихся в этой сфере к 2004 г. (с 9 % в 1995 г. до 6,2 % в 2004 г.),

Таблица III.9

Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности, %¹⁶²

Сфера эко- номики	Годы	Республи- ка Хакасия	Республи- ка Саха (Якутия)	Сибирский федераль- ный округ	Дальневос- точный фе- деральный округ	Российская Федерация
Сельское хозяйство	1995	13,3	13,6	13,7	10	15,1
	2004	10,3	9,1	11,8	6,9	10,8
	2012	10,1	8,7	10,4	9,2	9,7
Строи- тельство	1995	8,3	8,2	9	9,1	9,3
	2004	7,1	5,4	6,2	7,2	7,9
	2012	7,6	8	7,1	8,5	8,3
Торговля и ремонт	1995	9,3	12,6	9,8	11,4	10,1
	2004	16,5	10,9	15,7	17,7	17,2
	2012	14,9	11,4	16,5	17,1	18,1
Тран- спорт и связь	1995	8,2	11,1	8,9	12,7	7,9
	2004	8,5	10,4	8,9	11,2	8
	2012	8,8	10,1	9	10,3	8
Образо- вание	1995	10,2	12,8	10,6	10,5	9,3
	2004	10,2	16,5	10,5	10,1	9
	2012	10,5	14,2	9,3	9	8,4
Здраво- охране- ние	1995	7,2	6,8	6,9	7,1	6,7
	2004	7,3	8,3	7,7	7,6	7,1
	2012	7,5	7,9	7,5	6,9	6,7
Комму- нальное хозяйство	1995	5	6,7	4,8	5,6	4,5
	2004	4,7	6,5	4,8	6	4,8
	2012	3,8	3,7	3,7	3,5	3,7

¹⁶² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 88–91; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 98–101.

то в Республике Хакасия таких резких скачков зафиксировано не было, а соответственно, и количество трудящихся в данной сфере не сокращалось, что обуславливает востребованность строительных специальностей.

В таких отраслях, как транспорт и связь, здравоохранение, в республиках отмечается относительная стабильность по количеству трудящихся, чего нельзя сказать о федеральных округах в целом.

В то же время, анализ динамики количества учащихся, которые заканчивали общеобразовательные учреждения, по обеим республикам в разные годы, такую радужную картину стабильности в отношении системы образования не показывает, поскольку численность выпускников с каждым годом становится все меньше (табл. III.10).

Таблица III.10

Выпуск обучающихся государственными и муниципальными общеобразовательными учреждениями¹⁶³, тыс. чел.

Год	Российская Федерация	Сибирский федеральный округ	Республика Хакасия	Дальневосточный федеральный округ	Республика Саха (Якутия)
<i>Выпуск обучающихся с аттестатом об основном общем образовании</i>					
2000	2128,0	315,8	9,2	103,6	17,1
2005	1868,5	266,1	7,9	94,1	16,8
2009	1178,5	163,0	4,7	60,5	13,0
2010	1302,8	195,9	5,6	65,4	13,5
2012	1200,5	174,9	5,1	57,4	12,2
<i>Выпуск обучающихся с аттестатом о среднем (полном) общем образовании</i>					
2000	1317,2	208,1	5,6	70,1	13,1
2005	1312,1	197,0	4,9	70,1	15,0
2009	810,4	126,7	3,5	44,6	11,9
2010	719,6	108,6	2,9	37,7	10,8
2012	709,2	107,4	2,7	38,4	10,2

¹⁶³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 246–247.

С одной стороны, эту тенденцию можно объяснить «демографической ямой», которая сейчас отражается на числе учащихся. С другой стороны, важно понимать: это последствия не только уменьшения рождаемости, но, что касается Дальневосточного региона в целом, – в первую очередь мощного оттока экономически активного населения, и прежде всего славянского, в центральную часть России¹⁶⁴.

Тем не менее, по структуре образования населения республик (табл. III.11) можно отметить, что если в Якутии наблюдается большая доля людей с высшим и послевузовским образованием, то в Хакасии – со средним профессиональным.

Таблица III.11

**Уровень образования населения в регионах России
(по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.)¹⁶⁵**

Регион	Имеют образование, на 1000 человек населения в возрасте 15 лет и более, указавших уровень образования								Не имеют начального общего образования
	послевузов- ское	высшее	неполное высшее	среднее	начальное	среднее (полное)	основное	начальное	
Российская Федерация	6	228	46	312	56	182	110	54	6
Сибирский федеральный округ	6	197	42	314	57	185	129	62	8
Республика Хакасия	3	182	32	327	53	205	135	57	6
Дальневосточный федеральный округ	6	215	44	327	55	185	121	42	5
Республика Саха (Якутия)	10	211	51	313	52	223	102	32	6

¹⁶⁴ Абрамова М.А., Назарова И.Л., Неустроева А.Н. Образование как фактор преодоления трансакционных издержек институциональной динамики (на примере РС(Я)) // Наука и образование. 2014. № 2 (73). С. 109–115; Абрамова М.А., Назарова И.Л., Неустроева А.Н. Анализ факторов влияния образования на институциональную динамику Республики Саха (Якутия): Отчет о научно-исследовательской работе, Якутск 2013 г. РК № 01201375096 Код ВНТИЦ 0203142150391.

¹⁶⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 228–229.

Менее выраженную ориентацию на получение качественного образования у молодежи в Хакасии мы уже отмечали выше, когда рассматривали жизненные приоритеты респондентов (см. табл. II.21). Но анализ количества учебных заведений высшего профессионального образования (ВПО) в республиках позволил предположить, что формирование образовательных стратегий молодежи обусловлено как региональной спецификой рынка труда, так и отвечающей на его запросы системой образования, которой невыгодно в небольшой по числу молодежи Республике Хакасия создавать второе государственное учебное заведение для получения высшего профессионального образования (табл. III.12).

С другой стороны, при значительно большем количестве учебных заведений ВПО в Якутии, выпуск специалистов с высшей профессиональной подготовкой в 2012 г. здесь всего в два раза больше, чем в Хакасии. В качестве предположения мы могли бы сделать вывод, что в Якутии учебные заведения ВПО недостаточно большие по количеству обучающихся, и тогда фактически мы имеем дело с большей дифференциацией и по специальностям, и по преподавательскому составу, что благоприятно влияет на возможности осуществления выбора молодежью. Но создание на базе Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова в 2009 г. Северо-Восточного федерального университета не подтверждает нашу гипотезу о малочисленности хотя бы одного университета в Якутии. Поэтому несоответствие количества учебных заведений ВПО и количества выпускников можно объяснить тем, что большая дифференциация их в Якутии создает ситуацию отсроченного получения диплома о высшем образовании, когда молодой человек может поучиться некоторое время в одном вузе, а потом перейти в другой, что невозможно в Хакасии, где возможность выбора определяют лишь специальности и факультеты в одном вузе. С другой стороны, долгий путь к получению высшего профессионального образования должен кем-то финансироваться, поэтому у молодежи должна быть хорошая материальная база, созданная родителями. И в этой ситуации более короткий путь к получению образования, в том числе и рабочих специальностей, косвенно также позволяет сделать соответствующие выводы как о формировании рынка труда, так и о реальных финансовых возможностях родителей и уровне притяжания молодежи. Так, по количеству закончивших учреждения начальной профессиональной подготовки ситуация в Хакасии на протяжении 22 лет остается стабильной, несмотря на сокращение числа учебных заведений (табл. III.13).

Таблица III.12

Число вузов и выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием по регионам

Регион	1990		2000			2005			2010			2012		
	все	все	Гос./ мун.	Негос.	Все	Гос./ мун.	Негос.	Все	Гос./ мун.	Негос.	Все	Гос./ мун.	Негос.	
<i>Число образовательных учреждений высшего профессионального образования¹⁶⁶</i>														
Российская Федерация	514	965	607	358	1068	655	413	1115	653	462	1046	609	437	
Сибирский	77	111	84	27	114	85	29	114	83	31	115	82	33	
Республика Хакасия	1	2	1	1	2	1	1	2	1	1	2	1	1	
Дальневосточный	32	51	35	16	49	38	11	51	37	14	41	31	10	
Республика Саха (Якутия)	2	5	5	–	8	8	–	9	7	2	6	5	1	
<i>Выпуск специалистов с высшим профессиональным образованием (тысяч человек)¹⁶⁷</i>														
Российская Федерация	401,1	635,1	578,9	56,2	1151,7	978,4	173,3	1467,9	1177,8	290,1	1397,2	1125,4	271,9	
Сибирский	53,9	84,4	81,5	2,9	156,5	145,6	10,9	180,2	161	19,2	165,6	147,7	17,9	
Республика Хакасия	0,9	1,8	1,6	0,2	3,6	3,2	0,4	3,9	3,5	0,4	3,8	3,5	0,3	
Дальневосточный	15,3	24,4	23,3	1,1	49	44,1	4,9	56,3	50,3	6	53,9	48,9	5,1	
Республика Саха (Якутия)	1,2	2,4	2,3	0,1	7,4	6,4	1	6,7	6	0,7	7,9	7,1	0,8	

¹⁶⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 290–293; 305–308.

¹⁶⁷ Там же. С. 305–308.

Таблица III.13

Число образовательных учреждений начального профессионального образования и их выпускников по регионам

Регион	1990	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Число образовательных учреждений начального профессионального образования¹⁶⁸</i>										
Российская Федерация	4328	3893	3392	3209	3180	2855	2658	2356	2040	1719
Сибирский федеральный округ	690	618	602	575	609	541	526	474	411	351
Республика Хакасия	...	19	20	19	19	19	19	19	17	15
Дальневосточный федеральный округ	219	227	207	200	199	176	165	155	139	130
Республика Саха (Якутия)	33	31	36	35	32	29	29	29	28	28
<i>Выпуск квалифицированных рабочих и служащих с начальным профессиональным образованием (тысяч человек)¹⁶⁹</i>										
Российская Федерация	1271,5	762,8	702,5	679,7	656,0	604,7	537,6	580,5	516,7	483,5
Сибирский федеральный округ	195	128,4	117,5	113,2	110,2	102,7	96,3	109,2	94,9	92,6
Республика Хакасия	...	3,7	4,8	3,4	3,6	3,2	3,2	4,0	3,2	3,5
Дальневосточный федеральный округ	59,6	45,7	42,9	36,4	33,9	31,7	29,7	29,8	26,9	27,6
Республика Саха (Якутия)	7,3	4,6	4,2	4,6	4,0	4,0	3,6	5,0	5,1	5,5

¹⁶⁸ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 290–293; 305–308.

¹⁶⁹ Там же. С. 305–308.

В то же время, как видим, в Якутии сокращается не только количество образовательных учреждений начального профессионального образования (НПО), но и число выпускников. Причем необходимо отметить, что эта тенденция характерна даже в большей степени для Дальневосточного и Сибирского федеральных округов, где произошло сокращение как количества учебных заведений, так и числа выпускников в два раза с 1990/91 по 2012/13 гг. По России в целом количество учебных заведений и их выпускников сократилось за это время в 2,5 раза. Таким образом, относительная стабильность числа выпускников образовательных учреждений НПО в Хакасии свидетельствует о вос требованности данного уровня образования в республике.

Ситуация со средним профессиональным образованием (СПО) еще более сложная. С одной стороны, открытие различного рода колледжей на базе СПО в конце 1990-х гг.–начале 2000-х гг. привело к попытке их переформатирования в институты для выдачи более востребованных обучающимися дипломов о высшем образовании. С другой стороны, реформы, идущие в системе высшего профессионального образования, в виде формального разделения цикла обучения на бакалавриат и магистратуру фактически привели к частичному поглощению вузами уровня средней профессиональной подготовки, в результате чего по РФ в целом с 1990/91 по 2012/13 гг. произошло сокращение количества выпускников СПО в 1,3 раза (табл. III.14) при увеличении количества образовательных учреждений СПО на 378 единиц, или на 14 % по сравнению с 1990/91 гг.

При этом в Сибирском федеральном округе количество учебных заведений (СПО) увеличилось на 8,7 %, а выпускников – сократилось на 22 %. На этом фоне в Хакасии количество образовательных учреждений СПО выросло на 5 единиц, а количество выпускников – на 400 человек, т. е. почти на 20 % больше по сравнению с 1990/91 учебным годом, но несколько меньше по отношению к 2005/6 учебному году, когда было отмечено увеличение количества выпускников не только в Хакасии, но и по всей России в целом, за исключением Якутии, где этот пик пришелся на 2010/11 учебный год.

Таким образом, в качестве общих региональных характеристик можно отметить, что если для Якутии более характерно тяготение молодежи к получению высшего образования, а также здесь созданы условия для выбора образовательных учреждений разного уровня, то в Хакасии молодежь оказалось более ориентированной на pragматичные

Таблица III.14

Число образовательных учреждений среднего профессионального образования и их выпускников по регионам

Годы	1990/91	2000/01			2005/06			2010/11			2012/13		
Типы	Все	Все	Гос./ мун.	Негос.									
<i>Число образовательных учреждений среднего профессионального образования¹⁷⁰</i>													
Российская Федерация	2603	2703	2589	114	2905	2688	217	2850	2586	264	2981	2725	256
Сибирский федеральный округ	390	404	395	9	408	394	14	388	356	32	424	395	29
Республика Хакасия	7	10	10	—	9	8	1	12	8	4	12	9	3
Дальневосточный федеральный округ	133	141	137	4	132	124	8	125	116	9	129	119	10
Республика Саха (Якутия)	18	22	22	—	28	28	—	31	29	2	32	30	2
<i>Выпуск специалистов со средним профессиональным образованием (тысяч человек)¹⁷¹</i>													
Российская Федерация	636,6	579,3	567,7	11,6	684,4	651,4	33	572,1	535,7	36,5	486,3	454,9	31,4
Сибирский федеральный округ	91,3	85,3	84,6	0,7	99,2	97,6	1,6	81,4	77,8	3,6	71,1	68,1	3
Республика Хакасия	1,9	2,1	2,1	-	2,9	2,8	0,1	2,7	2,4	0,2	2,3	2,1	0,2
Дальневосточный федеральный округ	28,6	27,2	27	0,2	34,2	33,3	0,9	29,6	28,7	0,9	22,9	22,2	0,7
Республика Саха (Якутия)	2,7	2,7	2,7	—	4,6	4,6	—	4,8	4,8	0	4,3	4,2	0,1

¹⁷⁰ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 266–269.¹⁷¹ Там же. С. 280–283.

образовательные задачи, решение которых иногда ограничивается освоением рабочих специальностей, что проявляется как в относительном сохранении числа выпускников НПО и СПО, так и даже в некотором росте числа учебных заведений СПО и сохранении количества учреждений НПО, при общероссийской тенденции к их сокращению.

Анализ адаптированности молодежи в зависимости от типа образовательного учреждения и этнической группы (табл. III.15) позволил выявить, что региональная специфика молодежных предпочтений образовательных стратегий обусловлена не столько имеющимся выбором количества учебных заведений и числом потенциальных учащихся и студентов, сколько их этническим составом. Так, лучше всех адаптированы обучающиеся в колледжах и средних профессиональных учреждениях представители народов Севера (57 %), это объясняется тем, что опросы представителей КМНС происходили в училищах и колледжах, ориентированных на подготовку молодежи по специальностям, необходимым для сохранения этносов. Соответственно, в этих учебных заведениях созданы исключительные условия для локального проживания представителей народов Севера. Хуже всего адаптированными оказались русские в Якутии и хакасы, обучающиеся в НПО и СПО (38 %). Но поскольку последняя группа незначительна по численности в соотношении с русской молодежью в Хакасии, обучающейся в колледжах и являющейся лучше адаптированной по сравнению со студентами вузов (44 против 41 %), то в резуль-

Таблица III.15

Распределение молодежи по типам учебных заведений, этническим группам и степени адаптированности, %

Тип учебного заведения	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии		Хакасия		РС(Я)	
	Степень адаптированности													
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Колледж, училище	38	30	40	25	57	26	44	23	38	28	44	25	40	28
Вуз	41	24	41	22	34	27	41	24	46	22	42	23	42	23
Школа	43	23	39	20	38	27	56	12	44	18	48	18	41	20

тате и формируется картина якобы предпочтения уровня СПО в регионе (44 против 42 %).

В Якутии лучше всего адаптирована русская молодежь, обучающаяся в вузах (46 %), также хорошо адаптированы и студенты-саха (41 %), что в целом позволяет сделать вывод о большей комфортности обучения студентов-якутян в вузах, нежели в колледжах.

Мы предполагаем, что отмеченные характеристики могут иметь значительное влияние на формирование социокультурных типов молодежи в рассматриваемых регионах.

III.2.2. Образовательные стратегии социокультурных типов

Анализ распределения социокультурных типов мы начали с выявления доминирования коллективистских и индивидуалистских установок молодежи в сочетании со степенью сформированности этнического самосознания. Как и в предыдущих главах, было выявлено, что наиболее наполненным у всех этнических групп, и в данном случае независимо от типа учебного заведения, является тип «коллективист со сформированным этническим самосознанием» (табл. III.16).

Также важно отметить, что по мере продвижения на более высокий уровень образования у хакасов и КМНС происходит заметное увеличение группы коллективистов со сформированным этническим самосознанием (с 48 до 67 % и с 58 до 65 % соответственно), в то время как группа коллективистов с частично сформированным этническим самосознанием у хакасов, наоборот, заметно сокращается – с 19 до 8 %. Мы можем предположить, что либо в вуз поступают индивиды с уже более сформированным этническим самосознанием, либо сам процесс обучения в высшем профессиональном учебном заведении обуславливает его развитие. Для более точных выводов необходимо проследить динамику степени сформированности этнического самосознания при поступлении в вуз и по окончании его, что в данном случае не было задачей нашего исследования. Но, сопоставляя данные по курсу обучения, мы можем отметить, что если у первокурсников-хакасов доля коллективистов со сформированным этническим самосознанием составила 46 %, то на втором курсе она была уже 73 %, а у четверокурсников – 80 %. В данном случае мы можем лишь засвидетельствовать существующие различия между студентами разных курсов, что не является прямым доказательством существования динамики у одних и тех же лиц.

Таблица III.16

Распределение молодежи по типологии «коллективизм–этническое самосознание» с учетом типа учебного заведения и этнической группы, % в группе

Социокультурный тип	Уровни системы образования													
	СПО и НПО				ВПО				СПО и НПО		ВПО			
	Этнические группы								Регионы					
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС(Я)		
Коллективист со сформированным этническим самосознанием	48	61	58	49	44	67	62	65	48	42	48	52	53	55
Коллективист с частично сформированным этническим самосознанием	19	11	16	12	14	8	6	15	8	11	13	13	8	8
Коллективист-«космополит»	10	8	16	15	19	5	5	11	14	16	16	14	12	10
Индивидуалист со сформированным этническим самосознанием	12	15	0	15	14	11	20	2	18	16	14	14	17	17
Индивидуалист с частично сформированным этническим самосознанием	6	3	5	3	4	4	4	4	4	6	4	4	4	5
Индивидуалист-«космополит»	5	2	5	6	5	5	3	3	8	9	5	3	8	5

Аналогична, но менее выражена, ситуация по формированию этнического самосознания у молодежи разных образовательных уровней есть и в Якутии. Важно также отметить, что у всех этнических групп с повышением уровня получаемого образования снижается доля «коллективистов-«космополитов»», а также у саха и русских происходит некоторое увеличение группы индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием.

Таким образом, мы можем все-таки предположить, что высшее профессиональное образование, нацеленное на подготовку кадров, более ориентированных на решение республиканских задач, в том числе и в области власти, образования, политики, косвенно – через ориентацию молодежи на профессиональную реализацию в будущем влияет и на формирование их этнической самоидентификации. Так, влияние изменения уровня получаемого образования на сформированность этнического самосознания проявилось и в типологии «этноцентризм–этноиндифферентность». Было зафиксировано увеличение числа этноцентристов среди хакасов, обучающихся в СПО (НПО) и ВПО, с 8 до 15 %. У саха и русских, наоборот, с повышением уровня получаемого образования происходит сокращение числа этноцентристов (саха – с 25 до 17 %, русские в Якутии с 27 до 17 %, русские в Хакасии с 26 до 16 %). Для хакасов и, как это ни странно, для русских в Хакасии характерно увеличение группы, предпочитающих монолингвистическую среду (с 20 до 25 %, и с 36 % до 44 % соответственно). Этот аспект рассматриваемой типологии дает основания предположить, что с ростом этнического самосознания у хакасов, получающих высшее образование, происходит и переосмысление значимости использования родного языка и, возможно, в бытовом общении тоже, что осложняет процесс коммуникации с русскими студентами, в связи с чем для тех становится также важна монолингвистическая среда.

Указанные выше тенденции повлияли и на уменьшение доли группы этноиндифферентных среди хакасов – с 68 до 56 %. Для саха и русских в Якутии доля данной группы с повышением уровня получаемого образования увеличивается (с 52 до 62 % и с 32 до 45 % соответственно). Вообще, самая большая группа этноиндифферентных как на уровне СПО (НПО), так и ВПО у КМНС (70 и 74 %). Это, по всей вероятности, лишь отражает тот факт, что их численное соотношение с другими этническими группами не изменяется от уровня получаемого образования.

По типологии «гедонисты–аскеты» по-прежнему самой многочисленной группой, независимо от этничности группы и уровня получаемого образования, остаются гедонисты. Повышение уровня получаемого образования положительно влияет на хакасов, среди которых доля гедонистов уменьшается с 54 до 49 %, а доля аскетов увеличивается с 29 до 31 %. Аналогичная тенденция характерна для русских в Якутии (гедонисты – с 78 до 66 %, аскеты – с 10 до 20 %) и КМНС (гедонисты – с 67 до 52 %, аскеты – с 8 до 30 %). Мы предполагаем, что данная тенденция является свидетельством существующей закономерности: чем малочисленнее этнос, тем большие усилия нужно прилагать его представителям как для получения высшего образования в регионе, так и для продвижения вперед.

Хотя можно сделать и дополнительный вывод о том, что у тех, кто начинает длинный путь восхождения в образовании, являясь выходцем из численно не доминирующей этнической группы, должно быть больше уверенности в себе и энергии для осуществления своих целей. Для проверки нашей гипотезы мы обратились к типологии «проактивный–реактивный» (табл. III.17).

Таблица III.17

Распределение молодежи по типологии «проактивность–реактивность» с учетом типа учебного заведения и этнической группы, % в группе

Социокультурный тип	СПО и НПО					ВПО					СПО и НПО		ВПО	
	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии	Хакасия	РС(Я)	Хакасия	РС(Я)
Проактивная личность	0	5	5	5	8	12	8	13	10	11	5	6	10	9
Переходный тип личности (зависимый)	35	16	37	26	23	24	20	24	30	23	27	20	28	21
Реактивный лидер	5	7	0	8	9	7	10	5	11	11	7	8	10	11
Реактивная масса	61	73	58	61	60	56	61	58	50	55	61	67	52	59

В рассматриваемой выборке мы зафиксировали увеличение доли проактивных и реактивных лидеров по всем этническим группам с повышением уровня образования. В то же время у всех групп, за исключением КМНС, произошло сокращение доли реактивной массы. Что касается переходного типа, то если для хакасов и КМНС характерно снижение доли данной группы при повышении уровня получаемого образования, то для саха и русских в Хакасии – увеличение (с 16 до 20 % и с 26 до 30 % соответственно). Мы можем предположить, что увеличение данной группы обусловлено скорее изменением гендерного распределения обучающихся в вузах и техникумах.

Важно еще напомнить, что, как мы уже отмечали выше, анализ распределения социокультурных типов по возрастным когортам молодежи показал зависимость увеличения доли лиц проактивного типа от возраста: среди саха – с 7 до 13 % в старшей когорте, среди хакасов – с 6 до 12 %, среди русских в Якутии – с 10 до 25 %, в Хакасии – с 7 до 9 %. Соответственно, с возрастом снижается доля реактивной массы: например, среди саха – с 64 до 47 %. Аналогично – среди хакасов, русских. Анализ причин перераспределения долей каждой группы мы уже делали ранее в наших публикациях¹⁷². Не повторяя выявленные ранее закономерности, можно лишь отметить, что возрастная динамика – лишь один из параметров, но важно также учитывать и условия проживания в период обучения, и финансовое положение семьи. В этой связи мы не можем точно быть уверены, что изменение доли того или иного социокультурного типа происходит именно под влиянием повышения уровня получаемого образования. Но независимо от того, что является причиной, а что следствием, мы должны принять как факт доминирование проактивных характеристик у обучающихся в вузах по сравнению с СПО независимо от этнической группы и региона.

В то же время мы наблюдаем, что уже при выборе типа образовательного учреждения начинает осуществляться социокультурная селекция. Рассматривая более детально вопрос взаимосвязи учебного заведения, в котором обучается респондент, и его планов на продолжение обучения, мы обнаружили, что для школьников планы на поступление в колледжи или ССУЗы скорее являются свидетельством низкой

¹⁷² Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Жизненные планы и адаптация различных социокультурных типов молодежи (на материале социологического и социально-психологического исследований в Республике Саха (Якутия)) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 1. С. 78–99.

адаптированности, исключение составили лишь русские школьники в Хакасии. В то время как планы на поступление в вуз говорят об обратном для всех этнических групп и регионов.

Для обучающихся в колледжах и ССУЗах планы на поступление в вуз скорее являются свидетельством их успешности или амбициозности и также свидетельствуют о хорошей адаптированности.

Механизм сопряжения, обуславливающий влияние образования на институциональную динамику региона, реализуется посредством формирования трудового рынка и удовлетворения как его запросов, так и запросов индивидов в имеющихся вакансиях. В этой связи мы рассмотрели вопрос трудовой занятости, а также проблему отношения к труду как одному из важнейших факторов миграционной мобильности личности и показателю ее устойчивости перед трансакционными издержками.

Для получения более полного представления о существующих условиях на рынке труда в РС (Я) и Хакасии необходимо отметить, что они отличаются от других регионов России положительной демографической ситуацией. В Якутии среди главных особенностей демографического развития данного субъекта Федерации следует отметить положительный естественный прирост населения, который является стабильным источником восполнения демографических потерь, обусловленных миграционным оттоком, что, в свою очередь, определяет относительную сохранность наполнения групп трудоспособного возраста.

Особое внимание привлекает специфика наполнения групп по образованию в Якутии. Доля людей с высшим образованием растет год от года, и это обуславливает тенденцию к изменению картины профессиональной занятости, а, точнее, к увеличению доли так называемых белых воротничков¹⁷³. Увеличение числа людей с высшим образованием могло бы быть отнесено к фактору, создающему в будущем проблему переизбытка кадров, но анализ ситуации по безработице в республиках показал, что при достаточно низких показателях уровня безработицы в регионах основную долю безработных представляют как раз не люди с высшим образованием, а со средним профессиональным – в Хакасии (25,7 %) и начальным профессиональным –

¹⁷³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 113; Труд и занятость в Республике Саха (Якутия) за 2000–2012 гг.: Стат. сб. / ТО ФСГС по РС(Я). Я., 2011.

в Якутии (21,5 %). Чуть меньше половины безработных составляют лица, имеющие лишь среднее образование (в Хакасии – 35,4 %, в Якутии – 42 %)¹⁷⁴.

В целом важно отметить, что при относительно равных стартовых показателях условия поиска работы на рынке труда сильно различаются, что демонстрируют ранги регионов по уровню занятости. Если Якутия находится на 38-м месте по уровню занятости и на 70-м по уровню безработицы, то Хакасия – на 71-м и 69-м соответственно. Рассматриваемые характеристики свидетельствуют о большей дифференциации предложений по трудуоустройству в Якутии, что отчасти обуславливает и меньшую долю открываемых предприятий в частном секторе экономики. Так, несмотря на то, что в обоих регионах с 2005 по 2012 г. произошло увеличение доли занятых в частном секторе экономики (в Хакасии – с 55,3 до 59,1%, в Якутии – с 32,5 до 44,3%)¹⁷⁵, тем не менее, в Хакасии он занимает больше половины рынка труда.

Таким образом, можно заключить, что наличие диплома о высшем образовании является одним из факторов, позволяющих быть более востребованным на рынке труда в Республике Саха (Якутия) и не обязательно обеспечивающим работой в Республике Хакасия, что отчасти и обуславливает более низкую востребованность получения качественного образования в данном регионе.

Следует отметить, что планируемый юношами и девушками выбор отрасли (сферы) труда далеко не всегда является свободным, а обусловлен зачастую многими причинами, в том числе и вынужденной необходимостью, что не может не сказываться на социальном самочувствии и адаптированности. Проблема анализа формирования навыков по преодолению трансакционных издержек в условиях интенсификации институциональной динамики молодежи становится особенно актуальной в контексте комплексного изучения социального самочувствия, жизненных стратегий, социальных установок, целей и ценностей, выступающих характеристиками социальных и духовно-культурных изменений.

Данные факты заставляют задуматься не только о решении экономических вопросов формирования устойчивости перед трансакционными издержками молодежи в условиях идущих в России реформ

¹⁷⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013. С. 113.

¹⁷⁵ Там же. С. 105.

в последние двадцать лет, сколько о формировании будущей картины населения регионов, создания условий для их социально-экономического развития.

Так, анализ выбора профессий определенными этническими группами (табл. III.18) позволил сделать следующие выводы: для молодежи тюркской группы в целом доминирующими по выбору специальностями являются: сфера образования, органы власти, банковские структуры и медицина.

Региональная специфика проявилась в предпочтении у саха промышленности (20 %), а у хакасов – правоохранительных органов (16 %). Для русской молодежи в целом предпочтительны образование,

Таблица III.18

Предпочтения в выборе профессий молодежью разных этнических групп, %

Сфера занятости	Хакасы	Саха	КМНС	Русские в Хакасии	Русские в Якутии
Образование	24	22	30	20	11
Культура	4	8	9	8	8
Дизайн, архитектура	7	*	2	8	*
СМИ	4	*	*	5	1
Сельское хозяйство	2	2	2	2	*
Информационные технологии	8	5	6	15	16
Торговля	8	6	3	7	7
Органы власти	10	12	8	9	8
Медицина	14	12	17	4	5
Промышленность	6	20	7	7	15
Банковские структуры	10	12	16	12	15
Правоохранительные органы	16	11	9	18	12
Сервис	4	4	4	7	10
Другое	10	1	3	12	2

информационные технологии, правоохранительные органы, банковские структуры. Региональная специфика проявилась в предпочтении русской молодежью промышленности в Якутии больше, чем в Хакасии (15 и 7 % соответственно), меньшей заинтересованности в образовании и правоохранительных структурах как сферах работы.

Анализ влияния степени адаптированности молодежи на их будущий профессиональный выбор (табл. III.19) показал, что, несмотря на высказанное предпочтение у хакасов сфер образования, хорошо адаптированных, выбравших педагогику, оказалось всего 29 %. В то время как у саха, КМНС и русских в Хакасии таковых 40, 39 и 41 % соответственно. Даже несмотря на меньшее предпочтение сферы образования у русской молодежи в Якутии, все-таки туда идет более адаптированная молодежь.

Лучше всех из хакасов адаптированы выбравшие правоохранительные органы (54 %) и промышленность (52 %). Самые адаптированные саха выбрали работу в органах власти (47 %), и, несмотря на то, что всего 6 % саха выбрали торговлю, именно эта категория оказалась также среди наиболее адаптированных (46 %). У КМНС наиболее адаптированной оказалась молодежь, идущая работать в правоохранительные органы (52 %) и банковские структуры (48 %).

Учитывая, что в целом русская молодежь в Хакасии адаптирована хорошо, то можно предположить, что выбор той или иной профессиональной ниши не обуславливает ее адаптированность. Мы можем лишь наблюдать небольшое снижение доли хорошо адаптированных среди предлагающих работу с информационными технологиями и в сервисе. У молодежи в Якутии ситуация в принципе аналогичная, лишь список профессиональных групп, где адаптированность чуть ниже остальных, немного меняется. В нем остаются также специалисты по информационным системам, но попадают будущие педагоги и выбравшие сферу промышленности.

Понять специфику распределения не очень и хорошо адаптированных нам поможет анализ распределений выбора профессий определенными социокультурными типами.

Так, наиболее плохо адаптированная группа у хакасов, выбравших сферу образования, в большей степени, чем остальные, представлена «коллективистами со сформированным этническим самосознанием» (26 %), «коллективистами с частично сформированным этническим самосознанием (27 %) и индивидуалистами со сформированным

Таблица III.19

Предпочтения в выборе профессий молодежью разных этнических групп с учетом степени их адаптированности, %

Сфера занятости	Хакасы		Саха		КМНС		Русские в Хакасии		Русские в Якутии	
	Степень адаптированности									
	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА	ХА	ПА
Образование	29	24	40	21	39	31	41	21	39	21
Культура	**	**	39	31	42	35	49	23	43	22
Дизайн, архитектура	29	32	**	**	**	**	42	23	**	**
СМИ	31	38	**	**	**	**	49	21	**	**
Сельское хозяйство	**	**	32	19	**	**	**	**	**	**
Информационные технологии	30	23	34	21	37	26	35	27	36	28
Торговля	31	34	46	16	**	**	46	28	45	26
Органы власти	41	27	47	19	38	25	50	22	49	18
Медицина	38	23	43	20	43	27	51	15	45	25
Промышленность	52	17	44	24	25	15	51	22	36	25
Банковские структуры	41	33	42	19	48	20	51	16	44	17
Правоохранительные органы	54	16	34	22	52	20	44	20	49	19
Сервис	**	**	30	22	25	25	38	19	48	25

этническим самосознанием» (24 %). Таким образом, несмотря на проявления индивидуализма и колLECTивизма, мы можем предположить, что специфика этнической самоидентификации, а, возможно, и ее демонстрации в условиях Республики Хакасия не обуславливает хорошую адаптированность молодежи. А вот тяготение к космополитизму становится одним из залогов хорошей адаптированности, особенно необходимой для потенциальных работников в органах власти (33 %). Также можно отметить, что 19 % молодежи, выбравшей работу в правоохранительных органах, представлены коллективистами со сформированным этническим самосознанием, и именно эта группа имеет самый высокий уровень адаптированности – 54 %.

У саха такой дифференциации в зависимости от социокультурного типа по модели «коллективист–этническое самосознание» не наблюдается.

Независимо от социокультурного типа, саха предпочли образование и промышленность. На третьем месте оказались: правоохранительные органы и органы власти – у индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием, а у коллективистов с аналогичной степенью сформированности этнического самосознания – органы власти и банковские структуры. Проведя параллель со степенью адаптированности, можем сделать вывод, что для молодежи саха все-таки важно придерживаться принципа коллективизма, поскольку, как мы наблюдаем, снижение степени адаптированности у выбравших работу в правоохранительных органах, возможно, обусловлено именно доминированием в данной группе «индивидуалистов».

Вызывает некоторое опасение тот факт, что из числа этноцентристов–хакасов достаточно много (20 %) выбирают правоохранительные органы и 18 % – органы власти, и 20 % из предпочитающих монолингвистическую среду также собираются работать в правоохранительных органах. Эти социокультурные типы склонны к изоляционизму.

У саха «этноцентристы» и предпочитающие монолингвистическую среду ориентированы на образование (25 и 24 %) и промышленность (24 и 21 %), а предпочитающие моноэтническую среду также на образование (24 %) и правоохранительные органы (19 %).

Некоторый баланс, при условии сохранения пропорций этнических групп в правоохранительных органах Якутии, может быть установлен за счет русских коллективистов со сформированным этническим самосознанием, среди которых 15 % собрались выбрать данную

сферу. В правоохранительных структурах собирается работать и самая многочисленная группа предлагающих моноэтническую среду (29 %). По всей вероятности, понимание реальной ситуации в подборе кандидатур в органы власти не создает иллюзий у русской молодежи в Якутии относительно их возможностей в данной сфере: самой большой группой отметивших, что могут пойти работать в органы власти, оказались 11 % индивидуалистов с частично сформированным самосознанием. Русская молодежь в Якутии (по типологии «коллективизм–этническое самосознание») отдает предпочтение работе в банковских структурах и с информационными технологиями, за исключением одного единственного типа – коллективиста со сформированным этническим самосознанием, который более равномерно распределил свои интересы между работой в правоохранительных органах, промышленности, информационных технологиях. Идти в образование русская молодежь не имеет ярко выраженного интереса, что отражается и на относительно низкой (39 %) степени адаптированности тех, кто все-таки выбрал данную сферу.

В Хакасии этнический баланс на рынке труда может быть сохранен за счет русских коллективистов и индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием, среди которых предпочитают работать в системе образования 24 и 17 % соответственно, а выбрали работу в правоохранительных органах 19 и 20 % соответственно. Можно отметить, что в целом русские в Хакасии предпочитают работу в правоохранительных органах, что было также зафиксировано при анализе еще по двум типологиям: «этноцентризм–этноиндифферентность» и «проактивность–реактивность». Единственная типология, которая позволила зафиксировать разницу в выборе будущей специальности русскими, стала «гедонизм–аскетизм». В результате оказалось, что к работе в правоохранительных органах стремится молодежь из групп гедонистов (18 %) и конформистов (22 %), что, по всей вероятности, стало одной из причин меньшего количества хорошо адаптированных среди тех, кто выбрал данное профессиональное направление (44 % – хорошо адаптированных). Русские–аскеты как в Хакасии, так и в Якутии предпочли образование (35 и 17 %).

Самая большая группа гедонистов среди русских и саха в Якутии выбрала, как это ни странно, промышленность (20 и 24 %), а 23 % конформистов собрались работать в правоохранительных органах. Мы предполагаем, что именно большая доля гедонистов среди рус-

ских обусловила снижение количества хорошо адаптированной молодежи по сравнению с выбранными другие специальности – 36 %.

Мы можем также предположить, что выбор молодежью определенных социокультурных типов сфер промышленности, правоохранительных структур скорее обусловлен не реальным осознанием тягот, которые будут сопутствовать в их работе, а ожиданием быстрых и легких заработков, а также социальных преференций. По всей вероятности, сфера промышленности рассматривается ими как средство стабилизации своих жизненных условий и способ для лучшей адаптации в обществе.

В сфере культуры собираются работать от 3 до 10 % всех типов. Оленеводство, рыболовство, речной транспорт, гидротехника, навигация, транспорт, дизайн, архитектура, СМИ и наука оказались по степени привлекательности на последнем месте (0–1 %) у всех социокультурных типов молодежи независимо от их этнической самоидентификации.

Анализ роли работы в жизни молодых людей показал, что специфика ее восприятия обусловлена региональными и этническими особенностями. Так, для тюркской группы молодежи работа – это прежде всего источник дохода. Самая минимальная группа, давшая такой ответ, – аскеты среди саха (55 %). У русской молодежи дифференциация больше. Так, 72 % русских реактивных лидеров в Хакасии также считают, что работа – это источник дохода. Аналогичного мнения придерживаются и 61 % проактивных типов, но столько же представителей данного социокультурного типа считают, что работа – это и интересное занятие. В Якутии среди русских проактивного типа, уверенных, что работа – это в первую очередь интересное дело, – уже 65 %. Но 66 % реактивной массы, а также 69 % гедонистов среди русской молодежи считают, что все-таки работа – это источник дохода.

Обобщая вышеизложенный материал, можно сказать, что специфика выделенных социокультурных типов и их распределения по предпочтаемым ими сферам занятости обусловливает в будущем не столько этническую картину рынка труда, сколько эффективность функционирования различных сфер занятости в каждом конкретном регионе. Личностные установки индивидов, выявленные в ходе нашего исследования, обусловливающие их распределение по социокультурным типам, в сочетании с выбором профессиональных ниш, где, возможно, будет доминировать какой-то определенный тип, заставляют уже сегодня задуматься о балансе в политике расстановки кадров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа работ по соотношению методологических подходов «классификация» и «типология» выявлено содержание понятий «типология» и «тип», рассмотрены виды типологий в социологической литературе. Социокультурная типология как вид определена нами в соответствии с теоретико-методологическим социокультурным подходом к исследованию социальных явлений, понимаемым в предложенной П. Сорокиным трактовке (как неразрывное единство ее личностных, социальных и культурных аспектов) и развивающимся в современный период Н.И. Лапиным, Б.З. Докторовым, Ю.И. Александром, Ю.М. Резником, Л.Г. Костюченко и некоторыми другими исследователями.

Проведенное нами исследование социокультурных типов молодежи в определенной мере коррелирует с исследованиями Б.З. Докторова по данным международного проекта «Ожидая изменения в Европе» и по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (Н.И. Лапин, Л.А. Беляева). С учетом их материалов нами предпринята и реализована попытка теоретико-эмпирической социокультурной типологии, когда теоретические модели типологизации верифицируются материалами конкретных исследований ценностей, установок и поведения молодежи выделенных социокультурных типов. Тем самым, как мы полагаем, преодолены отчасти недостаток европейского проекта, базирующегося скорее на эмпирической классификации (кластеризации), без достаточного теоретического моделирования типов, и недостаток российского проекта, в котором социокультурная типология регионов пока только ставится как задача, а в социокультурных портретах регионов слабо просматривается личностный аспект.

В теоретическом и эмпирическом планах в типологизации смоделирован трехмерное социокультурное пространство, задаваемое осьми «социальная интеграция–социальная дифференциация» (социальное), «сформированность этнического самосознания – этническая индифферентность» (культурное), «я–мы» (личностное). В исследовании применены четыре теоретические модели социокультурной типо-

логизации: «коллективизм–степень сформированности этнического самосознания», «этноцентризм–этноиндифферентность», «проактивность–реактивность», «гедонизм–аскетизм».

Первая модель, при сохранении в ней всех элементов триады «личность–общество–культура», все же имеет некоторый «перевес» в сторону социальности и культуры, в то время как в остальных четче выражено личностное, в том числе социально-психологическое, и культурное начало.

Разработка разных моделей типологизации была необходима для исследования различных процессов: микро- и макросоциальных, с доминированием или групповых, или индивидуальных ценностей и т. п.

Теоретические модели типологизации верифицировались на материалах междисциплинарных – социологических, социально-психологических и психологических – исследований молодежи республик Саха (Якутия) и Хакасия по следующим актуальным для молодежи и общества вопросам: распределение выделенных типов среди этнических и региональных групп; степень их адаптированности к реалиям современной России; виды самоидентификаций, аккультурационные стратегии и установки в межэтнических отношениях, жизненные приоритеты, образовательные стратегии; роль семьи в социокультурной динамике.

Исследовано влияние на формирование различных социокультурных типов молодежи важнейших социальных институтов – семьи и системы образования с их региональной и этнической спецификой.

Учет региональной и этнической специфики формирования поведения разных социокультурных типов молодежи важен и в теоретическом, и в практическом плане, так как позволяет проводить научно обоснованное и дифференцированное регулирование социальных, в том числе этносоциальных, процессов.

В результате исследования показано, что предложенные нами модели социокультурной типологии отражают важные тенденции и закономерности социальных процессов в регионах, этнических группах и в межэтнических отношениях. Отметим только наиболее важные, на наш взгляд, выводы из верификации.

Так, наиболее многочисленным (от половины до двух третей состава) среди всех региональных и этнических групп молодежи является социокультурный тип коллективистов со сформированным этническим самосознанием, что отражает сходство менталитетов тюркско-

го и русского населения Сибири, евразийский характер российской цивилизации. В то же время выявлено определенное различие в восприятии индивидами этнических групп коллективизма как групповой или как индивидуальной ценности: если этническая группа немногочисленна (коренные народы Севера, хакасы, русские в Якутии), то индивидуальная значимость коллективизма для ее молодежи выше, чем у представителей многочисленных групп (саха, русские в Хакасии).

Социокультурные типы «космополитов», для которых не важны ни их национальность, ни язык и культура «своего народа», редко встречаются (10–12 %) среди тюркской молодежи, но среди русской молодежи их достаточно много (23–25 %), что не является основанием для оптимистичного прогноза сохранения этноса.

Среди русской молодежи, недостаточно владеющей языком «тизульной» этнической группы, в национальных республиках, особенно в Хакасии, существенно выше доля предпочитающих разговаривать на русском языке, что создает определенные проблемы в межэтнических отношениях на личностном уровне. Крайне нежелательна для российского общества и довольно высокая доля (19–21 %) среди саха и русских в Хакасии и Якутии «этноцентристов», для которых очень важно и жить среди представителей только своей национальности, и разговаривать преимущественно на языке своего этноса.

Модель типологизации «проактивность–реактивность» позволила выяснить, что хотя проактивных личностей, характеризующихся позитивным отношением к жизни и людям, активностью, внутренним самоконтролем, потребностью к созиданию – т. е. такого типа людей, как лидеры, особенно необходимые России в период трансформаций и востребованности инноваций, – относительно немного (8–10 %), но они равномерно распределены по всем этническим и региональным группам. Однако имеются существенные региональные различия в количестве лидеров в гендерном аспекте. Так, у русских девушек в Якутии лидерские качества более четко выражены, чем у юношей, что, возможно, обусловлено преобладанием среди последних гедонистского социокультурного типа (получать удовольствия в жизни).

Сопоставление двух типологий «проактивность–реактивность» и «гедонизм–аскетизм» позволило выявить большую предрасположенность к гедонистическому образу жизни у реактивных лидеров, которые в качестве своих жизненных ориентиров нацелены на получение власти. И хотя их доля среди всех этнических групп в настоящем

время невелика, но эта ситуация может усугубиться при условии доминирования данного социокультурного типа среди юношей титульных этносов в обеих республиках.

В целом же среди молодежи этнических и региональных групп преобладает тип так называемой реактивной массы (54–64 %), для которой характерны недостаточная инициативность, слабо выраженное желание преодолевать трудности самому и склонность объяснять свои неудачи внешними причинами (внешний локус контроля). Хотя доля этого типа и снижается с возрастом (например, среди саха – с 64 до 47 % в группе 25–29 лет).

К современным рыночным реформам в России лучше всего адаптирована молодежь типа «индивидуалист со сформированным этническим самосознанием» (ее 10–20 % среди разных этнических групп), а хуже всего адаптирован тип «космополитов».

Плохо адаптируются к современным условиям жизни также молодежь социокультурных типов, склонных к изоляционистской ориентации, и «реактивная масса» (а ее больше половины во всех группах).

Имеются и существенные региональные различия в соотношении этнической, общероссийской и республиканской самоидентификаций молодежи и в ее аккультурационных стратегиях и установках в межэтнических отношениях. Выявлено, что тип «коллективист со сформированным этническим самосознанием» является оптимальным в плане межэтнической интеграции. При этом фактор «этническое самосознание» оказывает более сильное влияние на интеграционные ориентации, чем фактор «коллективизм – индивидуализм». Региональные различия в этих ориентациях определяются соотношением численности русской и тюркской этнических групп.

На формирование социокультурных типов существенное влияние оказывает тип семьи родителей – этнически однородная или этнически смешанная. При этом оно разнонаправлено для русской и для тюркской молодежи в зависимости от специфики этнической картины региона. Так, среди русской молодежи в Якутии из этнически однородных семей меньше индивидуалистов со сформированным этническим самосознанием по сравнению с молодежью из этнически смешанных семей, и наоборот, этот тип больше представлен среди саха и русских в Хакасии при этнически однородном браке родителей. В результате сделан вывод, что численно превосходящая этническая группа имеет больше шансов для формирования индивидуалистского типа

среди молодежи, нежели малочисленная или обладающая меньшим социально-экономическим и политическим потенциалом. Также выявлено, что этнически однородный брак родителей положительно влияет на формирование установок молодежи в отношении декларируемых ценностей коллективизма и традиций, а этнически смешанная, сохранившая нормативную ценность «коллективизма», способствует формированию меньшей значимости сохранения традиций и языка этноса.

Различия в структуре общего и специального образования в исследуемых регионах – Якутии и Хакасии, также обуславливают различия как в распределении, так и в ценностных ориентациях социокультурных типов молодежи. Так, по мере перехода от начального и среднего к высшему профессиональному образованию в обеих республиках возрастает доля коллективистов со сформированным этническим самосознанием и уменьшается доля индивидуалистов и «космополитов». Аналогичный процесс характерен в целом и для этнических групп, что, безусловно, является позитивной тенденцией. Можно утверждать, что высшее профессиональное образование, нацеленное на подготовку кадров, более ориентированных на решение республиканских задач, в том числе и в области власти, образования, политики, косвенно – через ориентацию молодежи на профессиональную реализацию в будущем, влияет и на формирование их этнической самоидентификации.

С повышением уровня образования растет и доля проактивных личностей во всех этнических группах и в республиках в целом.

Анализ взаимосвязи систем образования, рынка труда, выбора профессии юношами и девушками разных социокультурных типов и степени их адаптированности позволил выявить не только общие для республик и этнических групп тенденции, но и специфику в ориентациях, а также некоторые негативные, на наш взгляд, тенденции в образовательных и профессиональных ориентациях молодежи тех или иных типов.

Так, например, на работу в правоохранительных органах и во властных структурах ориентируется достаточно большая доля хакасской молодежи из социокультурных типов этноцентристов и предпочитающих монолингвистическую среду общения (примерно каждый пятый). Это типы, склонные к этноизоляционизму, что весьма нежелательно для государственных структур.

Русских – «гедонистов» в Хакасии также привлекает работа в правоохранительных органах, в то время как «аскетов» – в образовании.

В целом можно отметить, что специфика распределения молодежи выделенных социокультурных типов по предпочтаемым ими сферам занятости обуславливает в будущем не столько этническую картину рынка труда, сколько эффективность функционирования этих сфер в конкретном регионе, что заставляет уже сегодня задуматься о балансе в политике расстановки кадров в сферах труда.

В теоретико-методологическом плане проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в социокультурной типологии регионов центральным и интегрирующим их социальные, экономические и культурные характеристики должно быть, по нашему мнению, понятие «социокультурный тип населения». Мы рассмотрели в данной работе группу молодежи. По аналогичной методике возможно выделение социокультурных типов и среди других возрастных групп, что позволит проследить определенную социокультурную динамику в регионе, а также выявить общее и специфическое между группами. Безусловно, выделенными и описанными нами социокультурными типами не исчерпывается весь спектр типологизаций, но они схватывают, на наш взгляд, важные социальные, культурные и личностные аспекты социокультурной целостности как общества, так и индивидов, а выявление этнической и региональной специфики в социокультурной типологии необходимо для построения прогнозов социокультурной динамики в условиях трансформации современного российского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Степени этничности как основа национальной политики России // СОЦИС. 2012. № 10. С. 42–50.
2. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Жизненные планы и адаптация различных социокультурных типов молодежи (на материале социологического и социально-психологического исследований в Республике Саха (Якутия)) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 1. С. 78–99.
3. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Этнокультурная и гендерная обусловленность формирования лидерских качеств индивида // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2013. Т. 11. № 3. С. 87–94.
4. *Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г.* Социокультурная адаптация молодежи Севера к условиям современных трансформаций. Новосибирск, 2011.
5. *Абрамова М.А., Назарова И.Л., Неустроева А.Н.* Образование как фактор преодоления трансакционных издержек институциональной динамики (на примере РС(Я)) // Наука и образование № 2 (73). 2014. С. 109–115.
6. *Абрамова М.А., Назарова И.Л., Неустроева А.Н.* Анализ факторов влияния образования на институциональную динамику Республики Саха (Якутия): ОТЧЕТ о научно-исследовательской работе, Якутск 2013 г. РК № 01201375096. Код ВНТИЦ 0203142150391.
7. *Александров Ю.И., Александрова Н.Л.* Субъективный опыт, культура и социальные представления. М., 2009.
8. *Антонова Ю.А.* Коммуникативные стратегии в текстах, представляющих идеологию childfree: на грани экстремизма // Политическая лингвистика. 2013. № 2. С. 170–177.
9. *Архангельский Л.М.* Социально-этические проблемы теории личности. М., 1974.
10. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. М., 2008.

11. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Теория и методология. Словарь. Т. 2. Новосибирск, 1998.
12. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. Новосибирск, 1997.
13. *Ахиезер А.С.* Социально-культурные проблемы развития России. М., 1992.
14. *Ачкасов В.А.* Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 4. № 1. 2001. С. 82.
15. *Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы.* Мифы / Отв. ред. Рябов А.В., Куранбгаева Е.Ш. М., 2003.
16. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М., 1986.
17. *Белякова Ю.Л.* Социокультурный подход: этапы формирования и основные императивы // Государственное управление. Электронный вестник. Вып. № 29. Декабрь 2011 г. С. 1–2.
18. *Бермус А.* Введение в гуманитарную методологию. М., 2007. С. 92.
19. *Брушинский А.В., Поликарпов В.А.* Мысление и общение. М., 1999.
20. *Верч Дж.* Голос разума. Социокультурный подход к опосредованному действию. М., 1996.
21. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3. М., 1983.
22. *Гавров С.Н.* Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. 2004. С. 76.
23. *Герчиков В.И.* Об одной процедуре построения типологии в социологических исследованиях // СОЦИС. 1977. № 2. С. 123–133.
24. *Гидденс Э.* Устроение общества. М., 2003.
25. *Голофаст В.Б.* Методологический анализ в социальном исследовании. Л., 1981.
26. *Гоулман Д. и др.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М., 2005. С. 63.
27. *Гудков Л.Д.* «Советский человек» в социологии Ю. Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.

28. Давыдов А.А. Социология как метапарадигмальная наука // СОЦИС. 1992. № 9. С. 85–87.
29. Докторов Б.З. Россия в европейском социокультурном пространстве // Социологический журнал. 1994. № 3. С. 4–19.
30. Докторов Б.З. О надежности измерения в социологическом исследовании. Л., 1979.
31. Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.
32. Ериов Ю.Г. Методологические проблемы типологизации исторического процесса.
33. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.
34. Здравомыслов А.Г. К вопросу о типологии образа жизни в социалистическом обществе // СОЦИС. 1974. № 2. С. 74–89.
35. Зубов А. Единство и разделения современного русского общества // Знамя. 1998. № 11. С. 161–194.
36. Идеологические предпочтения населения России: новые тенденции (по данным исследования ИНДЕМ и РОМИР). М., 2000.
37. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2000.
38. Ионин Л.Г. Социология культуры: Учеб. пособие. М., 1996.
39. Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3–14.
40. Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX–начала XX века / Под ред. И.С. Кона. Утверждено к печати Институтом социологических исследований АН СССР. М., 1979. С. 164–179.
41. Какой тип культуры складывается в современной России? Круглый стол, 12 марта 2010 г. – СПб., 2010.
42. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб., 2004.
43. Кирдина С.Г. Социокультурный и институциональный подходы как основа позитивной социологии в России // СОЦИС. 2002. № 12. С. 23–33.

44. *Кирдина С.Г.* Об институциональных матрицах: макросоциологическая объяснительная гипотеза // СОЦИС. 2001. № 2. С. 13–23.
45. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000.
46. *Кови Стивен Р.* Семь навыков высокоеффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М., 2011.
47. *Кон И.С.* Социология личности. М., 1980.
48. *Костюк В.Г., Абрамова М.А., Гончарова Г.С.* Социокультурные типы: теоретические модели и эмпирическая верификация // Вестн. Новосиб. Гос. ун-та. Серия: Философия. 2013. Т. 11. Вып. 1. С. 60–68.
49. *Костюченко Л.Г., Резник Ю.М.* Введение в теорию личности: социокультурный подход. М., 2003.
50. *Кросс-культурная психология. Исследования и применение /* Пер. с англ. Харьков: Изд-во Гуманитарный центр, 2007. С. 381.
51. *Куда идет российская культура? Круглый стол, 27–28 июня 2009 г. – СПб., 2010.*
52. *Лапин Н.И.* Антропосоциетальный подход: методологические основания, социологические измерения // Вопросы философии. 2005. № 2. С. 17–29.
53. *Лапин Н.И.* Проблемы социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6. С. 3–17.
54. *Лапин Н.И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000. № 7. С. 3–12.
55. *Лапин Н.И.* Россия как реальность. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. 2000. № 3. С. 3–47.
56. *Лапин Н.И.* Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.
57. *Лапин Н.И.* Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. 1996. № 5. С. 6–31.
58. *Лапин Н.И.* Кризис отчужденного бытия и проблемы социокультурной реформации // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 29–41.
59. *Мейен С.В., Шрейдер Ю.А.* Методологические аспекты теории классификации // Вопросы философии. 1976. № 12. С. 67–79.
60. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* М., 1994.

61. *Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: Аналитический доклад.* М., 2007.
62. *Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов.* М., 1994
63. *Национальный состав населения России// Материалы Всероссийской переписи 2010 г.* http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/ Documents/Vol4/pub-04-01.pdf
64. *Национальный состав населения России по данным переписей населения (тысяч человек) // Демоскоп Weekly № 603-604.* 16–29 июня 2014 http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nation.php
65. *Орлова Э.А. История антропологических учений.* М., 2010.
66. *Осипов Г.В. Социология и социальное мифотворчество.* М., 2002.
67. *Осипов Г.В., Андреев А.П. Методы измерения в социологии.* М., 1977.
68. *Паниотто В.И. Качество социологической информации.* Киев, 1986.
69. *Парсонс Т Понятие культуры и социальной системы // О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского.* М., 2002. С. 693–776.
70. *Парсонс Т. К общей теории действия. Теоретические основания социальных наук.* М., 2000.
71. *Плотников В.И. Типологический подход / Социальная философия: Словарь.* М., 2008. С. 532–533.
72. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Евразийство как социокультурный тип // Гуманитарные науки в Сибири.* 2003. № 3. С. 28–32.
73. *Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона.* Пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992.
74. *Регионы России. Социально-экономические показатели.* 2013: Стат. сб. / Росстат. М., 2013.
75. *Регионы России. Социально-экономические показатели.* 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.
76. *Резник Ю.М. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под ред. Ю. М. Резника.* М, 2012.
77. *Резник Ю.М. Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез? // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология.* 1996. № 4. С. 51–57.
78. *Резник Ю.М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни).* М., 1995.

79. *Розова С.С.* Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск, 1986.
80. *Россия как цивилизация: сибирский ракурс.* Новосибирск, 2008.
81. *Савельев Л.Я., Гончарова Г.С.* Стохастическая модель структуры социальной группы // Научные труды ТывГУ, Вып. VIII. Т. II. Кызыл, 2014. С. 90–93.
82. *Савельев Л.Я.* Марковские последовательности с четырьмя значениями // Научные труды ТувГУ. Вып. XI. Кызыл. 2013. С. 82–84.
83. *Савельев Л., Балакин С.* «Конечные марковские цепи и серии. Теория и приложения» LAMBERT Academic Publishing, 2012.
84. *Саганенко Г.И.* Надежность результатов социологического исследования. Л., 1983.
85. *Саганенко Г.И.* Социологическая информация / Под. ред. В.А. Ядова. Л., 1979.
86. *Собчик Л.Н.* Диагностика индивидуально-типологических свойств и межличностных отношений. СПб., 2003.
87. *Соколова Н.П.* Личность как объект этического исследования / Типология социальных явлений. Свердловск, 1982.
88. *Сомов В.А.* Советский человек как социокультурный тип в современном научном дискурсе // Актуальные проблемы новейшей истории и историографии. Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2012. № 6 (3). С. 117–122.
89. *Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. Исследования изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000.
90. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
91. *Социокультурный подход* // <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4>
92. *Социокультурные практики: теория и методы исследования.* Научный альманах. 2011. Т. I. Идентичность и социальное конструирование / Центр социальной теории РУДН; Под ред. П.К. Гречко и Ю.М. Резника. М., 2012.
93. *Татарова Г.Г.* Основы типологического анализа в социологических исследованиях. М., 2009.
94. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ в социологии. М., 1993.

95. *Типология и классификация в социологических исследованиях.* М., 1982.
96. *Типология социальных явлений.* Свердловск, 1982.
97. *Тоиценко Ж.Т. О понятийном аппарате в социологии // СОЦИС.* 2002. № 9. С. 3.
98. *Труд и занятость в Республике Саха (Якутия) за 2000–2012 гг.: Статистический сборник / ТО ФСГС по РС(Я). Я., 2011.*
99. *Турен А. Возвращение человека действующего.* М., 1998.
100. *Уайт Л. Избранное. Наука о культуре.* М., 2004.
101. *Франкл В. Человек в поисках смысла.* М., 1990.
102. *Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социогуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг.* 2005. № 4. С. 101–102.
103. *Шафаренко Т.А. География населения мира, понятийно-терминологический словарь,* 2009 г. // <http://www.psyoffice.ru/6-1112-tipologija-i-klasifikacija.htm>
104. *Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях.* М., 1973.
105. *Щедровицкий Г.П. Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Системные исследования, Ежегодник.* 1975. М., 1976. С. 172–214.
106. *Штак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации:* Дис. ...докт. филос. наук. Кемерово, 1992.
107. *Штак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, проблемы, направления:* Автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Кемерово, 1991.
108. *Штак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы.* Красноярск, 1991.
109. *Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы.* М., 1972.
110. *Ядов В.А. Социальный тип личности // Коммунист.* 1988. № 10. С. 96–99.
111. *Abramova M., Goncharova G. Type of marriage of parents as the factor of adaptation of a child in poli-ethnic society // Polskie Forum psychologiczne.* 2013. Tom 18. № 3. P. 267–284.
112. *Al-Issa I., Tousignant, M. (Eds) Ethnicity, immigration and psychopathology.* New York, 1997.

113. *Ansart P.* Sociologie de Saint-Simon P. 1970.

114. *Berry J.W., Kalin R.* Reciprocity of inter-ethnic attitudes in a multicultural society// International Journal of Intercultural Relations. 1995. № 3. P. 99–112.

115. *Brewer M.* The social self: On being the same and different at the same time // Personality and Social Psychology Bulletin. 1991. P. 475–82.

116. *Co clanis Peter A., Pitirim A.* Sorokin's early contributions to the development of anthropometric history // Economics and Human Biology. 2013. № 11. P. 259–268.

117. *Cowell F.R.* Values in Human Society: The Contributions of Pitirim A. Sorokin to Sociology. F. Porter Sargent, Boston, 1970.

118. *Dubois C.* The People of Alor. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1944.

119. *Ford J.B., Richard, M.P., Talbutt, P.C.* (Eds.). Sorokin and Civilization: A Centennial Assessment. Transaction Publishers, New Brunswick, NJ. 1996.

120. *Gauvain M.* Vygotsky's Sociocultural Theory//Encyclopedia of Infant and Early Childhood Development, 2008. P. 404–413.

121. *Graves T.D.* Psychological acculturation in a tri-ethnic community // South-Western Journal of Anthropology. 1967. № 23. P. 337–350.

122. *Inkeles A., Levinson D.J.* National Character: The study of modal personality and sociocultural systems // The Handbook of Social Psychology. Lindzey G. and Aronson E. (eds.) Massachusetts, Calif., L., Ontario, 1969. Vol. IV.

123. *Kalin R., Berry, J.W.* (1995). Ethnic and civic self-identity in Canada: Analyses of the 1974 and 1991 national surveys // Canadian Ethnic Studies. 1995. № 27. P. 1–15.

124. *Luhmann N.* Social Systems. Stanford: Stanford University Press, 1995.

125. *Ma J.* The Synergy of Peirce and Vygotsky as an Analytical Approach to the Multimodality of Semiotic Mediation // Mind, Culture, and Activity. 2014. P. 1119–1133.

126. *Massachusetts Calif. L.* Ontario: Addison-Wesley. 1969. Vol. IV.

127. *Mead M.* Cultural determinants of behavior // Culture and Behavior. Roe A. and Simpson G. (eds.). New Haven, 1958.

128. *Montuori A.* Social Psychology. California Institute of Integral Studies, San Francisco, CA, USA, 1975.

129. *Ritzer C.* Sociology. A Multiple Paradigm Science. Boston, 1976.

130. *Schwartz S.H.* Universala in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25.
131. *Schwartz S.H., Sagiv L.* Identifying Culture Specifics in the Content and Structure of Values//Journal of Cross-Cultural Psychology. 1995. Vol. 26 (1). P. 92–116.
132. *Simonton D.K.* Sociocultural context of individual creativity: A trans-historical time-series analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1975. № 32(6).
133. *Smith T.L.* Sorokin's rural-urban principles // Allen, P.A. (Ed.), Sorokin in Review. 1963. P. 188–205.
134. *Sorokin P.A.* Mutual convergence of the United States and the U.S.S.R. To the mixed sociocultural type // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 1, Issue 2. 1960. P. 143–176.
135. *Tajfel H.* (Ed) Differentiation between social groups. London: Academic Press, 1978.
136. *Tiryakian E.A.* (Ed.) Sociological Theory, Values, and Sociocultural Change: Essays in Honor of Pitirim A. Sorokin. The Free Press, New York, 1963.

**Мария Алексеевна Абрамова,
Галина Савитовна Гончарова,
Всеволод Григорьевич Костюк**

**Социокультурные типы молодежи:
этнический и региональный аспекты**

Монография

Редактор *Н.А. Лившиц*
Компьютерная верстка *М.А. Абрамова*

Подписано в печать 29.09.2014. Формат бумаги 60 84 1/16

Цифровая печать. Гарнитура Times New Roman
Уч. изд. л. 8,5. Усл. печ. л. 9,3. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Автограф»
630090, г. Новосибирск, ул. Институтская, 4/1, тел. (383) 330-26-98